

НОВГОРОДСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО

ИСТОРИЧЕСКОЕ ВЕЧЕ: ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ

*Сборник статей Всероссийской (с международным участием)
научной конференции студентов и молодых ученых
Великий Новгород, 10–11 февраля 2022 года*

**Великий Новгород
2023**

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НОВГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО»

ИСТОРИЧЕСКОЕ ВЕЧЕ: ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ

*Сборник статей Всероссийской (с международным участием)
научной конференции студентов и молодых ученых
Великий Новгород, 10–11 февраля 2022 года*

Великий Новгород
2023

УДК 94(47).02:94(47).04:902
ББК 63.3(2)411-33+63.4
И90

Печатается по решению
РИС НовГУ

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор **М. Б. Бессуднова**
(Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого,
г. Великий Новгород)

кандидат исторических наук, доцент **Я. А. Васильев**
(Санкт-Петербургский институт истории РАН, г. Санкт-Петербург)

Редакционная коллегия:

канд. ист. наук В. В. Грохотова (отв. ред.), А. В. Ушаков (отв. секр.), Д. А. Борисевич (зам. отв. секр.), канд. филос. наук Д. Е. Крапчунов, канд. ист. наук К. С. Десятков, канд. ист. наук Н. В. Салоников, канд. ист. наук О. В. Матвеев, канд. ист. наук Н. С. Федорук, канд. ист. наук Е. А. Макарова, канд. ист. наук А. М. Гринев, канд. ист. наук И. В. Самойлова, К. Г. Самойлов

Историческое вече: проблемы истории и археологии: сборник
И90 статей Всероссийской (с международным участием) научной конференции студентов и молодых ученых. Великий Новгород. 10–11 февраля 2022 года / Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2023. – 162 с.
ISBN 978-5-89896-850-2
DOI: 10.34680/978-5-89896-850-2/2023.veche

В сборник включены статьи, представленные в рамках Всероссийской (с международным участием) конференции студентов и молодых ученых «Историческое вече: проблемы истории и археологии», состоявшейся 10–11 февраля 2022 года в Новгородском государственном университете имени Ярослава Мудрого, город Великий Новгород. В ходе работы конференции были представлены доклады, содержащие результаты актуальных исследований, посвященных различным проблемам истории – как отечественной, так и всемирной. Большое внимание было уделено вопросам археологии и историографии археологических исследований. Сборник предназначен для широкого круга лиц: сотрудников и преподавателей высших учебных заведений, аспирантов, магистрантов, студентов, а также всех интересующихся отечественной и всемирной историей.

УДК 94(47).02:94(47).04:902
ББК 63.3(2)411-33+63.4

ISBN 978-5-89896-850-2

© Новгородский государственный университет
им. Ярослава Мудрого, 2023
© Авторы статей, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
<i>Андреев Е. Д.</i> История археологического изучения бассейна озера Селигер в дореволюционное время	7
<i>Белоруссова Т. Е.</i> Положение албанского населения Морейского деспотата в конце XIV – первой половине XV в.	14
<i>Беспалова К. А.</i> Просветительская деятельность «Союза русских рабочих Франции» / «Союза советских граждан во Франции» среди русских эмигрантов.....	20
<i>Болонин И. А.</i> Русско-польские торговые взаимоотношения в домонгольский период в послевоенной советской историографии	27
<i>Борисевич Д. А.</i> Формирование представления о нормативном и девиантном поведении молодежи в послевоенном советском обществе (на примере происшествия в поселке Комарово Любытинского района Новгородской области)	32
<i>Воронин Д. О.</i> Реформа судопроизводства Софьи Витовтовны в контексте Династической войны: опыт реконструкции	40
<i>Выслоужилова Д. Л.</i> Ритуальная функция пива в удмуртском родильном обряде «нуны сюан»	48
<i>Герцен А. С.</i> Применение методов ДН при изучении династических имен Рюриковичей	53
<i>Горбунов И. В.</i> История археологического изучения Никольского района Вологодской области.....	60
<i>Гребенников Н. Ю.</i> Статус города Болгара после похода русских князей 1376–1377 гг.: вымышленное приобретение Дмитрия Ивановича Московского, или как ханский даруга стал великокняжеским	65
<i>Егорова А. В.</i> Изучение скандинавских древностей IX–XI вв. в Восточной Европе в археологической литературе XIX – начала XX в.	71

<i>Ившин В. С.</i>	
«Где царский попан скипетр и трон...»: рефлексия о Французской революции 1789 г. и Польском восстании 1794 г. в российской политической культуре 1790-х	77
<i>Калугина Е. М.</i>	
Письменные источники о производстве текстиля в домонгольской Руси	83
<i>Клейменов В. И.</i>	
К вопросу об участии новгородцев в Донском побоище (1380 г.): против С. Н. Азбелева и М. А. Несина	89
<i>Кокиева А. Р.</i>	
Всероссийские археологические съезды: создание мифа о Московском археологическом обществе	99
<i>Котик А. В.</i>	
Влияние Китая на внешнюю политику республики Казахстан в 2014–2020 гг.	104
<i>Кузьмина А. В.</i>	
Финно-угорская шумящая подвеска из раскопок памятника Погостище 15	110
<i>Кутукова Е. Ю.</i>	
Общество и власть монголов согласно Великой Ясе	115
<i>Манин Д. О.</i>	
Особенности французских проектов освоения волжского транзитного маршрута в 1680-х гг.	121
<i>Остапенко В. А.</i>	
История антропологических исследований Костромского научного общества по изучению местного края (1912–1929)	126
<i>Пузанов Д. В.</i>	
Демократия вещей: утопические проекты экологической истории	133
<i>Соколов А. Ю.</i>	
История изучения средневековых мостов (по материалам подводных археологических исследований в озере Ледницком).....	138
<i>Соколов П. А.</i>	
Баптистские общины в латышских колониях Новгородской губернии во второй половине XIX – первой трети XX в.	144
<i>Туганова Д. С.</i>	
Новые данные о декоре печей в постройках Московского кремля по находкам 2010–2011 гг. в подклете Грановитой палаты	150
<i>Храбров Д. С.</i>	
Дендрохронологические исследования на археологических памятниках Новгородской земли	157

ПРЕДИСЛОВИЕ

10–11 февраля 2022 года в стенах Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого состоялась Всероссийская (с международным участием) конференция студентов и молодых ученых «Историческое вече: проблемы истории и археологии». Стоит отметить, что проект проведения широкопрофильной конференции молодых ученых, способной объединить в рамках секционных заседаний результаты актуальных исследований, посвященных разнообразным проблемам отечественной и всемирной истории и археологии, разрабатывался профессорско-преподавательским составом Гуманитарного института НовГУ на протяжении длительного времени, и прошедшее мероприятие, безусловно, можно считать успешным.

Программный комитет конференции возглавили заведующая кафедрой всемирной истории и международных отношений В. В. Грохотова и заведующая кафедрой истории России и археологии Е. В. Торопова. В программный комитет также вошли сотрудники указанных кафедр: доктор исторических наук, профессор М. Б. Бессуднова, кандидат исторических наук, доцент К. С. Десятков, кандидат исторических наук, доцент Н. В. Салоников, кандидат исторических наук, доцент И. В. Самойлова, кандидат исторических наук, доцент А. М. Гринев, старший преподаватель К. Г. Самойлов, ассистент кафедры В. А. Якунина и директор Центра археологических исследований С. Е. Торопов.

Сформированный по результатам конференции сборник статей позволяет получить полную картину научной активности участников заседаний

В настоящий сборник вошли статьи, посвященные истории и историографии археологической науки (Е. Д. Андреев, И. А. Болонин, И. В. Горбунов, А. В. Егорова, А. Р. Кокиева, А. Ю. Соколов, Д. С. Храбров), актуальным проблемам современной археологии (А. В. Кузьмина, Т. С. Туганова). Кроме того, большое внимание было уделено истории Средневековой Руси: были рассмотрены вопросы, связанные с реформой судопроизводства Софьи Витовтовны (Д. О. Воронин), проанализированы династические имена Рюриковичей с использованием методов частотного и сетевого анализа (А. С. Герцен), определен статус средневекового города Болгара (Н. Ю. Гребенников), рассмотрены письменные источники о производстве текстиля в домонгольской Руси (Е. М. Калугина), было

поставлено под сомнение участие новгородцев в Куликовской битве (В. И. Клейменов). В настоящем сборнике также представлены статьи, посвященные всемирной истории периода Средневековья: было определено положение албанского населения в Морейском деспотате (Т. Е. Белоруссова), а также выявлены характерные черты монгольского общества по Великой Ясе (Е. Ю. Кутукова). Не остались без внимания проблемы истории Нового времени: исследователи проанализировали отражение Великой Французской революции и Польского восстания в российской политической культуре (В. С. Ившин), выявили особенности освоения французских проектов конца XVI века по освоению волжского транзитного маршрута (Д. О. Манин), рассмотрели специфику организации латышских баптистских общин в Новгородской губернии (П. А. Соколов). Кроме того, в настоящее издание вошли статьи, касающиеся этнографии (Д. Л. Выслоужилова), истории антропологической мысли (В. А. Остапенко), а также экологической истории (Д. В. Пузанов). Стоит выделить блок статей, посвященных проблемам Новейшей истории: была рассмотрена просветительская деятельность русских эмигрантов во Франции в 1920-е годы (К. А. Беспалова), выявлены особенности поведения молодежи в послевоенном советском обществе (Д. А. Борисевич), проанализировано влияние Китая на внешнюю политику республики Казахстан (А. В. Котик).

Таким образом, материалы конференции, представленные в настоящем издании, могут быть полезны не только специалистам, но и широкому кругу читателей, интересующихся актуальными проблемами отечественной и всемирной истории и археологии.

В. В. Грохотова

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ БАССЕЙНА ОЗЕРА СЕЛИГЕР В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЕ ВРЕМЯ

Андреев Е. Д.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(г. Великий Новгород, Россия)

E-mail: egoil792gmail.com@mail.ru

HISTORY OF ARCHAEOLOGICAL STUDY OF THE LAKE SELIGER BASIN IN THE PRE-REVOLUTIONARY TIME

Andreev E. D.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
(Veliky Novgorod, Russia)

E-mail: egoil792gmail.com@mail.ru

Аннотация. В данной статье представлен анализ трудов об археологических исследованиях на территории бассейна озера Селигер в дореволюционное время, а также находящихся в свободном доступе отчетов археологических экспедиций, проводивших исследования избранного района. В ходе работы была систематизирована информация об истории археологического изучения исследуемого региона со второй половины XIX в. до первых десятилетий XX в., а также дана его периодизация.

Ключевые слова: археология; отечественная археология; тверская археология; Тверская губерния; Верхневолжье; озеро Селигер.

Abstract. This article presents an analysis of works on archaeological research on the territory of the Lake Seliger basin in pre-revolutionary times, as well as freely available reports of archaeological expeditions that conducted research on the selected area. The work contains systematized information about the history of the archaeological study of the studied region from the second half of the 19th century to the first decades of the 20th century. The periodization of the period is provided.

Keywords: archeology; russian archeology; Tver archeology; Tver province; Upper Volga; Lake Seliger.

Отечественная археология за все время своего существования прошла долгий эволюционный путь развития и преобразований. За несколько веков российскими археологами были изучены совершенно разнообразные районы и памятники, находящиеся на территории нашей страны. Одним из таких стала территория бассейна озера Селигер.

В ходе исследований публиковалось большое количество трудов, которые к настоящему моменту представляют собой огромный массив

информации, являющейся очень ценной для исследователей. Обобщение результатов исследований такого рода не всегда доходит до публикации и вводится в научный оборот, по причине чего в последние десятилетия в научной литературе существует тенденция к написанию работ, решающих данную проблему.

Источниковой базой данной работы служат в основном опубликованные материалы – это научные труды об археологическом исследовании в избранном регионе, а также находящиеся в свободном доступе отчеты археологических экспедиций, проводивших исследования на данной территории. Стоит сказать, что некоторые исследователи частично затрагивали данную тему в своих исследованиях. В частности, Е. Н. Жуковой была написана диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук под названием «Изучение археологических памятников в Тверской губернии во второй половине XIX – первой трети XX в.» [1, с. 24], которая также использовалась при написании данной работы.

Территория Верхневолжья стала предметом исследовательского интереса отечественных ученых лишь во второй половине XIX века. В это время все еще была распространена практика ведения археологических раскопок непрофессиональными археологами, поэтому все еще встречались случаи проведения любительских работ. Результаты данных исследований, равно как и материалы с самих раскопок, практически не были сохранены и не дошли до наших дней [2, с. 8].

В частности, в 1865 году в результате деятельности помещицы Полибиной были проведены раскопки на городище Старый Сиг [3, с. 44]. Спустя почти десятилетие в 1878 году под руководством С. П. Уткиной проведены раскопки большого кургана в бассейне озера Селигер [4, с. 43–44]. И даже уже после проведения в данной местности своих исследований И. В. Поляковым раскопки такого рода все равно продолжались. В 1889 году вблизи деревни Волга, которая в документах того времени названа деревней Тухачево, А. П. Никольский, А. В. Казанский и В. Ф. Жураховский провели исследование находившего на данной территории кургана [5, с. 13].

Первым начавшим систематические археологические изыскания в бассейне озера Селигер был И. С. Поляков. Под покровительством П. А. Кропоткина И. С. Поляков получил прекрасное гимназическое образование, а также закончил Санкт-Петербургский университет. При финансовой поддержке Академии наук и Географического общества им было исследовано множество археологических памятников по всей территории Российской Империи [6, с. 27].

В современных научных кругах И. С. Поляков наиболее известен по открытию в 1879 году такого знаменитого археологического памятника, как стоянка Костенки I. За несколько лет до этого открытия, Иван Семенович занимался археологическими исследованиями в бассейне озера Селигер. В отличие от его предшественников, также участвовавших в археологических раскопках на данной территории, И. С. Поляковым впервые было составлено описание найденных им древностей.

В 1874 году И. С. Поляков, будучи членом-корреспондентом Русского Географического общества, был направлен в Тверскую губернию для проведения археологических раскопок на территории, расположенной недалеко от истока Волги. За этот год И. С. Поляковым были обследованы береговые линии озера Селигер, а также ряда других озер Верхневолжья [7, с. 8]. Помимо памятников палеолита предполагалось нахождение большого количества памятников более позднего времени, так как в Средневековье через данную местность проходила одна из ветвей большого торгового пути «Из варяг в греки» [8, с. 3].

Первоначально Русское Географическое общество ставило перед исследователем цели нахождения и изучения поселений каменного века или их остатков, однако в ходе работ были обнаружены многочисленные одиночные курганные могильники или же целые группы курганных насыпей, что впоследствии отмечает и сам И. С. Поляков в своих отчетах [9, с. 130]. Ученый также оставил записи об обнаружении его экспедицией нескольких курганов около залива Белки на озере Сиг и шести могильных насыпей около Ширкова погоста, ныне деревня Ширково. Помимо этого, в ходе археологических разведок было обнаружено ранее неизвестное городище, находящееся в пределах береговой линии озера Глубокое. На территории городища И. С. Поляков обнаружил и впоследствии описал остатки древней керамики в виде легко различимых обломков глиняных горшков [10, с. 135].

Всего же за 1874 год И. С. Поляковым были обнаружены и зафиксированы многочисленные следы и остатки поселений или стоянок каменного века на берегах озер Сиг, Стерж, Вселуг, Селигер и других озер Осташковского уезда [11, с. 8].

Следующим, кто занимался археологическими исследованиями на данной территории, был Д. Н. Анучин. В 1890 году он отправился в поездку по Тверской губернии в район Верхневолжья. Несмотря на то, что данный исследователь старался не участвовать в археологических раскопках на территории Российской Империи, на этот раз им было сделано исключение.

Во время своей поездки Д. Н. Анучин исследует курганы вблизи озера Волго. Также ученым была осмотрена береговая линия озера Селигер, где на северном берегу им было обнаружено и описано городище. Помимо этого, в ходе данного исследования были изучены курганные захоронения у озер Пено и Вселуг [12, с. 8].

С 1894 по 1903 год по инициативе Министерства земледелия Российской Академией наук была организована экспедиция во главе с генерал-лейтенантом А. А. Тилло. Целью данной экспедиции было исследование истоков главнейших российских рек с последующим установлением причин их критического обмеления в последние годы. В рамках данной экспедиции был привлечен уже упомянутый Д. Н. Анучин, который снова исследовал район истока Волги и Верхневолжских озер. Однако с археологической точки зрения каких-либо значимых открытий в этот раз совершенно не было.

В дальнейшем, с наступлением нового столетия, сведения об археологических работах в данном регионе продолжали пополняться. В 1902 году С. А. Гатцук приступил к изучению курганов Верхнего течения Волги. Из обследованных Осташковского, Зубцовского и Старицкого уездов в контексте данной работы наиболее ценной является информация об изучении первого из них. Недалеко от села Песочного было обнаружено две группы курганов, датированных XI веком. Могильники содержали достаточно большое количество элементов материальной культуры, которые в основном были представлены украшениями и элементами одежды, например, были найдены височные кольца различного размера, шейные гривны или бусы [13, с. 115].

В 1903 году уроженец Тверской губернии, русский археолог В. И. Колосов – член Тверской ученой архивной комиссии, будучи с 1898 года председателем Совета Тверского общества любителей археологии, истории и естествознания, совместно с еще одним участником общества Н. Г. Ратмановым приступил к раскопкам курганов в Верхневолжье. По мнению некоторых исследователей, В. И. Колосов и Н. Г. Ратманов, возможно, раскапывали именно тот курган, который в ходе своей экспедиции обнаружил и описал несколькими годами ранее Д. Н. Анучин [14, с. 8].

Исследователями были раскопаны еще несколько курганов в том же районе. Также были начаты раскопки двух длинных и одного круглого по форме кургана. Данные курганы находились вблизи деревни Извехово. В курганах археологи обнаружили захоронение по обряду кремации, но без какого-либо сопутствующего погребального инвентаря. Несмотря на то, что

ученые ожидали находок в виде предметов при раскопках курганов, исследование все равно было признано удачным, так как при разрытии насыпи был четко прослежен и зафиксирован процесс возведения такого длинного могильника [15, с. 8].

В этом же году В. Н. Глазов – один из археологов, ведущих активную исследовательскую деятельность в Европейской части страны, продолжил начатое немногим ранее изучение древних погребений в Верхневолжье. Недалеко от деревни Новинка Осташковского уезда им были раскопаны несколько курганных групп, хронологически относящихся к раннесредневековому периоду. В ходе продолжавшихся работ в большинстве могильных насыпей было обнаружено только небольшое количество слоя, состоящего из золы и пепла. Однако в одном из четырех могильников оказались костные остатки сожженных тел вперемешку с опять же слоем угля и золы. Также вблизи уже упоминаемых деревень Изведово и Ширкова погоста В. Н. Глазов опять же отмечает курганные захоронения, совершенные по способу трупосожжения.

Исследования В. Н. Глазова не ограничились только лишь изучением курганных могильников, археологическими работами были затронуты в том числе несколько городищ. При изучении городища Нечай Городок, также как и на городище Стерж, путем раскапывания траншеи рассмотрены и изучены находки, относящиеся к Средневековью. В основном были найдены и описаны металлические ножи, орнаментированные обломки славянских керамических изделий и пряслица [16, с. 9].

Опираясь на изученный материал, можно составить периодизацию археологических исследований бассейна озера Селигер до нулевых годов XX века.

Первый из этапов начался в 60-е годы XIX века с любительских раскопок славянских древностей помещицы Полибиной на городище Старый Сиг. Однако с определением границ окончания данного периода можно столкнуться с проблемой, так как любительские раскопки на данной территории продолжались даже после начала там научных археологических раскопок в 70-е годы XIX века. Например, в 1878 году С. П. Уткина занималась раскопками большого кургана на береговой линии Селигера, а в 1889 году в районе деревни Волга А. П. Никольским, А. В. Казанским и В. Ф. Жураховским были совершены раскопки кургана. Но если в качестве критерия для периодизации использовать дату начала исследования не только памятников славянской археологии, то этот этап завершается к 70-м годам XIX века.

Следующий этап начинается, соответственно, с середины 70-х годов XIX века и длится до начала XX века. В это время деятельность по изучению памятников каменного века в бассейне озера Селигер начал И. С. Поляков. От предшествовавших ему исследователей его отличает наличие прекрасного образования и научная направленность раскопок. А уже в 90-е годы XIX века Д. Н. Анучин исследовал курганные захоронения вблизи ряда верхневолжских озер. Данные исследования способствовали почти завершившемуся движению тверской археологии в сторону научности.

Последний из этапов начался в начале XX века. К этому моменту отечественная археологическая наука имела все необходимые источники для начала новых исследований. Для данного этапа характерны исключительно научные археологические раскопки в бассейне озера Селигер. К таким можно отнести исследования курганов Осташковского уезда 1902 года С. А. Гатцука, раскопки древних могильников 1903 года В. И. Колосова [17, с. 4] и Н. Г. Ратманова, а также исследования нескольких курганных групп и городищ, проведенные В. Н. Глазовым [18, с. 219]. Помимо того, в 1903 году местом проведения II Областного Археологического съезда была избрана Тверь. Съезд повысил интерес к археологическому изучению Тверской губернии, однако он не привел к увеличению интереса к археологии бассейна озера Селигер. К концу нулевых годов данная территория постепенно перестает быть предметом интересов отечественных археологов, что и является концом третьего этапа ее изучения.

Список источников и литературы

1. Жукова Е. Н. Изучение археологических памятников в Тверской губернии во второй половине XIX – первой трети XX в.: специальность 07.00.06 «Археология»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Ин-т археологии РАН. Москва, 2005. 24 с.
2. Исланова И. В. Древности в Верховьях Волги. Москва: Институт археологии РАН, 2012. 219 с.
3. Плетнев В. А. Об остатках древности и старины в Тверской губернии: к археологической карте губернии. Тверь: Издание тверской ученой архивной комиссии, 1903. 607 с.
4. Плетнев В. А. Об остатках древности и старины в Тверской губернии: к археологической карте губернии. Тверь: Издание тверской ученой архивной комиссии, 1903. 607 с.

5. Плетнев В. А. Об остатках древности и старины в Тверской губернии: к археологической карте губернии. Тверь: Издание тверской ученой архивной комиссии, 1903. 607 с.
6. Формозов А. А. Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. Москва: Знак, 2006. 344 с.
7. Исланова И. В. Древности в Верховьях Волги. Москва: Институт археологии РАН, 2012. 219 с.
8. Овсянников Н. Н. Указатель Тверской старины. Тверь: Типография губернского правления, 1903. 63 с.
9. Поляков И. С. Исследования по каменному веку в Олонецкой губернии, в Долине Оки и на Верховьях Волги. Москва: Нобель пресс, 2011. 334 с.
10. Поляков И. С. Исследования по каменному веку в Олонецкой губернии, в Долине Оки и на Верховьях Волги. Москва: Нобель пресс, 2011. 334 с.
11. Исланова И. В. Древности в Верховьях Волги. Москва: Институт археологии РАН, 2012. 219 с.
12. Исланова И. В. Древности в Верховьях Волги. Москва: Институт археологии РАН, 2012. 219 с.
13. Отчет Императорской Археологической комиссии за 1902 год. Санкт-Петербург: Главное управление уделов, 1904. 203 с.
14. Исланова И. В. Древности в Верховьях Волги. Москва: Институт археологии РАН, 2012. 219 с.
15. Исланова И. В. Древности в Верховьях Волги. Москва: Институт археологии РАН, 2012. 219 с.
16. Исланова И. В. Древности в Верховьях Волги. Москва: Институт археологии РАН, 2012. 219 с.
17. Колосов В. И. Краткое описание Тверского музея. Тверь: Губернская типография, 1911. 62 с.
18. Исланова И. В. Древности в Верховьях Волги. Москва: Институт археологии РАН, 2012. 219 с.

ПОЛОЖЕНИЕ АЛБАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ МОРЕЙСКОГО ДЕСПОТАТА В КОНЦЕ XIV – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XV В.

Белоруссова Т. Е.

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
(г. Екатеринбург, Россия)

E-mail: T.E.Belorussova@urfu.ru

THE CONDITION OF THE ALBANIAN POPULATION OF THE DESPOTATE OF THE MOREA (THE END OF 14th – THE FIRST HALF OF THE 15th CENTURIES)

Belorussova T. E.

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

E-mail: T.E.Belorussova@urfu.ru

Аннотация. В конце XIV в. албанские племена прибыли на Пелопоннес, получив разрешение деспота Морей Феодора I Палеолога (1383–1407) на поселение в византийской части полуострова. Эта миграция усложнила этническую ситуацию в деспотате, однако позволила разрешить проблемы нехватки человеческих ресурсов и хозяйственного запустения территорий. Автор анализирует их образ жизни в Морее и характер взаимодействия с византийской администрацией. Основываясь на нарративных и эпистолярных источниках XIV – первой половины XV в., в исследовании рассматривается участие албанского населения во внутренней жизни Морейского деспотата: их служба в войске деспотов, участие в обороне территории полуострова от нападений турок-османов, поддержка византийских правителей в междоусобной борьбе. Делается вывод, что албанским переселенцам в целом удалось занять свою особую нишу в поздневизантийском обществе Морей, частично интегрировавшись в византийскую среду, но сохранив при этом собственные обычаи. В долгосрочной же перспективе албанский фактор дестабилизировал обстановку на Пелопоннесе по причине их неполной интеграции и активного привлечения этих племен к военной политике деспотов.

Ключевые слова: Поздняя Византия, Пелопоннес, Морейский деспотат, албанцы, население Византии, Палеологи.

Abstract. At the end of the 14th century, Albanian tribes arrived in the Peloponnese and received permission from the Despot of the Morea Theodore I Palaiologos (1383–1407) to settle in the Byzantine part of the peninsula. This migration complicated the ethnic situation in the despotate but allowed to solve the problems of lack of human resources and economic desolation of the territories. The author analyzes their mode of life in Morea and the nature of their interaction with the Byzantine administration. Based on the narrative and epistolary sources of the 14th – the first half of the 15th century, the study examines the participation of the Albanian population in the internal life of the Despotate of the Morea: their service in the army of despots,

participation in the defense of the territory of the peninsula from the attacks of the Ottoman Turks, support of the Byzantine rulers in the internecine struggle. The author concludes that the Albanian settlers managed to occupy their special niche in the late Byzantine society of the Morea, partially integrating into the Byzantine environment, but retaining their own customs. In the long term, the Albanian factor destabilized the situation in the Peloponnese due to their incomplete integration and the active involvement of these tribes in the military policy of the despots.

Keywords: Late Byzantium, Peloponnese, Despotate of the Morea, Albanians, population of Byzantium, Palaiologos.

Албанские миграции на византийские земли активизировались в правление императора Андроника II (1282–1328), и в ходе XIV в. албанцы расселились на греческих территориях. На Пелопоннес они впервые прибыли вместе с деспотом Мануилом Кантакузином (1349–1380) в качестве наемников. Этнические албанцы входили в личную охрану деспота, а также в число защитников морейских крепостей [1, р. 88. 8–10]. Однако активное переселение больших групп этого этноса в Морею относится лишь к концу XIV в. К этому времени частые войны византийцев с латинянами Ахейского княжества, эпидемии чумы и турецкие набеги второй половины XIV в. привели к серьезному сокращению населения полуострова и сделали его территорию крайне небезопасной. Помимо этих негативных факторов морейский деспот Феодор I Палеолог (1382/3–1407) в начале своего правления столкнулся с решительным сопротивлением местной греческой аристократии, не желавшей подчиняться новому правителю, назначенному из Константинополя. Его борьба с непокорными архонтами продолжалась несколько лет, оказывая дестабилизирующее влияние на положение дел в регионе [2, р. 236].

Мануил II Палеолог (1391–1425) в «Надгробной речи», написанной после смерти Феодора I, отмечал, что за время правления деспота в его владения прибывали новые народы из ближних и отдаленных областей, чтобы поселиться на пустовавших территориях Пелопоннеса. Их число было значительным, поскольку, как пишет Мануил, «вся страна была расчищена, и многие дикие места, которые [ранее] привлекали лишь грабителей, были восстановлены, а умелыми руками земледельцев возделаны деревья и многие виды растений» [3, р. 119. 18–21]. Этническая принадлежность этих народов, кроме одного, неизвестна. Среди этих переселенцев было около 10 тысяч албанцев, покинувших вместе со своими семьями и имуществом свои дома. Источники называют их на античный лад иллирийцами (Ἰλλυριοί) [3, р. 119. 22]. Около 1394–1395 гг., когда Коринф был захвачен греками, они прибыли со стороны Истмийского перешейка. Согласно сообщению Мануила II,

направлялись они конкретно к Феодору: «Они без промедления отправили великолепное посольство к человеку, к которому пришли, чтобы узнать его намерения по отношению к ним, и намекнули, что желали бы получить согласие на свой проход, чтобы поселиться [на его территории. – *Т. Б.*] и подчиняться его воле». Феодор принял их предводителей и разрешил им проход на Пелопоннес [3, р. 121. 2–17], в результате чего пустовавшие районы Мореи были заселены новыми поселенцами. Учитывая тот факт, что описываемые события в «Надгробной речи» следуют сразу после описания внутренних раздоров, привлечение Феодором новых поселенцев из соседних областей, вероятно, могло быть целенаправленным, в первую очередь, для восстановления экономики региона.

Мануил II характеризовал это решение деспота как одно из дальновидных, хотя и сопряженных с риском. Описывая обстоятельства их переговоров, он писал, что Феодор «не взял заложников и не требовал поручительства, а просто был удовлетворен их клятвами» [3, р. 121. 6–12], что также говорит в пользу его личной заинтересованности в переселенцах. В целом «Надгробная речь» представляет албанскую колонизацию как политический успех Феодора Палеолога. Феодору удалось укрепить собственное положение за счет лояльных албанских переселенцев, что положительно отразилось и на военном потенциале Морейского деспотата: «Он приобрел большую армию, которая была испытана тяготами и отличилась в военных действиях... И хотя они сами были полными энтузиазма и хорошими солдатами, он продолжал их совершенствовать... и их привязанность к нему увеличивалась» [3, р. 121. 17–23]. Отметим, что албанские воины, интегрированные в войско деспота, подчинялись приказам собственных вождей, которыми могли быть как албанцы, так и греки [4, р. 294]. Иными словами, даже в войске деспотов албанцы сохраняли определенную обособленность.

Албанские поселенцы, не задействованные в военной службе, селились изолированно от греческого населения, образуя небольшие свободные деревни, и основная их масса продолжала сохранять полукочевой образ жизни [5, р. 33]. Большинство новых поселенцев долгое время проживали преимущественно в горных районах Пелопоннеса. Это подтверждают археологические исследования западных склонов Тайгета, где сохранились следы сезонного проживания албанских колонистов. Эти территории, по всей видимости, были выбраны албанским населением Мореи неслучайно – оттуда легко было добраться как в горы, так и в столицу деспотата Мистру

[6, р. 371]. На их полукочевой образ жизни Мануил II указывает также в своих письмах, упомянув албанцев в числе тех немногих, кто участвовал в восстановлении крепостной стены Гексамиліона. Эта сеть укреплений должна была защищать Морейский деспотат от нападений извне, и албанцы, проживавшие вне защищенных городов, откликнулись на призыв деспота: «Иллирийцы... понесли более серьезный урон от врага, потому что ... привыкли проводить свою жизнь в полях и палатках ... Днем и ночью они приносили все необходимое для возведения стен» [7, р. 211–213. 106–115]. «Жизнь в полях и палатках» точно характеризует образ жизни этого населения.

В начале XV в., уже после смерти Феодора I, на Пелопоннесе побывал Исидор, будущий митрополит Киевский [8. С. 44]. В письме к императору Мануилу II он охарактеризовал народ, который встретился ему по прибытии в Морею, как «не эллинский, а варварский, чья дикость превосходила даже скифскую» [9, с. X]. Вероятнее всего, Исидору на юге Пелопоннеса повстречались именно албанцы, которые к этому времени составляли основную часть населения в этой области [8, с. 196]. Отметим, что скифами (Σκύθαι) в XV в. византийцы называли и турок-османов, и монголов [10, s. 282–283]. Представители албанского этноса с их кочевым образом жизни, таким образом, в восприятии ромеев оказались в культурной иерархии иноземцев еще ниже тюркских племен. При этом он и его спутники определили их принадлежность к «варварскому» народу «по взорам и обычаям, еще же и по верхнему платью и оружию, которое все во время глубокого мира держали в руках», и по тому, что они ведут «только горный образ жизни и [имеют] такие обычаи» [9, с. XI]. В то же время, албанские племена, по сообщению Исидора, были преданы императору и называли его «благодетелем, градодержавным (πολιόχου) и спасителем их рода» [8, с. 263]. Побывав на Пелопоннесе после смерти своего брата, Мануил II Палеолог, вероятно, заключил с ними договор и заручился их лояльностью, которая ранее основывалась на личной преданности Феодору. Судя по письму императора, этот народ постоянно воевал друг с другом, но он сумел своим вмешательством примирить их [9, с. XI]. Лояльность к византийской власти новых поселенцев, судя по всему, определялась их личным отношением к правителям.

В первой половине XV в., когда военные действия на Пелопоннесе участились, албанские воины уже занимали значительное место в войске морейских деспотов. В последние годы деспотата (он падет в 1460 г.)

албанские вожди активно участвовали в войнах на стороне ромеев, причем за военную службу албанское население освобождалось от уплаты налогов, что также подтверждает их особое положение в деспотате. На албанских воинов представители дома Палеологов опирались также в междоусобных конфликтах, чем ряд исследователей объясняет восстание албанского населения Пелопоннеса в 1453 г. [4, р. 295]. В источниках оно именуется «восстанием народа, населяющего горы», которое лишь усугубило критическую на тот момент ситуацию в Морее [2, р. 233].

Таким образом, албанские племена, расселившиеся в конце XIV в. на Пелопоннесе, дополнили этническое разнообразие Морей, заняв особую нишу в поздневизантийском обществе. Демонстрируя свою лояльность византийским правителям, они, тем не менее, сохранили свои обычаи и образ жизни, лишь частично интегрировавшись в византийскую среду. Заселение Пелопоннеса албанцами позволило решить актуальные для конца XIV в. внутренние (прежде всего, демографические и экономические) и внешние проблемы Морейского деспотата. Вероятно, главным положительным результатом миграционной политики морейских деспотов в отношении албанцев стало пополнение ромейского войска, что способствовало усилению византийского влияния на Пелопоннесе и укреплению центральной власти в деспотате. В условиях, когда было невозможно привлекать новые силы из Константинополя, албанская миграция смягчила проблему нехватки человеческих ресурсов и хозяйственного запустения территорий. В долгосрочной же перспективе албанский фактор негативно отразился на внутреннем положении региона, породив новые противоречия в силу обособленности этого этнического меньшинства и слабой интегрированности большинства его представителей в византийское общество. Таким образом, албанское присутствие оказало в дальнейшем дестабилизирующее влияние на обстановку в Морейском деспотате.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 20–78–00138 «Этно-религиозные меньшинства в Поздней Византии: проблема интеграции и обособления».

Список источников и литературы

1. Ioannis Cantacuzeni Historiarum Libri IV / ed. L. Schopen, E. Bekker. Bonn: Impensis ed. Weberi, 1832. Vol. 3. 616 p.
2. Necipoglu N. Byzantium Between the Ottomans and the Latins. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2009. 350 p.

3. Manuel II Palaiologos. Funeral oration on his brother Theodore / introd., text, transl. and notes by J. Chrysostomides. Thessalonike: Association for Byzantine Research, 1985. 310 p.
4. Vranoussi E. L. Deux documents byzantins inédits sur la présence albanaise dans le Péloponnèse au XVe siècle // Οι Αλβανοί στο Μεσσηνία: International Congress / ed. Ch. Gasparis. Athens: National Hellenic Research Foundation, 1998. P. 293–305.
5. Zakythinos D. A. Le Despotat Grec de Morée. Athens: L'Hellénisme contemporain, 1953. Vol. 2. 408 p.
6. Armstrong P. The Survey Area in the Byzantine and Ottoman Periods // Continuity and Change in a Greek Rural Landscape: the Laconia Survey / ed. W. Cavanagh, J. Crouwel, R. W. V. Catling, G. Shipley. London: British School at Athens, 2002. Vol. 1. P. 339–402.
7. The Letters of Manuel II Palaeologus / ed. and transl. by G. T. Dennis. Washington: Dumbarton Oaks Center for Byzantine Studies, 1977. 252 p.
8. Акишин С. Ю. Митрополит Исидор Киевский (1385/1390–1463). Екатеринбург: Екатеринбургская духовная семинария, 2018. 320 с.
9. Счастнев П. Исидор, митрополит Московский и всея Руси: студ. раб. / МДА. Сергиев Посад, 1916 (ОР РГБ. Ф. 172 (МДА). Картон № 409. Ед. хр. 1). Л. 79–87 об.
10. Moravesik G. Byzantinoturcica. Die Byzantinischen Quellen der Geschichte der Türkvolker. Berlin: Akademie Verlag, 1958. Bd. 2. 376 s.

**ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ «СОЮЗА РУССКИХ
РАБОЧИХ ФРАНЦИИ» / «СОЮЗА СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН
ВО ФРАНЦИИ» СРЕДИ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ**

Беспалова К. А.

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
(г. Екатеринбург, Россия)

E-mail: ksenia.bespalova@urfu.ru

**EDUCATIONAL ACTIVITIES OF "THE UNION OF RUSSIAN
WORKERS OF FRANCE" / "THE UNION OF SOVIET CITIZENS
IN FRANCE" AMONG RUSSIAN EMIGRANTS**

Bespalova K. A.

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

E-mail: ksenia.bespalova@urfu.ru

Аннотация. В статье представлена просветительская деятельность «Союза русских рабочих Франции» / «Союза советских граждан во Франции», образованного русскими эмигрантами в Париже. Данное объединение действовало с 1925 по 1929 г. и являлось одним из наиболее многочисленных союзов русских эмигрантов. Стремясь просвещать своих compatriots о событиях в СССР и мире, члены объединения регулярно проводили лекции и конференции, касающиеся разного круга вопросов. Автор анализирует тематику встреч и выделяет актуальные вопросы, которые поднимались на подобных встречах и приходит к выводу, что данные мероприятия являлись мягкой культурной пропагандой в пользу Советского союза в попытке вернуть эмигрантов на родину.

Ключевые слова: «Союз русских рабочих во Франции», русская эмиграция, Sûreté Générale, «Союза советских граждан во Франции», просветительская деятельность.

Abstract. The article presents the educational activities of the "Union of Russian Workers of France" / "Union of Soviet Citizens in France", formed by Russian emigrants in Paris. This association operated from 1925 to 1929 and was one of the most numerous unions of Russian emigrants. In an effort to educate their compatriots about the events in the USSR and the world, members of the association regularly held lectures and conferences relating to a different range of issues. The author analyzes the topics of the meetings and highlights the topical issues that were raised at such meetings and comes to the conclusion that these events were soft cultural propaganda in favor of the Soviet Union in an attempt to return emigrants to their homeland.

Keywords: "Union of Russian Workers in France", Russian emigration, Sûreté Générale, "Union of Soviet Citizens in France", educational activities.

История русской эмиграции первой волны во Францию изучалась многими как отечественными, так и зарубежными специалистами. Интерес к данной теме обусловлен стремлением исследователей изучить то, как складывалась в эмиграции жизнь русских граждан, будь то представители русского дворянства [1] или представители других слоев российского общества [2, 3, 4]. Исследователи изучали вопрос о численности русских эмигрантов во Франции [5], их правовое положение [6], проблемы их расселения и возвращения на родину [7], а также изучались такие вопросы, как организация и деятельность профессиональных и культурных объединений, образованных русскими эмигрантами во Франции [8]. Однако в большинстве своем труды по русской эмиграции отражают положение тех эмигрантов, которые отвергали новую власть в России и не касаются тех бывших русских подданных, которые были лояльны к советской власти.

Актуализируют данную тему материалы архива Исторической службы Министерства обороны Франции. Источники свидетельствуют о существовании во Франции довольно заметного союза русских эмигрантов, члены которого поддерживали советскую власть. Это объединение было зарегистрировано в Париже 18 февраля 1925 г. [9, р. 745]. С 23 декабря 1928 г. оно сменило название и стало именоваться «Союз советских граждан Франции» («Union des citoyens soviétique en France») [9, р. 156] и под этим названием просуществовал до конца 1929 г. Важно отметить, что к середине 1927 г. количество членов этого союза достигло 1200 человек [9, р. 699]. Источники представляют собой 1331 лист отчетов, рапортов и записок, подготовленных французской службой безопасности *Sûreté Générale*. Сотрудники этого ведомства проводили наблюдение за деятельностью объединения, поскольку подозревали его членов в осуществлении действий, нарушающих внутреннюю безопасность Франции. Документы свидетельствуют о том, что наблюдение за активностью союза проводилось в период с сентября 1925 г. [9, р. 573] по 20 декабря 1929 г. [9, р. 107].

Нужно отметить, что целей создания организации было несколько, однако особенно любопытным представляется стремление членов союза просвещать русских эмигрантов. Для этого были организованы курсы французского языка, открыта библиотека и читальный зал, регулярно проводились лекции и издавался периодический бюллетень на русском языке (*Notre Union*) [9, р. 325–328]. Кроме того, члены союза стремились оказывать помощь компатриотам в трудоустройстве, чтобы они смогли стать конкурентноспособными кадрами во Франции. Для повышения

квалификации членов союза организовывались художественные курсы, курсы по электричеству, математике, автомобильной механике, [9, р. 461] курсы обучения водителей автомобилей и сельскохозяйственных тракторов [9, р. 535].

Стремясь просвещать своих сопатриотов о событиях в СССР и мире, члены объединений регулярно проводили лекции, касающиеся разного круга вопросов. Возможных форматов встреч было два: регулярный или ситуационный. Первый вариант – это еженедельные встречи по вторникам и воскресениям [9, р. 506], а второй – организованные членами союза праздничные мероприятия по случаю праздников или годовщин (смерть В. И. Ленина, создание Красной армии, свершение Октябрьского переворота). Кроме того, членами союза организовывались художественно-кинематографические вечера [9, р. 761], экскурсии по окрестностям Парижа [9, р. 157, 803] и даже встречи на свежем воздухе [9, р. 687].

Тематика встреч была разнообразна, но чаще всего обсуждались вопросы политического характера. Докладчики касались как обстановки внутри СССР, так и вопросов международных отношений. Так, например, активно обсуждалась внутрипартийная борьба в ВКП(б), и ряд членов союза критиковали поведение Л. Троцкого по отношению к Советам, называли его предателем революции [9, р. 212] и заявляли, что «троцкистская» оппозиция правительству СССР является особенно опасной из-за своего влияния на Красную армию. Члены союза были обеспокоены тем, что среди офицеров и солдат распространяется идея о возможности контрреволюции, а сама оппозиционная пропаганда основана на принципах недисциплинированности и неуважения к большевистским лидерам [9, р. 228]. К тому же случались и дебаты о текущей политической атмосфере в СССР, разделяющей большевистских лидеров. В частности, обсуждалось дело Бухарина, и мнения о том, считать ли его оппозиционером или нет, разделились [9, р. 234].

Что касается событий в мире, то участниками встреч обсуждались парламентские выборы в Германии 1928 г. [9, р. 726], выборы в Великобритании [9, р. 189], осуждались английская и французская колониальная политика, в частности в Китае, Индии, Персии [9, р. 180]. Кроме того, члены объединения выступали с критикой Лиги наций как организации, созданной под предлогом установления всеобщего мира, но на самом деле для порабощения рабочего класса. Подчеркивалось, что эта международная организация полностью провалила свою программу,

поскольку не смогла разрешить споры между Польшей и Литвой (разногласия о территории Вилевского края), Англией и Турцией (Мосульский конфликт) [9, р. 430]. По мимо этого, конечно же, обсуждались события во внутренней политике Франции: например, политика, ставшего в третий раз премьер-министром Р. Пуанкаре: члены союза озвучивали свои прогнозы на этот счет и переживали, что его министерство будет недолговечным [9, р. 178].

Важно отметить, что на встречах членами союзов обсуждались вопросы, касающиеся экономики, промышленности и трудовых отношений. Проводились дискуссии об экономической ситуации в СССР, в частности подчеркивалось его богатство благодаря источникам нефти. При всем этом признавалось, что конкуренция с американской компанией «Standar Oil Company» наносила серьезный удар по нефтяному рынку СССР [9, р. 425]. Также проводились лекции об экономическом положении, коллективной собственности, профессиональных союзах и общественной жизни при советской власти, где особо подчеркивались преимущества НЭПа, сельскохозяйственных кооперативов, созданных в интересах крестьян [9, р. 457]. Спикеры неоднократно подчеркивали прогресс, достигнутый за последние годы в промышленности и в разработке машинного оборудования [9, р. 476]. Они говорили о том, что в СССР будут модернизированы существующие заводы и будут построены новые, а мощность Ленинградских электростанций будет многократно увеличена [9, р. 189].

Любопытно, но на встречах также обсуждались и проблемы в СССР. Так, 28 сентября 1928 г. на собрании присутствующими был отмечен низкий урожай пшеницы, и прозвучали опасения, что такого урожая вряд ли хватит до весны. Также присутствующие говорили о экономическом кризисе в стране из-за экспорта нефти, хрома, гороха и меха [9, р. 676], и члены союза даже пытались найти выход из сложившейся ситуации.

Кроме того, посещавшим собрания спикеры рассказывали об экономической борьбе между британскими и американскими нефтяными компаниями [9, р. 762], о финансовом и экономическом положении Франции, например объяснялись причины девальвации франка, безработицы и перспективы экономического кризиса во Франции из-за явной неспособности французских властей управлять делами страны [9, р. 523]. К тому же членов союза просвещали о новых методах, применяемых в сельском хозяйстве, в частности в Чехословакии и во Франции [9, р. 520], о новинках в производстве машин, чья работа облегчает труд человека [9, р. 469], о

промышленной ситуации в СССР и возможности закупок во Франции электрооборудования и сырья для советских заводов и фабрик, что позволит развиваться франко-советской торговле, а значит Франция и СССР смогут достигнуть лучшего понимания во взаимных интересах [9, р. 451].

Особенно часто на собраниях поднимались темы, касающиеся достижений СССР. Так, например, активно обсуждалась прогрессивность Советской Конституции, созданной в духе защиты пролетариата, в отличие от Конституций капиталистических стран, «основанных на защите интересов буржуазии» [9, р. 880]; сельскохозяйственные законы, благодаря которым в СССР отменена частная собственность, а земля находится в руках крестьян на постоянной основе [9, р. 224].

Кроме того, выступающие акцентировали внимание на том, как изменилась Россия при советской власти. В частности, выступавшие касались вопросов литературы. Так, на собрании 28 октября 1928 г. поэт В. Маяковский выступал с докладом на тему «Современная советская литература», после чего зачитал несколько своих стихотворений [9, р. 661]. Спикеры касались вопросов образования в СССР и особенно подчеркивали разницу между новыми методами, применяемыми в этой стране, и методами, применяемыми в капиталистических государствах. Отмечалось, что образование, полученное в СССР, готовит молодых людей стать гражданами государства нового типа [9, р. 323]. Юным гражданам в СССР в школах преподают уроки политики [9, р. 562], а весь профессорско-преподавательский состав предан советскому правительству и проходит политический экзамен перед назначением на должность, соответственно, это не позволит развиваться в университетской среде инакомыслию, как это было при царском режиме. [9, р. 465].

И, конечно же, выступающие регулярно проводили сравнение политической системы и в целом жизни в СССР с таковыми во Франции. Так, например, звучали заявления, что во Франции кандидатов для участия в выборах заранее подкупали те, кто «хочет управлять страной», и электоральная битва в таких условиях не выгодна французским рабочим [9, р. 764], а в СССР, напротив, проходят только честные выборы. Докладчики сравнивали положение безработицы в СССР и во Франции и отмечали, что в Советской республике безработица является следствием радикальной трансформации производства и эта проблема решается с первых дней руководства страной большевиками; во Франции, напротив, безработица выгодна капиталистам, которые намерены снижать заработную

плату рабочим, увеличивать продолжительность рабочего дня и отнять у французских рабочих те немногие свободы, которые они приобрели [9, р. 873]. Кроме того, во Франции заработная плата рабочих остается неизменной, а в СССР, несмотря на постоянный рост стоимости жизни, Центральный совет профсоюзов повышает заработную плату [9, р. 442].

Подводя итог, отмечу, что «Союз русских рабочих во Франции» / «Союз советских граждан во Франции» был одним из масштабных объединений русских эмигрантов во Франции. Организаторы союза активно способствовали развитию интеллектуальной культуры людей, посещающих встречи, дабы защитить их экономические интересы и заботясь об их трудоустройстве. Регулярно проводившиеся собрания были нацелены на просвещение русских эмигрантов в актуальных вопросах политики, экономики, литературы, образования, промышленности и т. д. Данная деятельность была направлена, в первую очередь, на повышение образованности и конкурентоспособности русских эмигрантов. Новые знания могли бы стать хорошим подспорьем, например, при устройстве на работу. Кроме того, просвещение компатриотов являлось в том числе и попыткой вернуть эмигрантов на родину, где впоследствии они смогли бы стать активными гражданами. Регулярные подчеркивания достижений в СССР являлись мягкой культурной пропагандой в пользу Советского союза, и эмигранты нередко изъявляли желание вернуться на родину.

Исследование выполнено за счет гранта Российского Научного Фонда (проект № 20-78-10014 «От Соглашения к Пакту: франко-русские/франко-советские отношения в период 1890–1930-х гг.»).

Список источников и литературы

1. Урядова А.В. Из истории Союза русских дворян во Франции // Россия и Франция: XVIII–XX века / Ин-т всеобщ. Истории РАН. Москва: Наука, 1995. С. 323–336.
2. Гусефф К. Русская эмиграция во Франции: социальная история (1920–1939 годы) / пер. с франц. Э. Кустовой; науч. ред. М. Байссвенгер. Москва: НЛЮ, 2014. 328 с.
3. Хитрова Е. В. Русская эмиграция во Франции 20-40-х годов в исторической литературе // Россия и Франция: XVIII–XX века. Вып. 3. Москва: Наука, 2000. С. 241–252.
4. Gorboff M. La Russie fantôme. L'émigration russe de 1920 à 1950. Lausanne : L'âge d'homme, 1995. 281 p.

5. Хрисанфов В. И., Турыгина Н. В. К историографии вопроса о численности русской эмиграции во Франции в 1920–1930-е годы // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2014. № 3. С. 17–27.

6. Бочарова З. С. Правовое положение русских беженцев во Франции в 1920–1930-е годы // Россия и современный мир. 2017. № 2. С. 161–176.

7. Русские беженцы: Проблемы расселения, возвращения на Родину, урегулирования правового положения (1920–1930-е годы). Сб. документов и материалов / сост., публ., введение, примечания, биографический комментарий, именной указатель З. С. Бочарова). Москва: РОССПЭН, 2004. 400 с.

8. Хитрова Е. В. Русская диаспора во Франции ф период между двумя мировыми войнами // Россия и Франция: XVIII–XX века. Вып. 4. Москва: Наука, 2001. С. 257–281.

9. Service historique de la Défense / Terre. 7 NN. 2119.

РУССКО-ПОЛЬСКИЕ ТОРГОВЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ В ДОМОНГОЛЬСКИЙ ПЕРИОД В ПОСЛЕВОЕННОЙ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Болонин И. А.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(г. Великий Новгород, Россия)
E-mail: ilya.bolonin@yandex.ru

RUSSIAN-POLISH TRADE RELATIONS IN THE PRE-MONGOL PERIOD IN POST-WAR SOVIET HISTORIOGRAPHY

Bolonin I. A.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
(Veliky Novgorod, Russia)
E-mail: ilya.bolonin@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуется развитие представлений советских послевоенных авторов о торговле товарами русского и польского происхождения во взаимоотношениях Руси и Польши домонгольского периода. Были проанализированы положения ключевых исследователей, занимающихся этой темой: Б. А. Рыбакова, В. Д. Корольюка, В. Т. Пашуто, Ю. В. Кухаренко. Большое внимание уделено представлениям о товарах, которыми торговали Русь и Польша, а также изменениям торговых путей и месту разных городов Руси в системе торговли с западными землями, в том числе с Польшей. Был сделан вывод об одностороннем рассмотрении в советской послевоенной историографии темы торговых взаимоотношений Руси и Польши. Причем, эту торговлю рассматривали только со стороны Руси, мало исследуя вклад Польши.

Ключевые слова: торговые взаимоотношения, Русь и Польша, советская послевоенная историография, торговые пути, раннее Средневековье.

Abstract. The article examines the development of the ideas of Soviet post-war authors about the trade in goods of Russian and Polish origin in the relations between Russia and Poland of the pre-Mongol period. The positions of key researchers dealing with this topic were analyzed: B.A. Rybakov, V.D. Korolyuk, V.T. Pashuto, Yu.V. Kukhareenko. Much attention is paid to the ideas about the goods that Russia and Poland traded, as well as the change in trade routes, and the place of different cities of Russia in the system of trade with Western lands, including Poland. The conclusion was made about the unilateral consideration in the Soviet post-war historiography of the topic of trade relations between Russia and Poland. Moreover, this trade was considered only from the side of Russia, little exploring the contribution of Poland.

Keywords: trade relations, Rus and Poland, Soviet post-war historiography, trade routes, early Middle Ages.

В отечественной историографии тема русско-польских отношений представлена довольно широко. Еще для дореволюционных авторов, таких как В. О. Ключевский, Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев, Н. И. Караева, М. П. Погодин, тема контактов Польши и Руси являлась источником изучения [1, с. 3–4]. При изучении истории политических взаимоотношений имела место модель «победитель-проигравший», что вычленяется из работ С. М. Соловьева [1, с. 155–200]. Мало внимания уделялось торговым взаимоотношениям. Довоенные авторы при изучении данной темы могли опираться только на письменные источники, но с 1940-х гг. расширяется источниковая база для исследований путем привлечения археологического материала. В конце XX в. изучение экономических взаимоотношений Руси и Польши отходит на второй план. Именно в послевоенной советской историографии активно изучались торговые контакты Руси и Польши домонгольского периода, но большее значение отдавалось феномену «транзитности» в торговле двух стран, а роли товаров местного производства уделялось меньше внимания.

В работе будут рассмотрены воззрения ключевых советских послевоенных авторов о контактах Руси и Польши в сфере торговли товарами местного происхождения в домонгольский период и торговли без посредников. Хронологические рамки исследования: 1940–1990-е гг.

Историографический обзор стоит начать с Б. А. Рыбакова и его трудов. Им указывается на наличие нескольких торговых артерий, через которые торговали Древняя Русь и Польша. Большее значение он придает торговому пути Регенсбург – Киев, который проходил через Краков (Малая Польша). Этот путь им реконструируется по таким источникам, как таможенный устав Раффельштеттена (905–906 гг.), Эннса (1129–1164 гг.) и Регенсбурга, в котором в конце XII в. появляются купцы-«рузарии», однозначно интерпретируемые исследователем, как русские купцы [2, с. 342–343]. Им указывается на скудность источников по теме торговли, в том числе и в вопросе наличия торговли без посредников, поэтому он привлекает и археологический материал. Материальными свидетельствами автор считает пломбы Дрогичина и овручские шиферные пряслица, которые на территории Польши в большом количестве находят в Мазовии – пограничном с Русью регионе. Город Дрогичин Б. А. Рыбаков считал таможней на основании как географического положения, так и обилия пломб, связанных со Всеволодом Ольговичем, о связях с Польшей которого хорошо известно из летописей [2, с. 343–344]. Торговый путь через Балтику связывал территорию Северной Польши (Померания) и Северо-Западной Руси. До определенного момента путь обслуживался, по его мнению, русскими купцами, причем с IX по XI вв.

большее участие принимали киевские купцы, а в XI–XIII вв. – новгородские [2, с. 346].

Следующим автором, рассматривающим русско-польские торговые отношения домонгольского периода, является В. Д. Королук, научным руководителем которого был Н. П. Грацианский. Н. П. Грацианский развенчивал миф об отсталости славян в Средневековье [3]. Эту точку зрения перенял и его ученик – В. Д. Королук. Остановимся на том, что именно он писал об экономических связях. В своих работах он делает важное замечание, указывая на относительность понятия «торговля» в раннем Средневековье [4, с. 35]. Им отмечается, что двусторонние торговые контакты между западными славянами и восточными имели ограниченный характер по причине отсутствия большой разницы в товарах, которые обе страны могли предложить друг другу. Товарами в таких условиях, по мнению автора, могли быть лишь те вещи, производство которых требовало специфических условий. [4, с. 36]. Товарами могло быть оружие, предметы роскоши и быта. Периферийность, слабая заселенность пограничья отвергаются исследователем как объяснение слабовыраженных двухсторонних торговых связей. Указываются такие категории товаров, как меха, шкуры, янтарь, мед, воск и рабы [4, с. 36]. Автор соглашается с выводом Б. А. Рыбакова о торговых путях. В. Д. Королук указывает на то, что изучать торговые взаимоотношения Руси и Польши стоит в тесной связи с политикой [4, с. 38]. Так же, как и у Б. А. Рыбакова, у В. Д. Королюка прослеживается мнение о том, что древнерусская материальная культура была более развитой, чем польская.

Ю. В. Кухаренко, анализируя современное ему состояние археологической науки Польши, подтверждает размышления Б. А. Рыбакова и В. Д. Королюка о характере торговли двух стран в раннепясковской период [5]. Польша представляется страной с развитым ремесленным производством, указывается на то, что ювелирные изделия являлись важным товаром в структуре экспорта, так же как пушнина и рабы. Говоря о русско-польских экономических связях, им указывается то, что Русь была одновременно и торговым посредником с Востоком, и самостоятельным поставщиком товаров местного производства [5, с. 30]. Через Русь в Польшу поступали арабские дирхемы, византийские изделия из серебра и стекла, шелк и парча. Восточнославянским товаром же была нарядная керамика, писанки, шиферные пряслица овручского типа, некоторые предметы вооружения и конского снаряжения – все те же категории товаров, которые выделял еще Б. А. Рыбаков [2, с. 130].

Кратко торговые взаимоотношения рассматриваемых стран затронул В. Т. Пашуто, разбирая историю Галицко-Волынской Руси [6]. Опирался он в

исследовании на авторское прочтение Галицко-Волынской летописи. Им указывается на одинаковый уровень социально-экономического развития Древней Руси и Польши. Помимо торгового пути Киев – Регенсбург он отмечал, что через территорию Галицко-Волынской Руси проходил второй путь «из варяг в греки» (через Вислу, Западный Буг и Днестр) [6, с. 169–171] и путь Киев – Вроцлав (через Малую Польшу и Силезию) [6, с. 167].

Последняя работа советского периода по изучению данной темы принадлежит В. Б. Перхавко [7]. Исследование посвящено связям Древней Руси со славянскими странами. Автор разносторонне описывает основные моменты в контактах стран: политику, экономику и культуру, при этом им указывается на тесное переплетение этих трех сфер в Средневековье. Он отмечает возможность разного рода временных торговых блокад, но это мнение он не подтверждает письменными свидетельствами. Исследователем указывается на общую сложность изучения русско-польской торговли в Средневековье, так как, в отличие от источников ганзейской или итальянской торговли, почти не сохранилось письменных данных о торговле Руси и Польши, а те, что сохранились, зачастую, содержат отрывочные сведения [7, с. 31]. В. Б. Перхавко выделяется три этапа развития торговли: IX–X вв., XI – первая треть XII в., вторая треть XII – середина XIII в., которые сильно перекликаются с периодами развития торговли по Б. А. Рыбакову [7, с. 31; 2, с. 316]. На первом этапе происходит зарождение и становление экономических контактов. Торговля двух стран была связана с транзитными поездками русских купцов через Южную Польшу на Верхний Дунай, а также торговыми связями северных областей Восточной Европы с Балтийским Поморьем [7, с. 31]. На этом этапе еще сложно выделить то, что вывозили русские купцы из Польши, кроме западного импорта [7, с. 34]. На втором этапе возрастает объем торговли на фоне общего экономического подъема Руси и Польши. Местные ремесленные изделия Руси (овручские пряслица, писанки, дверные трубчатые замки) становятся одной из статей экспорта [7, с. 35]. Указывается на большую роль Новгорода в торговле по Балтике и Киева – на юге. На третьем этапе в торговлю включаются новые княжества, а также происходит рост пограничного торгового обмена в Мазовии и Червенских городах [7, с. 38]. В. Б. Перхавко отмечает положительное значение транзитной торговли, которая способствовала зарождению и упрочнению экономических контактов между Русью и славянскими странами, в том числе и Польшей, что являлось, по его мнению, предпосылкой для налаживания прямой торговли двух стран [7, с. 38–39]. Несмотря на то, что работа носила обобщающий характер и из исследования

вычленяется большое количество данных, его труд оставляет немало вопросов, самым главным из которых представляется то, насколько корректно переносить концепцию «славянства» на реалии раннего Средневековья.

Подводя итог вышесказанному, можно указать на факт того, что в советской историографии русско-польских торговых взаимоотношений отмечается большое влияние выводов Б. А. Рыбакова, который определил основные категории экспорта и импорта, а также торговые пути. Последующие исследователи занимались пересмотром некоторых позиций Б. А. Рыбакова. Все они смотрели на торговлю двух стран с позиции Руси, которой доставалась главная роль в торговле, при этом Польша представлялась страной, которая могла предложить для Руси только товары западноевропейского происхождения (транзитная торговля), а товары местного производства могла поставлять только Русь. В послевоенной советской историографии прослеживается представление о Польше как о стране, не обладающей необходимыми ресурсами для создания товаров, которые могли бы быть востребованы на Руси домонгольского периода.

Список источников и литературы

1. Кручковский Т. Т. История Польши в основных концепциях русской историографии XIX – начала XX века. Гродно: ГрГУ, 2016. 384 с.
2. Рыбаков Б. А. Торговля и торговые пути // История культуры Древней Руси. Т. 1: Домонгольский период: Материальная культура / отв. ред. Н. Н. Воронина, М. К. Каргер, М. А. Тиханова. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 315–369.
3. В. Пичета Н. П. Грацианский и его труды по истории славянских народов // Вопросы истории. 1946. № 7. С. 96–99.
4. Королук В. Д. Западные славяне и Киевская Русь в X–XI вв. Москва: Наука, 1964. 383 с.
5. Кухаренко Ю. В. Археология Польши. М.: Наука, 1969. 244 с.
6. Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М.: Изд-во АН СССР, 1950. 332 с.
7. Перхавко В. Б. Связи Древней Руси со славянскими странами. М.: Знание, 1987. 64 с.

**ФОРМИРОВАНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О НОРМАТИВНОМ
И ДЕВИАНТНОМ ПОВЕДЕНИИ МОЛОДЕЖИ
В ПОСЛЕВОЕННОМ СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ
ПРОИСШЕСТВИЯ В ПОСЕЛКЕ КОМАРОВО ЛЮБЫТИНСКОГО
РАЙОНА НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Борисевич Д. А.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(г. Великий Новгород, Россия)
E-mail: danya_novsu@mail.ru

**FORMATION OF THE IDEA OF NORMATIVE AND DEVIANT
BEHAVIOR OF YOUTH IN POST-WAR SOVIET SOCIETY
(ON THE EXAMPLE OF AN INCIDENT IN THE VILLAGE
OF KOMAROVO IN THE LYUBYTINSKY DISTRICT
OF THE NOVGOROD REGION)**

Borisevich D. A.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia)
E-mail: danya_novsu@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается массовая драка, произошедшая в апреле 1954 года в поселке Комарово Любытинского района, в которой приняло участие 50 курсантов местных училищ механизаторов сельского хозяйства. Изучение небольшого сюжета позволяет рассмотреть глобальную проблему взаимодействия общества и власти в послевоенные годы. В ходе работы автор приходит к выводу, что данное событие произошло на фоне всеобщей амнистии 1953 года, которая привела к массовым беспорядкам в стране, ставшими нормой в 1950-е годы. На основе неопубликованных ранее архивных материалов проанализированы представления власти о молодежи, их досуге и об отклоняющемся от нормы поведении. Также определены причины, повлекшие к массовым беспорядкам среди молодых рабочих, а именно: появление ассоциальных личностей в обществе, игнорирование возникших на этом фоне проблем местной властью, отсутствие разнообразия досуга трудящихся.

Ключевые слова: Советская молодежь; массовые драки; Новгородская область; досуг молодежи; послевоенный период.

Abstract. The article deals with a mass brawl that occurred in April 1954 in the village of Komarovo (Lyubytinsky district, Novgorod region) in which 50 cadets of local schools of agricultural machine operators took part. The study of this small plot allows us to consider the global problem of interaction between society and government in the post-war years (1946–

1953). In the course of the work, the author comes to the conclusion that this event happened against the background of the general amnesty of 1953, which led to mass brawls in the country. The authorities' ideas about youth, their leisure and deviant behavior are analyzed on the basis of previously unpublished archival materials/ The reasons that led to mass riots among young workers were also identified: the appearance of antisocial personalities in society, the ignoring of problems by the local authorities, the lack of diversity of leisure time for workers.

Keywords: Soviet youth; mass brawl; Novgorod region; youth leisure; post-war period.

Изучение взаимодействия общества и власти остается одной из актуальных проблем в современной науке. Отвечая на вопросы о формировании представления о нормативном, то есть одобряемом со стороны государства поведении и противоположном ему девиантном, которое эти нормы нарушает, можно проследить механизм взаимоотношений этих двух сторон, их ответные реакции на назревшие противоречия. Подобные большие проблемы удобно рассматривать на примере небольших сюжетов, таких как информация о массовых драках среди молодежи, материалы которых хранятся в фонде Новгородского областного комитета КПСС в деле о неудовлетворительном состоянии культурно-воспитательной работы и факторах хулиганских проявлений в двух училищах механизации сельского хозяйства поселка Комарово Любытинского района Новгородской области [7].

Историография вопроса о протестном движении представлена работами ряда ученых, среди которых, например, работы В. А. Козлова «Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе (1953 – начало 1980-х гг.)» [6, с. 134], «Крамола: инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежневе: 1953–1982 гг.». В статьях правоведов массовые драки рассматриваются в контексте борьбы МВД с хулиганством [8, с. 65–68]. Важно отметить работы, посвященные внутренним межнациональным конфликтам, которые приводили к массовым беспорядкам в стране [9, с. 158–162].

27 марта 1953 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии» [11, с. 1], по которому на свободу вышло свыше миллиона человек [5, с. 127]. Кандидат исторических наук В. А. Козлов в своей работе о массовых беспорядках в СССР отмечал, что амнистия открыла канал переноса специфических ГУЛАГовских и заведомо конфликтных практик в «большой социум» [6, с. 97]. Из справки-обзора об изменении численного состава заключенных за период с января 1953 по январь 1957 г. наблюдается рост осужденных за хулиганство с 5,6% до 20,2% [5, с. 131]. Происходила постепенная «хулиганизация» советского общества. Остро этот вопрос касался молодых людей, которые после окончания школы отправлялись на обучение или работу в другое место и там из-за отсутствия должного

контроля накапливали опыт девиантного поведения [6, с. 103]. В справке УМВД Новгородской области о работе отдела уголовного розыска за 1953 год говорится: «Большое количество несовершеннолетних подпадает под влияние взрослых. Подстрекатели несовершеннолетних своевременно не выявляются» [2, с. 368]. Поэтому разруха, психологические и физические травмы людей и другие тяжелые последствия войны еще долго оказывали свое влияние на советское общество. Эти обстоятельства привели к возникновению массовых драк в стране, в частности среди молодых людей.

Поселок Комарово, расположенный в 25 км от районного центра пос. Любытино, стал активно разрастаться в годы Великой Отечественной войны, когда в нем построили шахты по добыче угля для блокадного Ленинграда. По данным Всесоюзной переписи населения 1959 г. в поселке проживало 1058 человек [3]. Здесь размещалось два крупных училища механизаторов сельского хозяйства под номерами 3 и 4, студенты которых устроили между собой массовую драку 4 апреля 1954 года [7, л. 33]. На основе данного сюжета мы ставим следующие исследовательские вопросы: какие были причины массовой драки среди студентов? как и почему на происшествие среагировал обком партии, а не только органы внутренних дел? каким представляла себе власть образ правильного поведения молодежи и что она видела на самом деле? было ли это событие нормой того времени, и к чему оно в итоге привело? Указанные вопросы мы рассмотрим далее в статье.

О массовой драке учащихся становится известно после обращения гражданки Шехавцовой, являющейся заведующей столовой. Она 7 апреля 1954 года обращается с письмом к секретарю обкома КПСС тов. Штыкову с просьбой принятия срочный мер по наведению порядка в поселке Комарово [7, л. 1]. Шехавцова объяснила, что неоднократно работники столовой жаловались областному прокурору и начальнику Любытинского отделения милиции, однако никакой помощи с их стороны оказано не было. Далее она сообщила про инцидент 4 апреля, начавшийся с пьяной драки в столовой и закончившейся у общежития: «Я прожила полвека и нигде никогда не видела такой бойни взрослых людей» [7, л. 1].

9 апреля 1954 г. на месте происшествия проводилась проверка. На инцидент обратили внимание Новгородский областной комитет партии, Управление министерства внутренних дел Новгородской области и Новгородское Областное Управление трудовых резервов как курирующие сферу училищ в области. Проверка проводилась в течении десяти дней, в который был собран большой массив информации – справок, планов, записок дирекции двух училищ.

В своем письме секретарю Новгородского обкома КПСС товарищу Т. Ф. Штыкову начальник Новгородского областного Управления трудовых резервов товарищ Кулаков докладывал о чрезвычайном происшествии 4 апреля 1954 года: «Драка началась около магазина между отдельными учащимися, взаимоотношения между которыми были обострены дракой 1-ого апреля 1954 года. Группа учащихся 50–60 человек училища № 3 вооружившись кольями, кирпичами окружили общежитие учащихся училища № 4 и пытаясь проникнуть в общежитие для расправы начали выбивать окна и двери. В результате этой драки были нанесены ножевые ранения учащемуся училища № 4 и повреждена кисть руки ученику училища № 3, кроме этого были выбиты 27 рам, разломаны 2 двери и одна печь» [7, л. 5]. Управление милиции по Новгородской области оценило ущерб в сумму 3700 рублей [7, л. 3].

На основании проведенных исследований и справок дирекции училищ можно утверждать, что власть видела причиной происшествия аморальное поведение молодежи, вызванное отсутствием культурно-массовой работы и плохими жилищными условиями [7, л. 33–38].

В заметке, опубликованной в газете «Новгородская правда» от 24 марта 1954 года, учащиеся училищ тоже жаловались на отсутствие досуга: «В клубе холодно, неуютно, кружки не работают. Ни бесед, ни вечеров. Гармошки и то нет. <...> Хоть бы библиотеку или красный уголок открыли» [12, с. 3]. Стоит сказать, что причиной девиантного поведения было не только отсутствие в общежитие красного уголка и художественной самодеятельности, но и последствия массовой амнистии 1953 года.

В справке директора училища № 4 товарищ И. Ф. Митина в качестве одной из причин происшествия отмечалось наличие среди студентов тех, которые в прошлом были судимы за уголовные преступления [7, л. 2]. Однако сам И. Ф. Митин больше расписывает про отсутствие культурных и бытовых условий учащихся. Директор училища № 3 товарищ В. П. Горбовский в своей справке докладывал более осторожно, отмечая состав училища (700 человек), возраст студентов (от 17 до 50) и что это люди самых различных склонностей и привычек, укоренившихся годами [7, л. 16]. Помощник директора училища № 3 по культурно-воспитательной работе товарищ Сидорин пишет о недобросовестном подходе к отбору кандидатур в училище, из-за чего в него попадают: «случайные люди, которые очень медленно поддаются воспитанию, которые в основном и являются носителями всевозможных аморальных явлений» [7, л. 19]. Как отмечалось в

докладе УМВД Новгородской области, с открытием нового училища бытовые условия сильно ухудшились, что привело к вражде между учениками [7, л. 37]. Слабость административного контроля со стороны дирекции училища привела к стихийной самоорганизации учащихся, созданию группировок, защищавших своих членов от агрессивных действий «чужих» [6, с. 134], то есть одни студенты видели соперниками других. Молодежь этих двух училищ была подвержена общей «хулиганизации» общества, так как в их окружении находились асоциальные люди, а отсутствие культурного досуга только ускоряло этот процесс.

Говоря о социально-одобряемом поведении молодежи, важно упомянуть решения Сентябрьского пленум ЦК КПСС 1953 года, после которых механизаторы-колхозники становились работниками государственных предприятий, что позволяло им получать гарантированную оплату труда, ежегодный отпуск, пенсию и другие социальные обеспечения [4, с. 28]. Колхозы испытывали нехватку кадров [4, с. 30], поэтому государство регулярно их обновляло, в том числе за счет молодежи. Рекрутирование молодежи происходило через школы, комсомольскую организацию, ведь в представлении партии молодые рабочие и колхозники должны выступать в роли популяризаторов передовых методов труда, новейших достижений сельскохозяйственной науки [1, с. 2]. Таким образом, досуг молодых механизаторов состоял из прослушивания научных лекций, докладов, чтения научной литературы, занятий спортом и участия в художественной самодеятельности. В справке об итогах проведения смотров сельской художественной самодеятельности в Новгородской области в 1954 г. отмечалось, что хорошая организация и дальнейшее ее развитие имеет первостепенное значение в деле культурного обслуживания трудящихся в свете требований постановления Сентябрьского пленума ЦК КПСС [10, л. 19].

В случае двух училищ власть столкнулась с противоположным явлением. В материалах проверки отмечается систематическое пьянство, особенно в день стипендии. Преподаватели пытались урегулировать это беседами и просьбами посылать деньги своим родителям [7, л. 16], однако спиртное в столовых студентам по-прежнему продавалось. За первый квартал 1954 года было прочтено три доклада, проведено шесть вечеров танцев и один концерт; стоит сказать, что клуб находился в аварийном состоянии [7, л. 35]. Общежития не радиофицированы и настольных игр недостаточно, художественная самодеятельность не организована [7, л. 35]. Спортивных

мероприятий также не проводится [7, л. 35], хотя они по своей мобилизационной силе могли предотвратить постепенную «хулиганизацию» училища. Эти формы девиантного поведения не получали обратной реакции со стороны дирекции, так как критика в их адрес могла закончиться снятием с работы: «Товарищ Горбовский встал на путь зажима критики, не прислушивается к предложениям преподавателей, направленным к улучшению работы училища» [7, л. 46].

Итогами этого события стали: усиление контроля за общественным порядком со стороны милиции и студентов, проведение совещаний по устранению недостатков культурно-воспитательной работы, получение аппаратуры для стационарной киноустановки, приведение клуб в надлежащее состояние [7, л. 44]. Однако это не нормализовало работу училищ, поэтому в июле 1954 года руководством области было направлено письмо Начальнику Главного Управления трудовых резервов при Совете Министров Союза ССР товарищу Г. И. Зеленко, в котором сообщалось о переводе училища № 4 из пос. Комаров в пос. Егла Опеченского района Новгородской области [7, л. 48].

Таким образом, отвечая на вопросы, поставленные в начале статьи, мы можем сделать следующие выводы:

1. Директора училищ не проводили должной политики по отбору студентов, что привело к появлению асоциальных личностей в группах молодых людей. Руководство училища № 3 заявляло, что не имеет никаких данных о своих учащихся. Не пытаясь исправить ситуацию с отсутствием культурных и спортивных мероприятий, власть получила в ответ девиантную самоорганизацию молодежи. В связи с этим можно выделить две причины массовой драки среди студентов, которые между собой связаны. Первая – это «хулиганизация» общества вследствие массовой амнистии 1953 года, вторая – отсутствие должного контроля и организации досуга со стороны руководства училищ.

2. Отвечая на вопрос о заинтересованности в этом событии Обкома КПСС, важно понять, было ли это событие нормой 1950-х годов. Такая форма девиантного поведения, как массовые драки, была нормой послевоенного времени, вплоть до начала 60-х годов. Подобные происшествия отражены в книге В. А. Козлов о массовых беспорядках в Хрущевское и Брежневское время. Однако наш сюжет отличается от описанных В. А. Козловым отсутствием столкновения молодых хулиганов с милицией. В поселке Комарово было всего два милиционера, которые в силу

малочисленности не смогли усмирить толпу, даже применением оружия [7, л. 2]. В связи с тем, что данные явления были нормой, а у милиции в 1950-е гг. еще не было отработанных способов пресечения массового хулиганства [6, с. 111], для решения подобных вопросов требовалась постоянная поддержка региональной власти.

3. Власть с целью выполнения Постановления Сентябрьского пленума ЦК КПСС представляла себе образ правильного поведения молодежи в постоянном обучении, повышении культурного уровня путем участия в художественной самодеятельности и просмотре кино [10, л. 111]. Представители молодежи, приезжая учиться, обращали внимание на несостыковки декларируемого со стороны власти престижа профессии механизатора с реальностью, поэтому они либо выбирали другие направления, либо пытались подстроиться под имеющиеся возможности, нередко впадая в девиантные формы поведения.

4. Возвращаясь к проблеме взаимоотношения власти и общества, важно сказать, что в данном случае игнорирование назревших противоречий со стороны местного руководства, несоответствие нормативного представления окружающей действительности приводило к возникновению протестного движения в обществе и девиантному поведению среди молодежи, что мы можем наблюдать на примере нашего сюжета.

Список источников и литературы

1. XII съезд ВЛКСМ // Новгородская правда. 1954. 21 марта. С. 1–4.
2. Богданов А. К., Петров М. Н. Новгородские полиция, милиция и органы внутренних дел 1733–2000 годы: Сборник документов и материалов / М-во внутр. дел Рос. Федерации; Упр. внутр. дел Новгор. обл. Великий Новгород. 2001. 670 с.
3. Всесоюзная перепись населения 1959 г. Численность городского населения РСФСР, ее территориальных единиц, городских поселений и городских районов по полу [Электронный ресурс]. URL: www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus59_reg2.php (дата обращения: 31.01.2022).
4. Изюмова Л. В. Механизаторы в колхозах Европейского Севера России в 1930–1960-е годы: численность, состав, система подготовки // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 5. С. 25–32.
5. История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 томах. Т. 4. Население Гулага: численность и условия содержания / отв. ред. А. Б. Безбородов, В. М. Хрусталева; сост.

И. В. Безбородова (отв. сост.), В. М. Хрусталева. Москва: РОССПЭН. 2004 г. 624 с.

6. Козлов В. А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежнев (1953 – начало 1980-х гг.) / 3-е изд., испр. и доп. Москва: РОССПЭН. 2010. 463 с.

7. Письма, справки, сообщения о неудовлетворительном состоянии культурного-воспитательной работы и фактах хулиганских проявлений в училищах механизации сельского хозяйства № 3 и № 4 и письмо начальнику Гл. управления трудовых резервов при Совете Министров СССР т. Зеленко Г. И. об очередном наборе в училище механизации сельского хозяйства и ремесленное училище по механизации сельского хозяйства. 1954 год // Государственный архив новейшей истории Новгородской области (ГАНИНО). Ф. 260. Оп. 11. Д. 122. 48 л.

8. Саблук С. Противодействие возникновению массовых драк в Украине во второй половине 1940 –1950-х годах // *Legea și Viața*. 2015. Т. 281. № 5/3. С. 65–68.

9. Соловьев Р. А. Формы социального протеста населения СССР в 1950 –1980 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 9-2. С. 158–162.

10. Справки, предложения, информации, сведения обл. управления культуры о работе культурно-просветительных учреждений в районах; об итогах проведения смотров сельской художественной самодеятельности; сведения об организации красных уголков в колхозных производственных бригадах; сведения наличии учреждений культуры в МТС Новгородской области // Государственный архив новейшей истории Новгородской области (ГАНИНО). Ф. 260. Оп. 11. Д. 228. 118 л.

11. Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии» // Правда. 1953. 28 марта. С. 1–4.

12. Чистяков А. Так ли надо заботиться о будущих механизаторах? // Новгородская правда. 1954. 24 марта С. 1–4.

**РЕФОРМА СУДОПРОИЗВОДСТВА СОФЬИ ВИТОВТОВНЫ
В КОНТЕКСТЕ ДИНАСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ:
ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ**

Воронин Д. О.

Московский педагогический государственный университет
(г. Москва, Россия)

E-mail: do_voronin@student.mpgu.edu.

**SOPHIA VITOVTOVNA'S JUDICIAL REFORM IN THE CONTEXT
OF THE DYNASTIC WAR: RECONSTRUCTION EXPERIENCE**

Voronin D. O.

Moscow Pedagogical State University
(Moscow, Russia)

E-mail: do_voronin@student.mpgu.edu

Аннотация. Цель исследования – проанализировав реформу судопроизводства Софьи Витовтовны, оценить ее влияние на межкняжеские отношения в контексте Династической войны второй четверти XV века. В статье на основе анализа летописного и актового материала осуществлена попытка реконструкции реформы судопроизводства Софьи Витовтовны, упоминаемой в так называемой «Записи, что тянет душегубством к Москве». В научную дискуссию вокруг причин, цели и масштаба последствий данного преобразования привнесены новые аргументы, позволяющие пересмотреть оценку анализируемой реформы и отойти от тенденциозных представлений о ней. Исходя из полученных данных, ее датировка сужена до периода с 27 февраля по 31 августа 1425 года. В результате делается вывод о роли реформы Софьи Витовтовны в ходе Династической войны.

Ключевые слова: Реформа судопроизводства, Софья Витовтовна, Династическая война, Запись о душегубстве, межкняжеские отношения.

Abstract. The purpose of the study is to analyze the reform of the judiciary of Sofia Vitovtovna, to assess its impact on inter-princely relations in the context of the Dynastic war of the second quarter of the XV century. In the article, based on the analysis of the chronicle and act material, an attempt is made to reconstruct the reform of the judicial proceedings of Sofia Vitovtovna, mentioned in the so-called "Zapis, chto tyanet dushugubstvom k Moskve". New arguments have been introduced into the scientific discussion around the causes, purpose and scale of the consequences of this transformation, which make it possible to revise the assessment of the analyzed reform and move away from tendentious ideas about it. Based on the data obtained, its dating is narrowed to the period from February 27 to August 31, 1425. As a result, the conclusion is made about the role of Sophia Vitovtovna's reform during the Dynastic War.

Keywords: Judicial reform, Sofia Vitovtovna, Dynastic war, Zapis o dushegubstve, inter-princely relations.

Для истории особую важность представляет изучение периодов существенных изменений в различных сферах жизни общества. Одним из таких периодов, приведшим к значительным изменениям русской государственности, является Династическая война 1425–1453 гг.

В массовом сознании под влиянием традиционной историографии [1, с. 420; 2, с. 141, 144; 3, с. 743, 748, 763] она до сих пор изображена как борьба сторонников феодальной раздробленности и лествичного принципа наследования с приверженцами централизации и передачи власти от отца к сыну, как столкновение «реакции» и «прогресса». Очень актуальными в связи с этим становятся исследования современных историков (в частности, Я. С. Лурье [4, с. 124–125] и М. М. Крома), в которых последние переосмысливают характер Династической войны, обращая внимание на то, что все ее участники «боролись за власть над страной, а не за расширение своих уделов» [5, с. 53].

В данном контексте не последнюю роль играет реформа судопроизводства в Москве, проведенная Софьей Витовтовной в период Династической войны. До сих пор она оценивалась как «уступка удельно-княжеской оппозиции» [3, с. 754–755; 6, с. 353] или, наоборот, как мера «антиудельной направленности» [7, с. 55]. Оба этих положения, на наш взгляд, ошибочны и нуждаются в пересмотре.

Мы в настоящей статье ставим себе за цель, проанализировав реформу судопроизводства Софьи Витовтовны, оценить ее влияние на межкняжеские отношения в контексте Династической войны.

В своем исследовании мы опирались на труды Л. В. Черепнина [3; 6], А. А. Зимина [7], Ю. Г. Алексеева [8], Я. С. Лурье [4] и других. Из источников в статье были использованы материалы русского летописания, межкняжеские договоры, духовные грамоты, памятники права и т. д.

Однако при этом мы все же вынуждены констатировать скудность сохранившейся источниковой базы. Единственным документом, донесшим до нас уникальные сведения о рассматриваемой реформе, является т. н. «Запись что тянет душегубством к Москве» [9. № 115, с. 87–88], которую современные исследователи (в частности, В. А. Аракчеев) датируют 1472–1473 гг. [10, с. 36]. Обратимся к источнику.

Первое, что нам необходимо уяснить – это то, что на момент начала Династической войны во владении Москвой до сих пор действует т. н. «третняя система», учрежденная еще духовной грамотой Ивана Калиты [11, № 1, с. 7, 9]. Стройность системы 1340 г. была со временем утрачена, и

одной «третью» могли поочередно («по годом» [11, № 17, с. 46; № 61, с. 195 и др.]) владеть сразу несколько князей-совладельцев. При этом великий князь всегда оставался владельцем как минимум одной «трети».

Насчет самого этого понятия («треть») в науке бытует дискуссия [Подробнее см. 12]. Но бесспорным остается то, что делили получаемые так или иначе с Москвы средства – в т. ч. «прибытки» с судебных разбирательств [11, № 2, с. 11; № 11, с. 31].

В связи с этим в Москве сложилась особая система совместного управления и судопроизводства, отражение которой мы видим в том числе и в «Записи ...»: «Поимают опроче того в пенном деле, в каком ниесть срок ему дать судью за собою поставить... По старине бывало, что вси дворы и дворцовыи Великие Кнегини и уделных Князей, всих суживал наместник большеи, судьи за ними не бывало; а учинила то княини Великая Софья при Иоанне при Дмитриевиче, что судья за ними ставится» [9, № 115, с. 87].

Из данного фрагмента видно, что во главе системы судопроизводства в Москве стоял большой (великокняжеский) наместник. Именно он до рассматриваемой реформы обладал исключительным правом судить (и получать с этого «прибыток») *все* «пенные» дела – т. е. дела, связанные с совершением мелких уголовных преступлений и карающиеся штрафом – пеней [10, с. 31]. Судьи же князей-совладельцев даже при участии в процессе удельных подданных не могли привлекаться к осуществлению правосудия и, соответственно, ничего не получали.

Но реформа Софьи Витовтовны внесла изменения в данную судебную практику и заключалась как раз в разрешении привлекать к суду по пенным делам в Москве судей удельных князей-совладельцев. Таким образом, последние теперь получали свою часть дохода с пеней. И поэтому мы можем сделать первый важный вывод, к которому приходили еще многие исследователи до нас [3, с. 755; 6, с. 353; 7, с. 55; 8, с. 727; 12, с. 215]: рассматриваемая реформа несла удельным князьям определенную выгоду.

Но значит ли это, что Софья таким образом пошла на уступки «удельной оппозиции»? Для ответа на этот вопрос необходимо рассмотреть данное преобразование в контексте времени его создания. Самой узкой из верифицируемых датировок реформы на данный момент является период с 27 февраля 1425 г. по август 1431 г. [7, с. 55]. Что в этот промежуток времени могло сподвигнуть Софью Витовтовну на проведение реформы?

Возможно, удельные князья заставили великую княгиню пойти на уступки? Стоит сразу отвергнуть данное предположение, так как в период

1425–1431 гг. они явно не могли *силой* вынудить Софью совершить какие-либо преобразования в свою пользу. Во-первых, за спиной у Софьи стояли сильные фигуры митрополита Фотия и великого князя Литовского Витовта, которые могли защитить ее от подобного давления. Во-вторых, сами по себе сыновья Владимира Серпуховского (большинство из которых умерло до 1427 г.) в своих маленьких княжествах, князья Андрей, Петр и живший на их подачки Константин Дмитриевич были слишком слабы. Реальную опасность великой княгине удельные князья могли представлять лишь перейдя на сторону старшего в роду – имеющего права на престол талантливой Юрии Звенигородского с мощным Галичем за плечами.

Угрозой подобного перехода удельных князей на сторону Юрии Дмитриевича и была продиктована, на наш взгляд, политика Софьи, целью которой было устранить данную угрозу и сплотить вокруг Василия II удельных князей. Это требовало от великой княгини предоставления каких-либо выгод противоположной стороне, и анализируемая реформа, по нашему мнению, несла эти выгоды.

В связи с этим сразу стоит отвергнуть версию о том, что реформа была призвана каким-либо образом улучшить систему управления в Москве. Ни ее содержание, ни выявленные причины проведения не позволяют сделать такой вывод.

Навряд ли была направлена реформа и на компромисс с Юрием, если вообще касалась Звенигородского князя. Она сама по себе не несла таких значительных выгод, какие могли бы сравниться с великим княжением. Софья не питала каких-либо иллюзий насчет принципиального деверя, к столкновению с которым постоянно готовилась. Да и «год трети» Юрии Дмитриевича в Москве, судя по всему, изымался во время открытых конфликтов с Василием II, а значит и доходы с него Звенигородский князь тогда не получал ни в каком виде. Подтверждение этому мы видим в тексте докончания 1428 г., где Василий II говорит: «мои наместницы... ведали твою [Юрии] вотчину» [11, № 24, с. 65] (то есть и «год трети» в Москве).

Поэтому более достоверной нам представляется точка зрения, высказанная Зиминим, согласно которой рассматриваемая реформа имела своей целью сплотить вокруг Василия II остальных удельных князей, которые в противном случае могли усилить лагерь Юрии Дмитриевича [7, С. 55]. Действительно, для мелких князей-совладельцев, владеющих своей третью в Москве всего раз в 3–4 года, получение «прибытка» с пенных дел было существенным добавлением в их скромные доходы. Оно могло

послужить очередным доводом, убеждавшим удельных князей в выгодности поддержки именно Василия II. Ведь Юрий таких выгод в период 1425–1431 гг. предложить не мог.

Исходя из этого, мы видим, что и Софья Витовтовна, осуществляя реформу, и удельные князья, занимая сторону Василия II, соблюдали в первую очередь свои личные интересы. Они явно не следовали идеологическим целям «централизовать» Московское княжество или, наоборот, сохранить его «удельность». Лишь выгода, стратегическая ситуация и, возможно, обязательства определяли их политическую позицию и межкняжеские отношения в целом. Реформа судопроизводства в этом контексте также сыграла немалую роль.

Теперь нам остается выяснить, в какой момент из вышеуказанного периода проведение анализируемой реформы было наиболее логичным и необходимым.

Исходя из установленной цели преобразования, мы можем предположить, что его осуществление имело наибольший смысл тогда, когда позиция удельных князей могла колебаться. Мы наблюдаем такой кризисный момент в самом начале Династической войны. В 1425 г. позиция удельных князей (мы не говорим тут о Юрии Звенигородском) была далеко не такой очевидной, как впоследствии.

Особенно ненадежным можно назвать Константина Дмитриевича. Именно он, а не Юрий первым еще в 1419 г. устроил демарш по вопросу наследования, за что Василий I лишил его всех уделов [13, с. 119; 14, с. 165]. Братья, судя по третьей духовной Василия Дмитриевича, окончательно не примирились даже спустя 4 года [11, № 22, с. 62]. Однако в 1425 г. Константин уже стоит в ряду сторонников Василия II [14, с. 167; 15, с. 246; 16, с. 183; 17, с. 100]. По нашему мнению, младший дядя встал на сторону племянника, которую не хотел занимать еще совсем недавно, потому что получил от него определенные преференции. Скорее всего, Константину именно тогда дали в удел Ржеву [11, № 34, с. 87; 7, с. 33; 18, с. 68], а также вернули «год трети» в Москве (упоминается в позднейших источниках [11, № 61, с. 194–195; № 70, с. 233]. И, главное для нас: стремясь в том числе окончательно подчинить беспокойного дядю Константина интересам племянника («младшим братом» которого он является уже в 1428 г. [11, № 24, с. 63]), Софья тогда же, видимо, и проводит свою реформу.

Что касается серпуховских князей и Андрея с Петром, то мало ли, что они более 20 лет назад «целовали крест» на верность Василию II [11, № 16,

с. 44–45; № 18, с. 52]: в истории есть множество примеров, когда договоренности нарушались и в более короткий срок. Политическая ситуация с тех пор изменилась: умер старший брат, на престоле не по «старине» его 10-летний его отпрыск, а старший в роду Юрий не у власти... Конечно, вполне возможно, что серпуховские правители с князьями Андреем и Петром сразу решили встать на более сильную сторону Василия II, соблюдая тем самым и свои обязательства. Но в Москве ходили слухи [7, с. 34], например, о том, что возглавлявший московскую рать Андрей Дмитриевич [7, с. 224] весной 1425 г. «не дошед» [19, с. 263; 20, с. 143] до взбунтовавшегося брата Юрия, «норовя» ему (намеренно) – такие свидетельства сохранила Устюжская летопись [21. С. 84]. То есть мысль о том, что удельные князья не сейчас, так позже, дождавшись минутного ослабления позиций Василия II, могут предпочесть его Юрию, в начале войны закрадывалась в головы Софьи и ее окружения. И эта мысль с большой долей вероятности могла сподвигнуть ее укрепить уверенность удельных князей в правильности сделанного выбора посредством реформы, сулившей им немалые выгоды.

Исходя из данных соображений, можно предположить, что реформа была проведена в период между смертью Василия I 27 февраля 1425 г. и подписанием мира (перемирия) между князьями летом того же года [16, с. 183–184]. Позднее удельные князья решительно сплотились вокруг Василия II.

Таким образом, мы можем сделать вывод. Реформа судопроизводства Софьи Витовтовны заключалась в предоставлении права привлекать к суду по пенным делам в Москве судей удельных князей-совладельцев, что несло выгоду последним, поскольку теперь они могли получать свою часть дохода со штрафов. При этом преобразование не было направлено на улучшение системы управления Москвой, в пользу или во вред «удельной оппозиции», «процессу централизации» и т. п. Целью реформы было в нестабильных условиях сплотить удельных князей вокруг Василия II в его борьбе с Юрием Звенигородским. Именно в этом выражалось ее влияние на межкняжеские отношения в рассматриваемый период, которое в виду цели стоит счесть благоприятным. Наиболее вероятной датировкой реформы поэтому стоит счесть период с 27 февраля по 31 августа 1425 г., когда позиция удельных князей еще не была однозначной и ее следовало укрепить.

Конечно, немалая часть из этого лишь предположения, основанные на сведениях, которые редко когда удастся проверить на других источниках. Но

в этом и заключается вся умозрительность русского средневекового права до Судебника 1550 г. Повод ли это отказываться от его исследования? Полагаем, нет. Аргументированная точка зрения всегда имеет право на существование – и высказанная нами, и против нас.

Список источников и литературы

1. Карамзин Н. М. История государства Российского. Москва: Эксмо, 2019. 1024 с.
2. Ключевский В. О. Русская история. Москва: Издательство «Э», 2017. 912 с.
3. Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. Москва: Изд. социально-экономической литературы, 1960. 900 с.
4. Лурье Я. С. Две истории Руси XV века. Москва: Квадрига, 2021. 336 с.
5. Кром М. М. Рождение государства: Московская Русь XV–XVI веков. Москва: Новое литературное обозрение, 2018. 256 с.
6. Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV веков. Ч. 2. Москва: Изд. АН СССР, 1951. 428 с.
7. Зимин А. А. Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. Москва: Мысль, 1991. 286 с.
8. Алексеев Ю. Г. Запись что тянет душегубством к Москве». Некоторые вопросы датировки и содержания // Алексеев Ю. Г. Государство и право в эпоху формирования Российского государства (XIV–XV вв.). Санкт-Петербург: Изд-во Олега Абышко, 2019. С. 714–729.
9. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи археографической экспедицией императорской академии наук (ААЭ). Санкт-Петербург: Типография 2 отд-ния Собственной Е. И. В. канцелярии, 1836. Т. I. 548 с.
10. Аракчеев В. А. «Запись о душегубстве». Административно-судебная практика великих московских князей в XV в. // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. Екатеринбург, 2008. № 59, вып. 16. С. 25–37.
11. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. (ДДГ). Москва: Изд. АН СССР, 1950. 587 с.
12. Семенченко Г. В. Управление Москвой в XIV–XV вв. // Исторические записки, 1980. Т. 105. С. 196–229.
13. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. IV. Новгородская IV и Псковская I летописи. Санкт-Петербург: Типография Эдуарда Праца, 1848. 370 с.

14. ПСРЛ. Т. XVIII. Симеоновская летопись. Санкт-Петербург: Типография М. А. Александрова, 1913. 320 с.
15. ПСРЛ. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV века. Москва; Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1949. 458 с.
16. ПСРЛ. Т. XXVI. Вологодско-Пермская летопись. Москва; Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1959. 414 с.
17. ПСРЛ. Т. XXVII. Никаноровская летопись и Сокращенные своды конца XV века. Москва; Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1962. 413 с.
18. Кинев, С. Л. Московский князь Константин Дмитриевич в отечественной историографии и в летописании XV в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 3 (15). С. 66–69.
19. ПСРЛ. Т. V. Псковская II и Софийская I летописи. Санкт-Петербург: Типография Эдуарда Праца, 1851. 283 с.
20. ПСРЛ. Т. VI. Софийские летописи. Санкт-Петербург: Типография Эдуарда Праца, 1853. 363 с.
21. ПСРЛ. Т. XXXVII. Устюжская летопись. Ленинград: Наука – Ленинградское отделение, 1982. 234 с.

РИТУАЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ ПИВА В УДМУРТСКОМ РОДИЛЬНОМ ОБРЯДЕ «НУНЫ СЮАН»

Выслоужилова Д. Л.

Университет имени Масарика
(г. Брно, Чехия)
E-mail: vyslouzilova@phil.muni.cz

THE RITUAL FUNCTION OF BEER IN THE UDMURT BIRTH RITE OF “NUNY SHUAN”

Vysloužilová D.

Masaryk University, (Brno, Czech Republic)
E-mail: vyslouzilova@phil.muni.cz

Аннотация. Жизнь удмурта определена ритуальным комплексом «трех свадеб» (рождение, свадьба, похороны), осуществляющим переход к новой социальной роли. Первой свадьбой является родильный обряд «нуны сюан», во время которого младенец приобретает имя и положение в деревенском обществе. Момент перехода из непостижимого мира в земной сопровождается множеством церемоний и магических действий. В данной статье автор характеризует такое явление, как ритуал первой из трех свадеб в удмуртском обществе и анализирует роль пива как традиционного обрядного напитка в культуре финно-угорских народов. Пиво используется в большинстве удмуртских ритуалов, но именно «три свадьбы» наиболее ярко раскрывают двойственный характер пива, стирающего границы между сакральным и светским, между мифологическим и земным мирами.

Ключевые слова: удмурты, финно-угорские народы, ритуальные напитки, три свадьбы удмурта, родильные обряды, пиво, обряды перехода.

Abstract. The life of Udmurts is defined by the ritual complex of “three weddings” (birth, wedding, funeral), which creates the transition to a new social role. The first wedding is the birth rite of “nuny shuan” (wedding of a newborn), during which the infant acquires a name and also gains its position in the village society. The moment of transition from the incomprehensible world to ours is accompanied by many ceremonies and magical actions. In this abstract, the author characterizes such a phenomenon as the ritual of the first of three weddings in the Udmurt society and analyses the role of beer as a traditional ritual drink in the culture of the Finno-Ugric peoples. Beer is used in most Udmurt rituals, but it is the “three weddings” that most clearly reveal the dual nature of beer, blurring the boundaries between the sacred and the secular, between the mythological and contemporary worlds.

Keywords: Udmurts, Finno-Ugrians, ritual drinks, three weddings of Udmurts, birth rites, beer, rites of passage.

Мотив национальной кухни и специфик питания приобретает популярность в научной сфере и числится среди самых актуальных тем для специалистов разных дисциплин. Особенности приготовления пищи и напитков, их обрядовая сторона и застольный этикет тесно связаны с мировоззрением конкретного народа и отражают его ценности [1, с. 5]. Стойкость и консервативность пищевых предпочтений позволяет раскрыть изначальные традиции, которые в других сферах материальной культуры подверглись чужому влиянию. Растущий интерес к истории напитков в изучаемой финно-угорской среде связан с III Международным полевым этнографическим симпозиумом о напитках в культуре народов Урало-Поволжья, состоявшимся в 2019 г. [2]. Данный симпозиум привлек значительное внимание научного общества, чем подчеркнул актуальность исследования темы напитков: интерес к ним позволяет не только сохранить вековые традиции, но и способствовать постепенному возрождению национально-культурного наследия.

Вышеназванные особенности и характеристики напитков иллюстрируются на примере удмуртов. Их сохранившаяся дохристианская религия разрешает показать многогранность напитков и их магическую обрядовую функцию, которая у иных народов уже утеряна. Одинаково важным для исследования является и тот факт, что обрядовая жизнь и религиозные практики удмуртов продолжают существовать в виде сакральных обрядов, не превращаясь в фольклорные фестивали [3, с. 110]. Среди напитков, используемых при удмуртских обрядах, занимает особую позицию пиво (удм. *сур*). Это один из древнейших и самых традиционных напитков, который пермские народы начали изготавливать не позднее половины 1 тысячелетия нашей эры [4, с. 84]. Ритуальное употребление пива в данной статье показывается на примере родильного обряда «*нуны сюан*» (удм. «свадьба новорожденного»), т. к. именно переходные ритуалы сильнее всего отражают магическую роль алкогольных напитков.

«Нуны сюан» представляет собой первую из т. н. «трех свадеб», определяющих жизнь удмурта, последующими числятся собственное вступление в брак и похороны. Каждая из свадеб обозначает переход из одного общества или мира в другой и также трансформацию в новую социальную роль. Весь комплекс трех обрядов отражает цикличность человеческой жизни в понимании удмуртов, которая начинается заключением брака с земным миром и заканчивается свадьбой с миром мертвых.

Удмуртское название «свадьба новорожденного» вызывает ощущения, что данный ритуал проводится сразу после рождения, хотя между родами и исполнением обряда возникает перерыв в несколько недель. Как показывает

исследование Н. В. Анисимова, «нуны сюан» обычно проводят через месяц с момента рождения [5, с. 123], первые недели жизни младенец вместе с матерью и повитухой проводит в бане, без контакта с деревенским обществом [6, с. 23]. После истечения данного срока, который считался самым опасным для жизни матери и ее ребенка, возможно начать процесс инициации нового члена семьи [7, с. 68]. В дом, где родился ребенок, постепенно приходят жители деревни, чтобы отпраздновать появление младенца и оказать психологическо-социальную поддержку его родителям. Гости приносят ритуальную пищу и напитки, которые отражают локальные традиции и особенности конкретной родовой группы. Среди напитков рядом с пивом встречается самогон, квас и медовуха [8, с. 95].

Инициатором «нуны сюан» является самая возрастная родственница, в чем отражается глубокое почтение старших, традиционное для всех финно-угорских народов [9, с. 184]. Символически нового члена семьи приветствует женщина, у которой – учитывая многодетность удмуртских семей – богатый опыт материнства. В начале обряда гости собираются вокруг накрытого стола, сам ритуал начинается женщина молением, держа на руках миску с кашей. Обращаясь к верховному богу Инмару, просит его, чтобы у младенца была долгая жизнь без болезней. При втором молении женщина наливает пиво в емкость и ставит ее в угол стола наряду с предметами родового культа. Эта первая рюмка непременно наливается предкам, после молитвы инициатор обряда берет кувшин с пивом и подает его по ходу солнца [5, с. 123]. Отпивая пиво, участники поминают всех предков: «пусть хорошо следят за ребенком, помогут его растить» [10, с. 184]. После завершения религиозной стороны «нуны сюан» начинают трапезу.

Несмотря на факт, что в Поволжье земля доставалась только наследникам мужского пола, для удмуртов не существовала разница в случае рождения сына или дочери, что отражается и в одинаковом праздновании родильного обряда для мальчика и девочки. После данного ритуала ребенок превращается «из биологического существа в социальное» [11, с. 67], наблюдается четкая инициационная функция: «нуны сюан» включает новорожденного в состав деревенского общества, выделяет ему место и нарекает личным именем. Праздник проводится не столько в честь рождения ребенка, сколько для его самой первой социализации, «свадьбы» с общиной и земным миром. Во время обряда ребенок вступает не только в земной мир, но и тот, где живут предки. Первая рюмка и моления подчеркивают их ключевое место в жизни человека, без помощи предков новорожденный не

смог бы вырасти и стать полноценным членом семьи, рода и общины. Данные представления отражают древние удмуртские понятия о мировом дереве и троичности мира [12, с. 64], где миру усопших предков отведено место корней и опоры для живущих потомков. По данной причине, «нуны сюан» являлся обрядом социализации одновременно с миром живых и умерших.

Ритуал можно разделить на два уровня, *магическо-символический* и *социально-эмоциональный*, пиво играет важную роль в обеих частях. Обрядное потребление пива сопровождается молениями, песнями и танцами, алкогольный напиток разрешает соединиться с миром предков и навести диалог с умершими. Новорожденный приходит из неуловимого света, становится полноценной личностью, интегрируется в общество благодаря родственникам, которые после употребления алкоголя входят в легкий транс и способны передавать желания и мольбы умершим и духам. Обязательной частью «нуны сюан» является также жертвоприношение в виде каши и пива – типичное для многих удмуртских ритуалов – поддерживающее плодородие и повышающее фертильность в семье новорожденного. Данный элемент усиливается также присутствием женщин фертильного возраста, которые, во-первых, добавляют женскую энергию роженице и, во-вторых, сами готовятся к материнству.

После окончания общих молений наступает развлекательная часть обряда, когда пиво выполняет свою непосредственную функцию алкогольного напитка: влияет на человеческое сознание и изменяет его поведение. Удмурты пиво пьют сами и угощают им других участников ритуала. Совместное употребление алкоголя ломает барьеры в общении с другими людьми, а также усиливает понятие единства. Гость, употребляя напиток вместе с другими участниками ритуала, обретает чувство принадлежности к общине, понимает, что является ее частью.

Подводя итоги, можно заявить, что, согласно удмуртским представлениям, пиво служит посредником между человеком и миром, где обитают предки, являясь инструментом их культа. Наблюдаются три основных способа использования пива. Удмурты сами употребляют этот напиток и угощают им остальных участников веселья, что показывает на его социализирующую и релаксационную стороны, т. е. непосредственное действие опьяняющего напитка. Столь же значимой является и магическая, ритуальная сущность пива, которое служит средством коммуникации между людьми и миром божеств и умерших предков. Одинаково важной является и

инициационная функция, которая в случае «нуны сюан» связана с приходом нового члена семьи и деревенского общества в целом. Культура напитков является неотъемлемой чертой удмуртской обрядности, увеличивающийся интерес к традиционным напиткам отражает стремление удмуртов сохранить свои уникальные древние обычаи, среди которых находим и изготовление пива.

Исследование выполнено при поддержке Института истории Университета им. Масарика в рамках научного проекта «Культурная история пива: роль церкви» (Kulturní dějiny piva: role církve) MUNI/A/1400/2021.

Список источников и литературы

1. Арутюнов С. А., Воронина Т. А. Традиционная пища как выражение этнического самосознания. Москва: Наука, 2001. 293 с.
2. Напитки в культуре народов Урало-Поволжья / ред. Е. В. Попова. Ижевск: УдмФИЦ УрО РАН, 2019. 416 с.
3. Садиков Р. Р., Тулуз Е. Преемственность и ревитализация в обрядах общественных жертвоприношений у закамских удмуртов // Ежегодник финно-угорских исследований. 2017. №. 4. С. 97–114.
4. Перевозчиков Ю. А. Удмуртский напиток варсь (сусло): технология, этимология, употребительные практики // Напитки в культуре народов Урало-Поволжья / ред. Е. В. Попова. Ижевск: УдмФИЦ УрО РАН, 2019. С. 75–85.
5. Анисимов Н. В. «Диалог миров» в матрице коммуникативного поведения удмуртов. Tartu: University of Tartu Press, 2017. 386 с.
6. Никонова Л. И., Кандрина И. А. Баня в системе жизнеобеспечения народов Поволжья и Приуралья. Саранск: Издательство Мордовского университета, 2003. 224 с.
7. Христюбова Л. С. Семейные обряды удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1984. 123 с.
8. Владыкин В. Е., Христюбова Л. С. Удмурты. Ижевск: Удмуртия, 2008. 247 с.
9. Хайду П. Уральские языки и народы. Москва: Прогресс, 1985. 430 с.
10. Трофимова Е. Я. Некоторые формы общения и поведения современных удмуртов // Традиционное поведение и общение удмуртов / отв. ред. Г. К. Шкляев. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1992. С. 43–60.
11. Винокурова И. Ю. Обычаи, ритуалы и праздники в традиционной культуре вепсов. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. 205 с.
12. Шутова Н. И. Дерево в традиционном удмуртском мировоззрении // Ежегодник финно-угорских исследований. 2011. № 2. С. 56–71.

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДОВ ДН ПРИ ИЗУЧЕНИИ ДИНАСТИЧЕСКИХ ИМЕН РЮРИКОВИЧЕЙ

Герцен А. С.

Пермский филиал Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»
(г. Пермь, Россия)
E-mail: sascha.gertsen@yandex.ru

THE USAGE OF DH METHODS IN THE STUDY OF RURIKIDS' DYNASTIC NAMES

Gertsen A. S.

Perm Branch of the National Research University Higher School of Economics
(Perm, Russia)
E-mail: sascha.gertsen@yandex.ru

Аннотация. Исследование посвящено использованию цифровых методов для исследования династического именослова Рюриковичей. Целью исследования является установление закономерностей в имяназвании династии, которая на протяжении долгого времени управляла Древней и Московской Русью. Выдвигается гипотеза о закономерном характере имяназвания. Для выявления данных закономерностей проводятся частотный анализ с помощью программы Voyant Tools и сетевой анализ с помощью программы Ucinet. По результатам исследования определены и визуализированы наиболее частотные имена, составлены кластеры имен, отражающие связь между именами крестильными и мирскими. Рассмотрен феномен многоименности, который необходимо учитывать при анализе кластеров. Гипотеза о закономерном характере имяназвания подтверждается благодаря тому, что было отмечено влияние престижного образа князя в династии и его места в лестнице на практику именования потомков в его честь.

Ключевые слова: именослов, династия Рюриковичей, цифровые методы, частотный анализ, сетевой анализ, династическое имя, кластер.

Abstract. The research covers the usage of digital methods for investigating the Dynastic onomasticon of the Rurikids. The goal of the research is identifying naming patterns of the dynasty that had ruled Kievan and Moscow Rus' for a long time. The author puts forward the hypothesis that the nature of naming was regular. For detecting the pattern, the author uses frequency analysis with Voyant Tools and social network analysis with Ucinet. According to the results of the study the most frequent names have been identified and visualized, and clusters of names reflecting the relationship between baptismal and secular names have been compiled. The author has revised the phenomenon of multiple names that should be taken into account. The hypothesis of the regular nature of naming is confirmed due to the fact that the influence of the prince's prestigious image in the dynasty and his place in lestvitsa ('the ladder') on the descendants naming in his honor was noted.

Keywords: list of proper names, the Rurikid dynasty, digital methods, frequency analysis, social network analysis, dynastic name, cluster.

Династические имена – довольно важная тема для ономастического исследования. Для них характерно своеобразие и наличие постепенно меняющихся закономерностей и традиций. Свообразие династического именослова часто бывает обусловлено традициями и имеет определенный символический, а иногда и прагматический смысл.

Если обратиться к династии Рюриковичей, то можно отметить, что ее именослов был изучен традиционными методами. Еще в к. XIX в. – нач. XX в. исследования А. В. Экземплярского [1; 2] и Н. А. фон Баумгартена [3; 4] охватывали вопросы генеалогии различных ветвей Рюриковичей, и в них рассматривались вопросы имянаречения в династии. Уделять большое внимание именно закономерностям династического именослова характерно для современных исследователей. В книге А. Ф. Литвиной и Ф. Б. Успенского «Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики» исследованы традиции наречения княжеских имен, выделены две наиболее распространенные из этих традиций: в честь умершего предка и в честь живого дяди [5].

По словам ученых, уже в период до распада Древней Руси и феодальной раздробленности отдельные ветви Рюриковичей (XII в.) имели свои традиции сочетания крестильного и мирского имен [6]. Например, сын Ярослава Мудрого Святослав Ярославич был крещен как Николай, и эта традиция была усвоена потомками, тогда как Святослав Всеславич из ветви Изяславичей Полоцких носил крестильное имя Георгий. При этом важно учесть, что и крестильные, и мирские имена в сознании людей того времени часто были отсылкой не только к одному ранее жившему носителю, но и к их совокупности: «Определенного рода синкретизм в отношении своей “небесной генеалогии” соответствовал тому синкретизму культа одноименных предков, который имел место в “генеалогии земной”» [7, с. 15].

Цель нашего исследования – выявление закономерностей княжеского наречения на примере династии Рюриковичей.

Используются следующие методы исследования: частотный анализ имен, сетевой анализ.

Использование цифровых методов помогает верифицировать результаты нецифровых ономастических работ. Применение сетевого анализа в данном случае позволяет визуализировать связи между князьями-

тезками и выявить закономерности имянаречения. Выявление своеобразного и закономерного ономастикона является целью исследования.

Частотный анализ, проведенный в программе Voyant Tools, показал, что за период IX в. – 1 пол. XII в. наиболее распространены были имена Святослав – 8 чел., Изяслав – 5 чел., Ростислав – 5 чел., Анна – 4 чел., Владимир – 4 чел., Всеволод – 4 чел., Георгий – 4 чел., Глеб – 4 чел., Мария – 4, Михаил – 4 чел., Мстислав – 4 чел., Предслава – 4 чел., Роман – 4 чел., Ярослав – 4 чел.

Для визуализации результатов анализа построено облако слов. В зависимости от распространенности имени его размер больше или меньше в окне программы (см. рисунок 1).

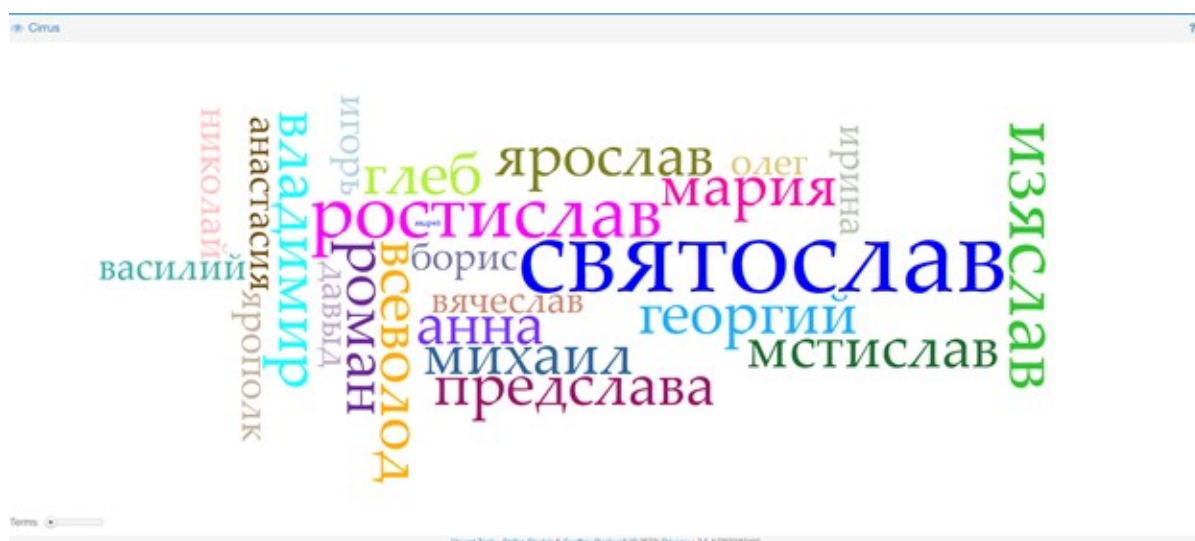

Рисунок 1. Облако слов

Кроме подсчета частотности были выстроены и проанализированы связи между именами князей-тезок. Для этого выполнен сетевой анализ в программе Ucinet. В общей сложности были отобраны имена 117 персоналий от Рюрика до поколения Мстислава Великого – последнего князя единой Руси. Были установлены связи между предками и потомками, в честь которых они были названы. Учитывались как мирские, так и крестильные имена, поскольку князья-тезки часто могли быть названы в честь одного святого. В результате получились следующие кластеры: Игорь–Святослав–Николай–Панкратий–Ярослав–Юрий–Георгий – 17 узлов, Глеб–Давид – 7 узлов, Всеволод–Борис–Роман – 7 узлов, Владимир–Василий–Василько–Володарь – 6 узлов, Предслава–Ирина–Ингигерда–Кунигунда – 6 узлов, Ростислав – 5 узлов, Мстислав – 5 узлов, Изяслав – 5 узлов, Мария – 5 узлов,

Олег–Ольга – 4 узла, Ярополк – 3 узла, Анастасия – 3 узла, Анна – 3 узла, Рюрик – 2 узла, Брячислав – 2 узла, Всеслав – 2 узла, Вышеслав-Вышеслава – 2 узла, Святополк – 2 узла (см. рисунок 2).

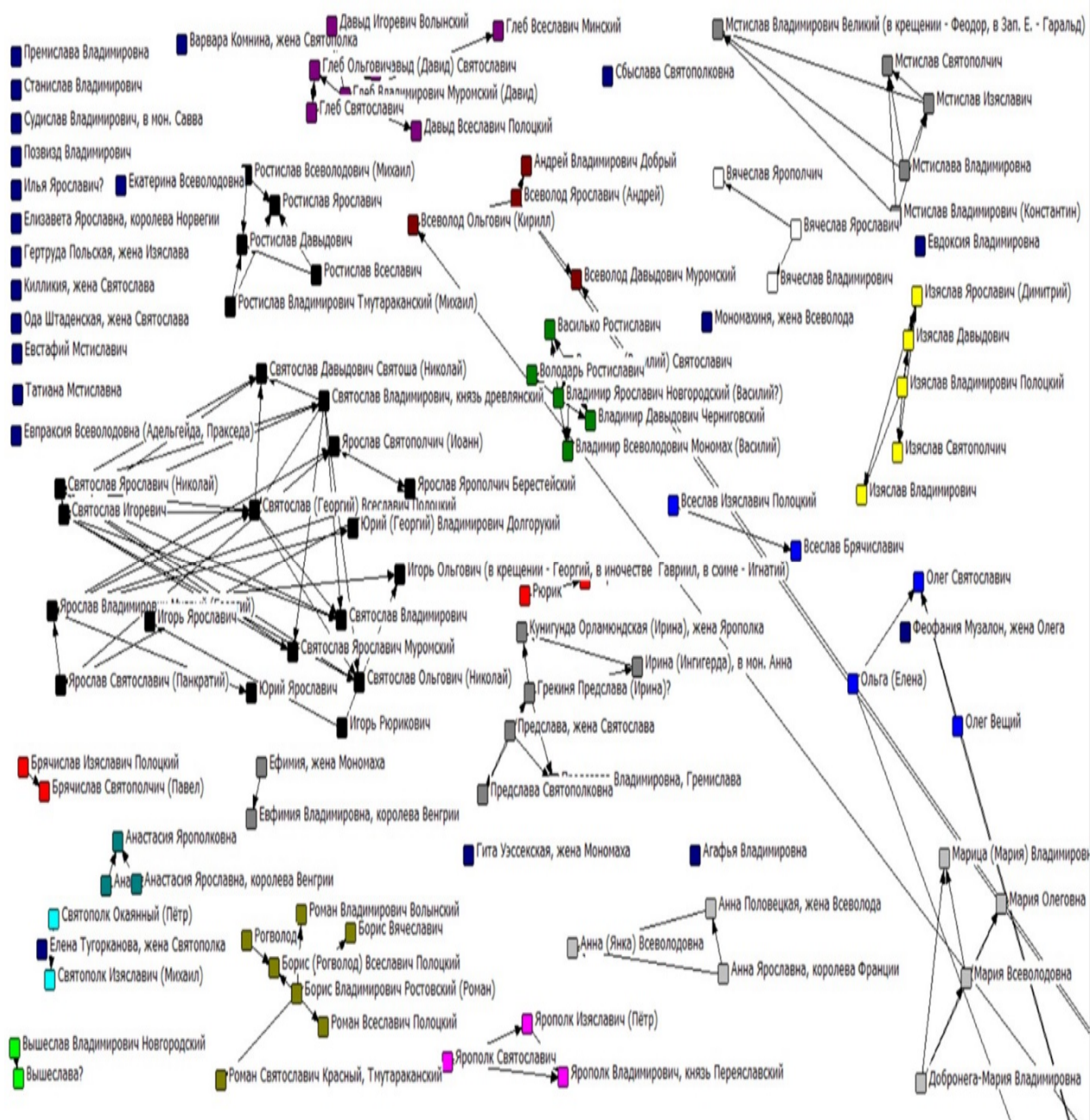

Рисунок 2. Сетевой граф

Кластер Игорь–Святослав–Николай–Ярослав–Юрий–Георгий получился таким большим как за счет частотности имени Святослав, так и за счет многоименности князей, между именами которых установлены связи: Святослав Всеславич Полоцкий и Игорь Ольгович были названы в честь

святого Георгия Победоносца, как и Ярослав Владимирович Мудрый (см. рисунок 3).

Рисунок 3. Кластер Игорь–Святослав–Николай–Панкратий–Ярослав–Георгий–Юрий

Другой пример действия многоименности – наличие у Всеволода Ярославича крестильного имени Андрей, которое также встречается у его внука Андрея Доброго. Таким образом, связь между именами оказывается сложнее, чем предполагалось, и кластеры могут включать не одно имя. Примечательно, что со временем крестильные имена становятся родовыми и вытесняют дохристианские (см. рисунок 4).

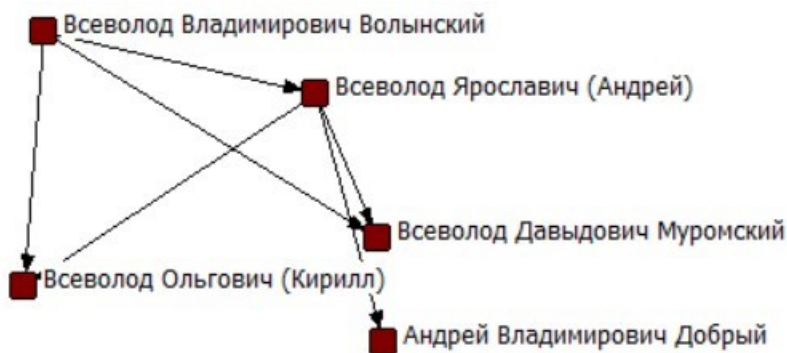

Рисунок 4. Кластер Всеволод

При этом, если рассмотреть исключительно связи тезок по одному имени (мирскому либо крестильному) самыми частотными именами являются Святослав (7 узлов), Мстислав (5 узлов), Изяслав (5 узлов), Ростислав (5 узлов), Мария (5 узлов). Можно предположить, что имя Святослав стало распространенным благодаря отцу князя Владимира –

великому полководцу. Изяслав и Мстислав могли стать популярными именами благодаря биографиям своих первых носителей. Один из них – основатель Полоцкой ветви Рюриковичей, другой – первый князь Тмутараканский, покоритель касог.

Хотя сетевой анализ в Ucinet статичен и не предусматривает рассмотрения графа в динамике, привлекая исторические знания, можно сказать, что постепенное превращение христианских имен в родовые – еще одна важная причина для укрупнения кластеров. Борис, Глеб и их отец Владимир Святославич дали князьям следующих поколений больше одного имени. Феномен имени Владимира Красное Солнышко состоит в том, что, кроме сочетания пары имен Владимир–Василий, у его потомков также появились имена Володарь и Василько (см. рисунок 5).

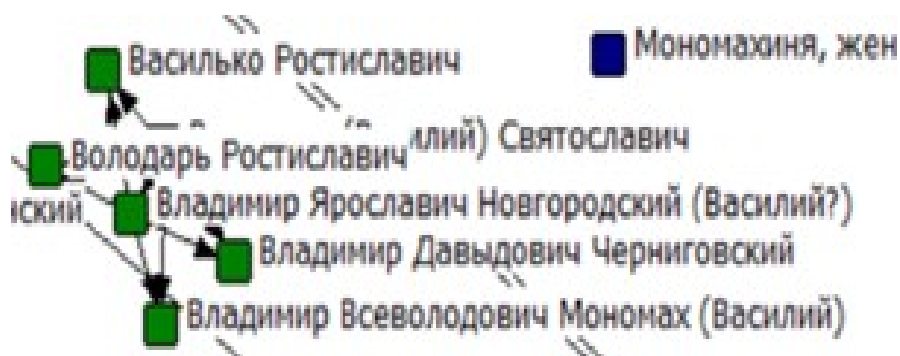

Рисунок 5. Кластер Владимир Красное Солнышко

Князь Андрей и князь Юрий (Георгий) стали носить такие же крестильные имена, как у предков, а их языческие имена неизвестны. Кроме того, имена Борис и Роман, Глеб и Давыд стали употребляться как равные родовые имена, хотя изначально Роман и Давид были крестильными именами Бориса и Глеба (см. рисунки 6–7).

Рисунок 6. Кластер Борис

На основе анализа следует сделать вывод о том, что гипотеза о существовании закономерностей имянаречения подтверждается. Влияние престижного образа князя в династии и его места в лестнице на практику имянаречения потомков в его честь, безусловно, имело место. Кроме наречения имени в честь прославленных предков, важен тот факт, что несколько имен оказываются связаны друг с другом благодаря многоименности в системе имянаречения Древней Руси, и со временем христианские имена вытесняют языческие и становятся родовыми.

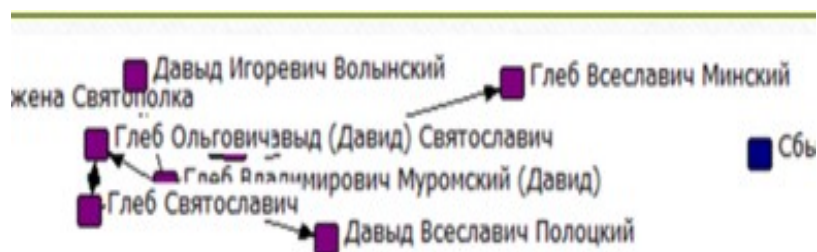

Рисунок 7. Кластер Глеб

Список литературы

1. Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1889. Т. 1: Великие князья Владимирские и Владимиро-Московские. 474 с.
2. Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1891. Т. 2: Владетельные князья владимирских и московских уделов и великие и удельные владетельные князья Суздальско-Нижегородские, Тверские и Рязанские. 696 с.
3. Baumgarten N. Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides Russes du X-e au XIII-e siècle. Roma: Pont. Institutum Orientalium Studiorum, 1927. 95 p.
4. Baumgarten N. Généalogie des branches régnautes de Rurikides du XIII-e au XVI-e siècle. Roma: Pont. institutum orientalium studiorum, 1934. 152 p.
5. Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропоники. Москва: Индрик, 2006. 904 с.
6. Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. «Се яз раб Божий...» Многоименность как фактор и факт древнерусской культуры. Санкт-Петербург: Евразия, 2020. 128 с.
7. Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Глава из истории выбора имен у Рюриковичей: князья-тезки и их патрональные святые // Вопросы ономастики. 2004. № 1. С. 14–32.

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ НИКОЛЬСКОГО РАЙОНА ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Горбунов И. В.

Череповецкий государственный университет

(г. Череповец, Россия)

E-mail: ivangorbunov443@gmail.com

THE HISTORY OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH OF THE NIKOLSKY DISTRICT OF THE VOLOGDA REGION

Gorbunov I.V.

Cherepovets State University

(Cherepovets, Russia)

E-mail: ivangorbunov443@gmail.com

Аннотация. В публикации говорится об истории археологического изучения Никольского района Вологодской области: от изысканий краеведов и любителей в 1940-е гг. до современных исследований профессиональных археологов. Весьма актуальной темой является вопрос полноты изученности территорий и перспективность дальнейших археологических работ. Для формирования выводов об изученности района в археологическом отношении автором привлечены известные публикации; исследование строится на историографическом методе. В результате проведенных изысканий автором сделаны выводы о дальнейших перспективах проведения археологических раскопок и разведок в Никольском районе.

Ключевые слова: Вологодская область, Никольский р-н, археологические раскопки, археологические разведки, стоянка, памятник, городище.

Abstract. The paper describes the history of the archeological research made on the Nikolsky district of the Vologda region: from the local historians and amateurs surveys in the 1940s to the modern research of professional archeologists. The most relevant issue is the completeness of the study on territories and the prospects for further archeological research. The author involved well-known publications to form the conclusions on the state of knowledge of the area regarding archaeology; The research is based on the historiographical method. As a result of the research, the author made conclusions about the future prospects of archaeological excavations and explorations in the Nikolsky region.

Keywords: Vologda region, Nikolsky district, archeological excavations, archeological exploration, archeological site, city-site.

Никольский район расположен на юго-востоке Вологодской области, его площадь составляет 7476 км². Район граничит с Костромской областью на юге, с Кировской областью – на востоке. В районе протекает несколько

крупных рек, среди которых особенно выделяются Юг, Кипшеньга, Шарженька, Сухона. Первые археологические памятники были открыты в Нижнем течении р. Сухоны и на р. Юг.

Археологическое изучение края началось в 1930–1940-е гг. краеведом К. А. Линовским и профессиональным археологом М. Я. Рудинским. Благодаря деятельности К. А. Линовского и М. Я. Рудинского были открыты, но практически не задокументированы первые археологические памятники Никольского района. Далее археологические работы проводились в конце 1940-х гг. учителем А. П. Пановым, затем в 1980-х гг. Югским археологическим отрядом под руководством С. Ю. Васильева. В последующее время научные разведки в Никольском районе были проведены Н. Б. Васильевой, профессиональным археологом из Вологды.

Археологических изысканий в регионе известно не так много, как в других районах области. Большинство сведений об археологических исследованиях в Никольском районе Вологодской области содержится в полевых научных отчетах, которые находятся на хранении Института Археологии РАН. Автор не имел возможности посетить архив Института Археологии, поэтому исследование базировалось на опубликованных материалах. Сведения об археологических изысканиях в районе приводятся в хронологическом порядке.

В 1949-х гг. учителем А. П. Пановым был открыт один из самых известных в Никольском районе памятников – городище Халезец, которое находится в Никольском районе в 1,5–2 км к северу от дер. Ковригино на левом берегу реки Юг, в небольшой излучине, на высоте 24–26 м. А. П. Панов произвел на городище небольшие раскопки: им была заложена траншея, благодаря которой удалось установить, что городище имело оборонительные укрепления – ров и вал. В траншее была обнаружена интересная находка – серьга в форме незамкнутого кольца с подвеской из стекла. Аналогичные украшения найдены при раскопках Белгородской крепости [1, с. 139–141].

Работы на городище были продолжены в 1961 г. А. В. Никитиным, который прирезал к траншее раскоп, а затем осуществил разрез вала и рва, что помогло установить связь оборонительных сооружений с культурным слоем крепости на основании стратиграфии. Культурный слой городища залегает неглубоко, сразу под дерном, на глубине 0,2–0,4 м от дневной поверхности в слое темно-коричневой супеси. В большом количестве были выявлены прослойки угля и горелого дерева – следы пожаров. В результате

работ была также выявлена единственная зафиксированная деревянная постройка. В плане от нее сохранилась одна стена длиной 2,75 м и небольшая часть другой. В глубину постройка сохранилась до трех венцов. Вероятно, она представляла сруб или дом [1, с. 141].

Хронологически памятник датируется по вещественному инвентарю, полученному в ходе раскопок. Так, по системе укреплений городище может быть отнесено к домонгольскому типу. Для него характерно наличие гончарной и лепной посуды, а также наличие сопутствующего инвентаря: бус-лимонок, желтого бисера, кубических замков и ключей к ним, наконечников стрел. Основная часть выявленных находок относится к XVII–XVIII вв. Керамика из раскопок круговая, однотипная, почти без орнамента. Венчики сосудов слабо профилированы, весь облик традиционно русский, характерный для XVII–XVIII вв. Однородный керамический материал близок к поздней керамике Великого Устюга. Таким образом, городище датируется XVII–XVIII вв. Можно также сказать, что городище являлось однослойным и существовало короткий отрезок времени. События, происходившие в крепости, очевидно связаны с вторжением поляков и шведов [1. С. 141].

В последующем археологические исследования на территории района прервались на некоторое время и были возобновлены в 1980-х гг. Югским археологическим отрядом под руководством С. Ю. Васильева. Отрядом была проведена разведка по всему течению р. Юг и также по его притокам. В результате таких обширных работ С. Ю. Васильевым были открыты новые памятники археологии:

1. Блудново-2. Стоянка эпохи каменного века, расположенная на правом берегу р. Юг, в 3,5 км к юго-западу от дер. Блудново Пермасского с/с, на площадке 5-метровой террасы. Размеры стоянки составляют 131 × 32 м. Находки представлены кремневыми пластинчатыми сколами, сечениями пластин и скребком, залегают в слое темно-коричневой супеси мощностью 0,2–0,3 м.

2. Никольск-2. Местонахождение, расположенное на правом берегу реки Юг в городе Никольске. Культурный слой не выявлен, находки обнаружены в осыпи высокого склона (12–16 м) террасы на площадке 20 × 10 м и представлены кремневыми отщепами. Датировка памятника затруднительна.

3. Никольское-3. Местонахождение, расположенное на террасе левого берега реки Юг, на берегу старичного озера Перовское, у города Никольска.

Все находки представлены подъемным материалом, в числе которого кремневые отщепы и малоинформативные фрагменты керамики. Датируется предположительно неолитическим временем.

4. Стоянка Липово-1. Находится на правом берегу реки Юг, в 48 м к востоку от деревни Липово Пермского с/с, на площадке стрелки террасы, образованной старичным руслом реки и ручьем. Размеры стоянки составляют 56×52 м. Культурный слой представлен темно-серой супесью мощностью всего 0,2 м. Предположительно памятник датируется эпохой раннего металла по инвентарю: малоинформативной керамике и отходам кремневого производства.

5. Селище Блудново-1. Расположено на левом берегу р. Юг, на площадке 7-метровой террасы, в 1,9 км к юго-востоку от деревни Блудново Пермского с/с. Размеры селища составляют 20×70 м. Культурный слой в виде темно-коричневой супеси, местами поврежденный распашкой, имеет мощность 0,3–0,8 м. Инвентарь памятника (круговая керамика) позволяет датировать его в пределах XVI–XVIII веков.

6. Селище Большой двор-1. Находится на левом берегу р. Юг, на краю 7-метровой террасы, в 0,4 км к югу от деревни Большой Двор Байдаровского с/с. Размеры селища по осям запад-восток и север-юг – до 50 м. Культурный слой в виде темно-коричневой супеси, местами поврежденный распашкой, имеет мощность до 0,3 м. Инвентарь памятника (круговая керамика) позволяет датировать его в пределах XVI–XVIII веков [2, С. 7–9].

Далее исследования в районе проводились Н. Б. Васильевой. В 2013 г. ей была проведена разведка по берегам р. Юг и открыта мезолитическая стоянка Дунилово-1. Памятник расположен на правом берегу реки, в 7,1 км к северо-востоку от деревни Дунилово, на боровой террасе. Примерная площадь стоянки составила 40×25 м. В центральной части боровой площадки Н. Б. Васильевой был заложен шурф, в котором выявлены находки. Артефакты выявлены в слоях серого подзолистого и белесого песка, общее количество находок составило 300 экз. Преобладающей категорией находок оказались пластины, их количество составило 171 экз. Среди пластин преобладают микропластины, что говорит о развитой технике отжима. Остальные находки представлены отщепами, технологическими сколами, чешуйками. Самой интересной находкой оказалась трапеция, выполненная из красного кремня хорошего качества. По мнению Н. Б. Васильевой, стоянка Дунилово-1 является перспективной для последующих раскопок, т. к. открытие стоянки доказывает продвижение

человеческих коллективов в мезолитическую эпоху далеко в верховья Юга. Н. Б. Васильева также считает, что по характеру кремневого инвентаря стоянка близка памятнику Побойце-1 на нижней Сухоне и стоянке Николаевская на Ваге [3. С. 119–120, 124].

Подводя итоги данного исследования, можно сформулировать некоторые выводы:

1). На территории Никольского района открыты памятники, относимые к эпохе каменного века, в т. ч. и мезолита – первоначальной эпохи освоения Вологодской области.

2). На территории района известны перспективные для дальнейшего исследования памятники.

3). Археологические исследования (разведки и раскопки), которые проводились в Никольском районе, не кажутся исчерпывающими. Представляется, что многие археологические памятники еще предстоит открыть.

4) Довольно перспективными участками для проведения дальнейших исследований представляются: нижнее течение р. Юг, а также сама стоянка Дунилово-1, открытая Н. Б. Васильевой, а также г. Никольск.

Список литературы

1. Никитин А. В. Крепость Халезец и Кич-городок // Краткие сообщения Института археологии. Средневековые памятники Восточной Европы. Москва: Наука, 1965. Вып. 104. С. 139–144.

2. Васильев С. Ю., Суворов А. В. Новые материалы к археологической карте долины реки Юг (по итогам работ Югского археологического отряда НПЦ «Древности Севера») // Великий Устюг: Краеведческий альманах. Вологда: Легия, 2000. Вып. 2. С. 5–31.

3. К. В. Зеленцова. Новая мезолитическая стоянка Дунилово-1 на реке Юг // Геолого-археологические исследования в Тимано-Североуральском регионе. Доклады 16-й научной конференции, Сыктывкар, 31 октября 2013 г. Сыктывкар: Геопринт, 2013. Т. XVI. С. 119–124.

**СТАТУС ГОРОДА БОЛГАРА ПОСЛЕ ПОХОДА РУССКИХ КНЯЗЕЙ
1376–1377 ГГ.: ВЫМЫШЛЕННОЕ ПРИОБРЕТЕНИЕ ДМИТРИЯ
ИВАНОВИЧА МОСКОВСКОГО, ИЛИ КАК ХАНСКИЙ
ДАРУГА СТАЛ ВЕЛИКОКНЯЖЕСКИМ**

Гребенников Н. Ю.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

(г. Москва, Россия)

E-mail: grebennikov97@list.ru

**THE STATUS OF THE BOLGAR CITY AFTER THE MILITARY
EXPEDITION OF RUSSIAN PRINCEPES IN 1376–1377:
THE IMAGINARY SEIZURE OF DMITRY IVANOVICH DONSKOY,
OR HOW KHAN'S DARUGHA BECAME THE ONE
OF THE GREAT KNYAZ'**

Grebennikov N. Y.

National Research University Higher School of Economics

(Moscow, Russia)

E-mail: grebennikov97@list.ru

Аннотация. В статье автор обращается к тексту годового известия за 1376–1377 гг., содержание которого уже не раз затрагивалось историками в процессе изучения княжеской политики в период правления в Москве Дмитрия Ивановича. В научной литературе отсутствует единое мнение относительно статуса города Болгара, на который Дмитрий Иванович отправил войска, и уполномоченного лица – даруги, назначенного князьями в Болгаре. Цель данного исследования состоит в критической проверке достоверности фрагмента текста известия за 1376–1377 гг., где книжником упомянут даруга. Кроме того, посредством текстологического анализа текста известия и дальнейшего сравнения текста ранних сводов с более поздними летописями удастся ответить на вопрос – действительно ли Болгар на какое-то время перешел под власть князя, либо же это поздняя вставка, которую нельзя считать достоверной.

Ключевые слова: Булгарский улус, Болгар, Московское княжество, внешняя политика Дмитрия Ивановича Донского, русско-татарские отношения.

Abstract. The author's attention is drawn to the chronicle article 1376–1377 year, which many times was taken into consideration by historians, who had shed light upon political affairs of Dmitry Ivanovich Donskoy. There is no acknowledged opinion concerning the status of post-attacked Bolgar city, which was raided by Dmitry Donskoy's troops, as much as person – "darugha", who was left in the city after military campaign. The paper aims at detailed scrutinization of text fragment, in particular where darugha was named by an old-russian booksman as «князя великого». Using textological comparison the earlier version of the chronical article with the version of letter compilations, it's possible to answer on the question –

was the Bolgar city under control of Moscovite princeps for a while or it's a late addition was made by a scribe in original text.

Key words: Bolgar principality, Bolgar, Principality of Moscow, foreign affairs of Dmitry Ivanovich Donskoy, Rus' – Tatars relations.

В Рогожском летописце, где сохранился наиболее ранний текст пространного рассказа о походе в 1377 г. на Болгар из дошедших до нас летописей, читаем: «Тое же зимы. Князь Великий Дмитрий Иванович посла князя Дмитрия Михайловича Волыньскаго ратию на безбожных блъгары, а князь Дмитрий Костянтинович Суждальский посла сына своего князя Василиа и другаго сына своего, князя Ивана, а съ ними боярь и воеводъ, и воя многы. И приидоша къ Блъгаромъ въ великое говѣние мѣсяца марта 16 день въ понедѣльникъ на вербной недѣли. Погани же бесерменове изыдоша из града противу ихъ и стаха на бои, и начаша стрѣляти, а инии изъ града громъ пуцаху, страшаще нашу рать, а друзии самострѣльные стрѣлы пуцаху, а инии выехаша на вельблудѣхъ, кони наши полошающе. Наши же никако же устрашаются грозы ихъ, но крѣпко противу стаха на бои и устрѣмишася нанъ единодушно, и скочиша на нихъ. Они же окааннии побѣгоша въ градъ свои, а наши после биючи и убиша ихъ числом бесермень 70. И высла изъ города князь Болгарский Осанъ и Махмать-Солтанъ, и добиша челомъ князю Великому и другому 2000 рублевъ, а воеводам и ратемъ 3000 рублевъ. Наши же въ возвратишася, всю свою волю взявше, а даригу и таможенника посадиша, а ссуды и села, и зимницы пожгоша, а люди посѣкоша и отъидоша съ побѣдою» [1, стб. 116, 117.].

Для начала обратимся к мнению ряда исследователей, высказывавшихся по поводу причин кампании 1376–1377 гг. К примеру, А. Е. Пресняков объяснял поход на болгар с точки зрения колонизаторской деятельности русских князей [2, с. 272]. А. Н. Насонов отмечал, что московский князь решился на поход, исходя из ситуации в Орде – Дмитрий Иванович воспользовался ослабевшим влиянием Мамай в Среднем Поволжье и отсутствием связи этого региона с Сараем, тем самым поставив торговлю по Волжскому пути и Болгар под свой контроль. Таким образом, речь шла о подчинении княжеской воле Дмитрием Ивановичем если не всего Булгарского улуса, то его части, которая попала в зависимость от московского князя [3, с. 131, 132]. Подобного мнения придерживаются, к примеру, А. А. Горский [4, с. 92; 5, с. 121] или Д. А. Котляров [6, с. 215].

Здесь следует заметить, что, во-первых, авторы в своих суждениях нередко опирались на данные поздних летописей второй половины XV в., где

даруга назван «великокняжеским», а во-вторых, историков не смутил тот факт, что даруга – представитель монгольской, в данном случае – ханской, чиновничьей организации, не подчинявшийся местному правителю, на территории которого исполняли свои функции [7]. Этот институт гражданского управления к 1377 г. не мог быть перенят русскими князьями, так как появление даруг на Руси отмечается в источниках только первой половиной 1350-х гг. [8, с. 30–34].

Вышеперечисленные уточнения заставляют по-новому взглянуть на оригинальное предположение, высказанное не так давно Р. Ю. Почекаевым – поход 1377 г. организован по требованию хана Каганбека, который занял к тому времени Сарай, с целью подчинения Поволжья [9, с. 63].

Версия, выдвинутая Р. Ю. Почекаевым, требует очередного обращения к тексту летописных сводов для критической перепроверки известия за 1377 г. Прежде всего, следует соотнести рассказы версии Рогожского летописца с Симеоновской и Троицкой летописями, так как именно в них отразилась редакционная обработка так называемого «Свода 1408». Так, в Симеоновской [10, с. 117, 118] и Троицкой [11, с. 401, 402] летописях текст совпадает с Рогожским летописцем.

Кроме того, к анализу нами привлечены московские великокняжеские своды XV в., составители которых пользовались летописями разных традиций, несохранившихся до сегодняшнего дня вообще, либо не дошедших в оригинальном виде из-за последующих поздних редакционных обработок текста. Однако следует помнить, что в поздних летописях события прошлых лет нередко приобретают дополнительные детали, которые нуждаются в проверке.

Среди сводов северо-восточной традиции только в московском своде 1490-х гг. [12, с. 192] и Типографской летописи [13, с. 133] имеются указания, что даруга был «великокняжеским». Версия известия в Типографской летописи совпадает с Московским летописным сводом. Важно отметить, что в предшествующих же редакциях великокняжеского московского свода за 1472 г. [14, с. 127–129, 139, 146–147] и 1477 г. [14, с. 139–141, 174–177, 221–223], известие за 1377 г. полностью отсутствует.

Развивая предположение Р. Ю. Почекаева, со своей стороны я бы хотел его дополнить следующими комментариями. На 1377 г. после занятия Каганбеком Сарая образовалась брешь во владениях Мамай и эмирами, которые в Среднем Поволжье признавали его власть [15, с. 167]. Пользуясь ситуацией, Каганбек решился на подчинение торгово-ремесленного

Булгарского улуса с помощью князей Северо-Восточной Руси, которые между всеильным Мамаем и ханом, занявшим Сарай, предпочли признать законного «царя» [16, с. 167]. Стремление Каганбека подчинить себе Болгар обусловлено необходимостью в ресурсах для дальнейшей борьбы с Мамаем. Однако болгарский князь Осан и Мухаммед-Султан являлись ставленниками Мамаю – последнего к власти в Болгаре привели русские князья в 1370 г. по приказу беклярибека [1, стб. 92]. Их следовало либо сместить, либо заставить подчиниться власти нового сарайского хана, для чего Каганбек использовал военный потенциал русских княжеств. Действия Дмитрия Ивановича и нижегородско-суздальских князей по воле сарайского хана объясняет и тот факт, что в войсках присутствовали, а позже и были «посажены» в Болгаре «даруга» и «таможенник», т. е. ханские чиновники, имевшие отношение к налоговому сбору и выплате дани местными правителями в ханскую казну. Вероятнее всего, их назначение было необходимым, чтобы возобновить поступление налогов и таможенных пошлин из всего Булгарского улуса, которые не поступали к новому сарайскому хану. Кроме того, обладатель должности «даруга» в Золотой Орде являлся приближенным ко двору хана, имеющим личную связь с правителем, нередко пребывая при его дворе. Даруга в целом обеспечивал контроль над подвластной ему территорией и, скорее всего, контролировал своевременные налоговые выплаты в пользу хана с областей, где реализовывал свои полномочия.

Летописное уточнение, что даруга и таможенник являлись представителями «великого князя» в Болгаре, – это поздняя вставка, появившаяся в 80-х гг. XV в. То, что даруга ставился именно от имени великого князя в Болгаре и являлся его подданным, а не хана, вполне соответствовало направлению, которое с 70-х гг. XV в. усиливается в древнерусской литературе – возвеличиванию достоинства русских князей, авторитет которых в иерархии государей ставился выше по сравнению с Чингизидами [5, с. 125–150]. По наблюдению А. А. Горского, создается «Повесть об убиении Батыя», призванная продемонстрировать возможное поражение Ахмата, а также подрывается образ «непобедимого» ордынского «царя» – Батыя [17, с. 214–218]. В Послании Вассиана Рыло, написанном архиепископом во время решающего противостояния великого князя и хана Ахмата, духовник многократно апеллирует к титулатуре «царь» при обращении к Ивану III, но уже не в качестве элемента красноречия и для прославления княжеской власти [18, с. 15, 16]. Семантика термина меняется – обладание титулом «царя» является показателем независимости правителя в своих пределах, власть которого является богоустановленной в отличие от

«беззаконного» правления Чингизидов, вытекающего из изначально лживого царского достоинства Бату-хана [19, С. 164–174].

Итак, на основании проведенного исследования можно заключить, что указание поздних сводов великокняжеской традиции, где даруга, посаженный в Болгаре в 1377 г., являлся великокняжеским, следует считать исторически недостоверным и летописным конструктом, созданным с целью усиления власти московского князя Дмитрия Ивановича, которой в реальности он не обладал.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 23-28-01032.

Список источников и литературы

1. Рогожский летописец. Тверской сборник // Полное собрание русских летописей. Москва: Языки русской культуры, 2000. Т. 15. 432 с.
2. Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства. Очерки по истории XIII–XV столетий. Петроград: Типография Я. Башмаковъ и К, 1918. 463 с.
3. Насонов А. Н. Монголы и Русь: история татарской политики на Руси. Москва; Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1940. 178 с.
4. Горский А. А. Москва и Орда. Москва: Наука, 2000. 214 с.
5. Горский А. А. «Всего еси исполнена земля русская...»: Личности и ментальности русского средневековья: Очерки. Москва: Языки славянской культуры, 2001. 176 с.
6. Котляров Д. А. От Золотой Орды к Московскому царству: вхождение народов Поволжья в состав России. Санкт-Петербург: Изд-во Олега Абышко, 2017. 352 с.
7. Маслова С. А. Монгольская администрация на завоеванных землях: даруги и баскаки // Исторический вестник. Монгольские завоевания и Русь. Т. 10 (157). Москва: Изд-во «ИКАР». С. 80–109.
8. Маслова С. А. Даруги и баскаки: соотношение должностей // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 2. С. 23–36.
9. Почекаев Р. Ю. Мамай. История «антигероя» в истории. Санкт-Петербург: Евразия, 2010. 288 с.
10. Симеоновская летопись // Полное собрание русских летописей. Санкт-Петербург: Типография М. А. Александрова. 1913. Т. 18. 316 с.
11. Приселков М. Д. Троицкая летопись: реконструкция текста / отв. ред. К. Н. Сербина. Москва; Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1950. 504 с.
12. Московский свод конца XV в. // Полное собрание русских летописей / под ред. М. Н. Тихомирова. Москва; Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1949. Т. 25. 462 с.

13. Типографская летопись // Полное собрание русских летописей. Петроград: 2-я Государственная типография, 1921. Т. 24. 272 с.
14. Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV–XV вв. / отв. ред. Д. С. Лихачев. Ленинград: Наука, 1976. 284 с.
15. Почекаев Р. Ю. Цари ордынские: биография ханов и правителей Золотой Орды. Изд. 2-е, испр. и доп. Санкт-Петербург: Евразия. 464 с.
16. Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды // Ученые записки Мордовского государственного университета. Саранск, 1960. Вып. 9. 275 с.
17. Горский А. А. «Повесть об убиении Батыея» и русская литература 70-х годов XV в. // Средневековая Русь, 2001. № 3. С. 210–222.
18. Щапов Я. Н. Достоинство и титул царя на Руси до XVI в. // Царь и царство в русском общественном сознании: Мировосприятие и самосознание русского общества. Москва: Изд-во Ин-та российской истории РАН, 1999. Вып. 2. С. 7–16.
19. Рудаков В. Н. Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII–XV вв. Москва: Квадрига, 2009. 248 с.

**ИЗУЧЕНИЕ СКАНДИНАВСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ IX–XI ВВ.
В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ В АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
XIX – НАЧАЛА XX В.**

Егорова А. В.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(г. Великий Новгород, Россия)

E-mail: anasteisha.egorowa@yandex.ru

**THE STUDY OF SCANDINAVIAN ANTIQUITIES
OF THE 9th–11th CENTURIES IN EASTERN EUROPE
IN THE ARCHAEOLOGICAL LITERATURE
OF THE 19th – EARLY 20th CENTURY**

Egorova A. V.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
(Veliky Novgorod, Russia)

E-mail: anasteisha.egorowa@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается динамика развития археологических исследований XIX – начала XX века в контексте «варяжского» вопроса. В отечественной историографии на данный момент нет исследования, в котором представала бы полноценная картина истории выявления и изучения скандинавских древностей в Восточной Европе, существуют только обобщающие работы по истории развития археологии в целом, а также исследования, посвященные археологическим раскопкам в конкретных регионах. В связи с этим представляется актуальным детальное рассмотрение и анализ выделенных и интерпретированных археологами XIX – начала XX века признаков присутствия скандинавов на территории Восточной Европы. Хронологические рамки определены тем, что в XIX в. отечественная археология только начала развиваться; верхняя граница определяется 1917 г. и обусловлена поворотом в методологическом и исследовательском плане.

Ключевые слова: археология, Восточная Европа, скандинавские древности, историография, «варяжский вопрос».

Abstract. The article examines the dynamics of the development of archaeological research of the 19th – early 20th century in the context of the "Varangian" question. At the moment, there is no research in Russian historiography that would present a full picture of the history of the identification and study of Scandinavian antiquities in Eastern Europe, there are only generalizing works on the history of the development of archaeology in general, as well as studies on archaeological excavations in specific regions. In this regard, it seems relevant to consider in detail and analyze the signs of the presence of Scandinavians on the territory of Eastern Europe, identified and interpreted by archaeologists of the 19th – early 20th century. The

chronological framework is determined by the fact that in the 20th century. Russian archeology has just begun to develop; the upper limit is determined in 1917 and is due to a turn in methodological and research terms.

Keywords: archaeology, Eastern Europe, Scandinavian antiquities, historiography, «Varangian question».

Проблема возникновения Древнерусского государства и влияния на этот процесс скандинавов привлекала отечественных исследователей на протяжении нескольких веков. Но письменные источники по этому вопросу не безграничны, они не могут из года в год пополняться новыми сведениями.

Именно археология начинает предоставлять огромное количество новых материалов в контексте «варяжского вопроса». Полноценные археологические исследования памятников, относящихся к периоду образования Древнерусского государства, начали проводиться во второй половине XIX века и продолжаются до сих пор.

В научной литературе, посвященной становлению и развитию отечественной археологии в целом и в работах, где изучаются исследования конкретных памятников, не предстает полная картина истории выявления и интерпретации скандинавских материалов.

Поэтому актуально собрать воедино и описать все археологические исследования XIX – нач. XX в., где были найдены следы скандинавского присутствия на территории Восточной Европы.

Цель исследования – выявление критериев присутствия скандинавов на территории Восточной Европы в IX–XI вв. в археологических исследованиях XIX – начала XX в.

В результате удалось установить критерии присутствия скандинавов, которые выделяли отечественные археологи.

В раскопках Ижорского плато, осуществлявшихся Л. К. Ивановским (1872–1881 гг.) имеется четко выраженное скандинавское происхождение у *подвески с «молотком Тора», браслета с «рытым орнаментом»*, все эти предметы обнаружены в курганных насыпях X–XI вв. [1, с. 1–6].

В процессе раскопок Д. Я. Самоквасова в Черниговской губернии (1872–1873 гг.) было открыто два важных памятника: на Болдиной горе курганы «Черная могила» и «Гульбище». Скандинавские находки кургана Черная могила: *пара турьих рогов с серебряными оправами, растительным орнаментом и сюжетом охоты; бронзовая статуэтка (которую исследователи ассоциируют с богом Тором), комплекты оружия и доспехов, женские украшения* [2, с. 11–48; 3, с. 76–82].

В 1874 г. М. Ф. Кусцинским в Смоленской губернии был раскопан курган 15, некоторые предметы в котором современные исследователи относят к скандинавским. Сам М. Ф. Кусцинский не заикливал внимания на этнической принадлежности предметов. Но очевидными вещами норманнского происхождения, по мнению исследователя, являются *гривна с молоточками Тора, некоторые наконечники стрел с «готским» орнаментом*. [4].

Н. Е. Бранденбургом первые масштабные раскопки были проведены в 1878–1884 гг. в Приладожье. Среди находок были обнаружены вещи скандинавского происхождения: *скорлупообразные фибулы, подвески в виде крестов. В некоторых захоронениях встречается сочетание предметов вооружения и украшений: особенно часто это заметно с бусами*. Такого рода явление Н. Е. Бранденбург соотносит с погребениями в Скандинавии [5, С. 3–26].

Н. Е. Бранденбург выделяет похожесть погребального обряда с памятниками, найденными на Скандинавском Севере – могильные насыпи на Борнгольме (совр. Бронхольм). Также в Приладожье отмечается *обряд со сломанным оружием*, который встречается и в Скандинавии [5, с. 73–75].

В. И. Сизов исследовал Гнездовский могильник. К вещам, определенно схожим со скандинавскими, В. И. Сизов относит *скорлупообразные фибулы, пряжки, булавки, браслеты, серебряный медальон, шейные гривны с молоточками Тора, меч, копье, железные «закрепы», которые указывали на нахождение в погребении ладьи*. Наличие скандинавских предметов В. И. Сизов объясняет частыми сношениями (торговыми или же военными) с варягами [6, с. 35–75]. В 1899–1900 гг. раскопки в Гнездово продолжил С. И. Сергеев. Некоторые курганы представляют особую ценность, поскольку в инвентаре погребений были найдены *гвозди, которые могут говорить о том, что захоронение происходило в ладье по скандинавскому обряду* [6, с. 78–79].

Исследованием Ярославской губернии и ее курганов занимался И. А. Тихомиров, раскопки под селом Михайловское были произведены в 1896 г. Из 14 раскопанных И. А. Тихомировым курганов, только в одном были обнаружены *черепахообразные фибулы*, говорящие о скандинавском присутствии. Датирует И. А. Тихомиров найденные памятники IX–XI вв., но опираясь на мнение В. И. Сизова. *Сам обряд погребения исследователь считал заимствованным у скандинавов в VIII–IX вв.: для него характерно трупосожжение на месте и богатый инвентарь* [7, с. 4–10; 8, с. 12–14].

А. А. Спицын первым среди исследователей обращает внимание на *типологию сопок и других памятников Новгородской, Киевской, Черниговской и Смоленской губерний и, анализируя, приводит аналоги в Скандинавии* [9, с. 142–148]. Подобные сопки, отмечает А. А. Спицын, уже раскопаны и изучены в Швеции близ г. Уппсала – это три кургана, названных «Один», «Фрейр» и «Тор» (т. н. «королевские курганы»). Основной схожей чертой этих курганов с сопками Новгородской губернии он выделяет *погребальный обряд* [9, с. 149–152].

Примечательны раскопки Н. И. Репникова в земляном городище Старой Ладogi в 1911 г. В результате были найдены *некоторые предметы из металла, относящиеся к VIII–IX вв., которые Н. И. Репников определил как «скандинаво-прибалтские»*. Анализируя данные, полученные во время раскопок, Н. И. Репников условно делит стратиграфию на три периода, один из которых – IX–XI вв. – *относится «к норманнскому периоду истории Ладogi»* [10, с. 32–38].

После смерти Н. И. Репникова в 1948 г. В. И. Равдоникас ввел в научный оборот результаты его раскопок в Старой Ладoge. Из скандинавских предметов прослеживаются лишь *чащеобразная фибула, найденная в разведочных работах, скорлупообразная фибула и бронзовая фибула с крестообразным узором в самих раскопках* [11, с. 7–10].

В процессе работы были выделены три этапа развития археологических исследований.

Первым этапом можно выделить археологические изыскания XVIII – начала XIX в., в рамках которых были изучены памятники, отражающие скандинавское присутствие.

Курганы, в которых присутствовали элементы скандинавской похоронной обрядности, а также предметы материальной культуры на данный период исследований не были зафиксированы как признаки присутствия скандинавов.

Второй этап: археологические исследования последней трети XIX в., которые приобретают целенаправленный характер: перед началом раскопок проводились как предварительные исследования письменных источников, так, зачастую, и разведка изучаемой местности.

Раскопки становятся планомерными, изучались лишь курганные насыпи и могильники, поскольку это закрытые комплексы, которые легче датировать. Материалы некоторых раскопок долгое время не обрабатывались; не все исследователи подходили ответственно к ведению полевого дневника и написания отчетов, материалы быть переданы в музеи и другие учреждения без описаний.

Несмотря на находки образцовых памятников, где четко видны скандинавские материалы, исследователи не ставили вопрос о том, могут ли подобные памятники принадлежать скандинавскому населению. Все подобные курганы считаются славянскими.

Третий этап: археологические исследования начала XX века (до 1917 г.). Для начала XX в. характерны частые публикации обобщающих, теоретических работ по археологии. Быстрыми темпами развивается методология. Начинаются систематические раскопки городищ.

В заключение стоит отметить, что в 1911 г. в Новгороде состоялся XV археологический съезд. Участие в нем также принял шведский археолог Т. Арне. Им была представлена работа о контактах России и Швеции по археологическим данным. Т. Арне подтверждает, что многие предметы, найденные на территории Восточной Европы, являются шведскими, как и наоборот. В дальнейшем работа шведского ученого вызовет серьезный резонанс в отечественной науке [12, с. 71–72].

Список источников и литературы

1. Спицын А. А. Курганы Санкт-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского / обработал для издания А. А. Спицын. Санкт-Петербург: типография Главного Управления Уделов, 1896. 123 с.
2. Самоквасов Д. Я. Могильные древности Северянской Черниговщины // Москва: Синод. типография, 1916. 97 с.
3. Самоквасов Д. Я. Результаты исследования Черниговских курганов с кострищами // Древности. Труды Императорского Московского археологического общества. Т. IV. Москва, 1874. С. 76–82.
4. Кусцинский М. Ф. Отчет о раскопках в Смоленской губернии в 1874 году // Древности. Труды Московского археологического общества. Т. IX. Вып. 1. Москва, 1883. С. 4–5.
5. Бранденбург Н. Е. Курганы южного Приладожья. Санкт-Петербург.: Типография Главного Управления Уделов, 1895. 156 с.
6. Сизов В. И. Курганы Смоленской губернии. Ч. 1. Гнездовский могильник // Материалы по археологии России. № 28. Санкт-Петербург: Типография Главного Управления Уделов, 1902. 136 с.
7. Тихомиров И. А. Отчет о раскопках в Ярославской губ. и уезде под селцом Михайловское. Ярославль: типография Губ. правл., 1898. 10 с.
8. Кураев И. В. Историография курганов Ярославского Поволжья // Археологический сборник. Вып. 111. Памяти Марии Вячеславовны Фехнер. Труды Государственного исторического музея. Москва: Государственный исторический музей, 1999. С. 11–24.
9. Спицын А. А. Сопки и жальники // Записки Императорского

Археологического общества. Т. 11, кн. 4. Санкт-Петербург: Типография И. Н. Скороходова, 1899. С. 142–155.

10. Репников Н. И. Старая Ладога // Сборник новгородского общества любителей древности. Вып. VII. Новгород, 1915. С. 1–39.

11. Гроздилов Г. П., Третьяков П. Н. Описание находок из раскопок в Старой Ладого, произведенных Н. И. Репниковым в 1909 г. // Равдоникас В. И. (отв. ред.). Старая Ладога. Ленинград: Государственный музей этнографии, 1948. С. 7–10.

12. Известия XV Археологического съезда в г. Новгороде. 1–13 вып. Москва., 1911. 185 с.

**«ГДЕ ЦАРСКИЙ ПОПРАН СКИПЕТР И ТРОН...»: РЕФЛЕКСИЯ
О ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1789 Г. И ПОЛЬСКОМ
ВОССТАНИИ 1794 Г. В РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
КУЛЬТУРЕ 1790-Х ГГ.**

Ившин В. С.

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
(г. Екатеринбург, Россия)

E-mail: v.s.ivshin96@gmail.com

**"WHERE THE KING'S SCEPTRE AND THRONE ARE TRAMPLED...":
REFLECTIONS ON THE FRENCH REVOLUTION OF 1789 AND THE
GREATER POLAND UPRISING OF 1794 IN RUSSIAN POLITICAL
CULTURE IN THE 1790-S**

Ivshin V. S.

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

E-mail: v.s.ivshin96@gmail.com

Аннотация. На основе методологии Кембриджской школы истории понятия (Кв. Скиннера и Дж. Покока) анализируется контекст обращений российских образованных подданных к рефлексии о Французской революции 1789 г. на фоне двух последних разделов Речи Посполитой и Польского восстания 1794 г. Автор приходит к выводу, что именно польские события послужили мощным импульсом для рефлексии о Французской революции в российской политической культуре 1790-х гг. и фактическому знаку равенства между двумя событиями, а в условиях обширной российской цензуры обращение к данной тематике проходило в устоявшемся в российской политической культуре панегирическом жанре, позволившем обсуждать революцию в устоявшихся риторических стратегиях библейских и провиденциальных риторик в понятиях: «бунт», «смута», «восстание», «мятеж» и др.

Ключевые слова: провиденциальных монархизм, революция, консерватизм, панегирик, риторическая стратегия

Abstract. The author uses methodology of Cambridge school of conceptual history (K. Skinner and J. Pocock) to analyze the context of Russian educated subjects' references to the reflection on the French Revolution of 1789 in the context of the last two partitions of the Commonwealth of Poland and the Polish Uprising of 1794. The author comes to the conclusion that exactly the Polish events have served as a powerful impulse to reflect on the French Revolution in Russian political culture of the 1790s. and the de facto sign of equality between the two events, and in the context of extensive Russian censorship, the treatment of this topic took place in a panegyric genre that was well established in Russian political culture, which

made it possible to discuss the revolution in the established rhetorical strategies of biblical and providential rhetoric in terms of: «rebellion», «sedition», «revolt» and others.

Keywords: Providential monarchism, revolution, conservatism, panegyric, rhetorical strategy

Исследование общественно-политической мысли в современной российской историографии традиционно выстраивается вокруг выделения больших доктрин-идеологий (либерализма, социализма и консерватизма) и их последующей характеристики. Такая схема приводит к игнорированию коммуникативных контекстов, в которых исторические акторы высказывались на ту или иную значимую для них тему. Одной из таких тем в Российской империи конца XVIII в. была Французская революция 1789 г. и Польское восстание 1794 г. До настоящего времени в российской историографии только А. Л. Зорин в полной мере обращался к проблеме связи рефлексии о Французской революции 1789 г. с рефлексией о Польском восстании 1794 г., отметив, что между Речью Посполитой и Францией «издавна существовала метонимическая связь»: географическая и религиозная, а также, что «именно Франция в наибольшей степени противодействовала русской политике в отношении Речи Посполитой» [1, с. 163].

Здесь необходимо дополнить аргументацию А. Л. Зорина, отметив, что с 1792 г. понятие «революция» попадает в поле зрения российских цензоров, что создавало потребность описания революции через устоявшиеся в российской политической культуре понятия: «бунта», «смуты», «мятежа» и др. [2, с. 32–33]. Отсюда – основной пласт рефлексий о революции проходил в более близкой российской политической культуре панегирической традиции. Во-вторых, манифест о присоединении Польских областей к Российской империи (1793 г.) закреплял ведущую роль «Королевства Французского» в вовлечении Польши в «кровавое междоусобие» [3]. Именно манифест имел большее влияние на коммуникативный контекст последующих обращений к революции, закрепляя тесную взаимосвязь между Речью Посполитой и Францией.

Однако подобные тенденции в панегирической традиции в рефлексиях о Французской революции не следует абсолютизировать. Например, ода Г. Р. Державина «На взятие Варшавы», которая была читана Екатерине II в 1794 г., а до этого, уже успешно получив одобрение цензуры, была напечатана тиражом в 3000 экземпляров. Державинская ода вызвала гнев императрицы и была опубликована только в 1815 г. вместе с «Примечанием к оде», в котором автор объяснял, что как «политик или царедворец <...> я

принужден был закрывать истину иносказанием и намеками» [4, с. 652]. Наконец, гнев монаршей особы Державин объяснял неправильным чтением оды секретарем императрицы В. С. Поповым, неверно поставившим ударение в слове «полна»:

Бессмертная Екатерина!
Куда? и что еще? – Уж полно [вместо уже полна]
Великих ваших дел вселенна [4, с. 639].

Императрице показалось, что Державин советует ей воздержаться от дальнейшей экспансии Российской империи, а главное – дальнейших побед, но еще более Екатерину II разгневали строфы, адресованные А. В. Суворову (главнокомандующему подавлением восстания):

Новый трофей твой днесь созерцанием:
Трон под тобой, корона у ног, –
Царь в полону! – Ужас ты злобным,
Кто был в царице твоей непокорным [4, с. 642].

Как это объяснял сам Державин в «Примечаниях...», в строчках «Трон под тобой, корона у ног» императрице показалось проявление Державиным «якобинизма» тогдашних французских крамольников. Вместе с тем Державин крайне завуалировано пишет о связи польского восстания и Французской революции: «[Польша] Склоняясь на совет змеиный, отвергла щит Екатерины» [4, с. 645], т. е. поляки приняли советы от французов и восстали против императрицы. А также в других строфах: «Сидит орел на гидре злобной [Варшава]: подите, отнимите львы! [Шведы], стремися с Фурией сонм грозной!» [4, с. 645]. Под «Фурией» подразумевалась фигура Робеспьера, а «сонм грозной» – Конвент, который он возглавлял. Завуалированность художественной образностью в данном ключе державинской оды было частью коммуникативной среды использования панегирической литературы, но сам «державинский казус» кажется нам показательным.

В панегирических обращениях к Польскому восстанию 1794 г. российский образованный подданный мог также обходить тематику Французской революции. В анонимно опубликованной «Оде... на усмирение польских возмутителей и на покорение Варшавы» 1794 г., среди причин восстания поляков, автор указывает, что «[Польша] враждебна нам изстарь Держава», восстала из-за «прежних деяний чтения», отсылая читателя к

временам нашествия Батыя и Смутному времени [5, с. 3–5]. Подобная риторическая стратегия описания Речи Посполитой как страны, имевшей исторический *casus belli* на восстание против России, не противоречит, но и в полной мере не подтверждает тезис А. Л. Зорина о метонимии Польши и Франции.

В рефлексиях о связи Польского восстания 1794 г. и Французской революции 1789 г. преобладает магистральная библейская риторическая стратегия, характерная панегирическому жанру и российской политической культуре конца XVIII – первой четверти XIX в. Так, А. С. Шишков в «Оде на покорение Польши» 1794 г. называл Францию «царством антихриста», а Российскую империю «спасительным царством», «блаженной из всех стран <...> не знает пагубных перемен» [6, с. 143]. Шишков точно также указывал на «безбожничество» французов, прельстившихся идеей «вольности» и «безначалия»: «Сия страна [Франция], что позабыла и Бога и закон и смерть...» [6, с. 152]. Причем Шишков указывал на прямое вмешательство французов в подготовку Польского восстания 1794 г. [6, с. 151]. На этот же факт влияния Французской революции – на Польское восстание – указывал другой панегирист – Я. Шишкин в 1794 г.:

Поляки ложью возбужденны
В желаниях не знают мер,
Парижским клубом убеждены,
Берут с неистовства пример... [7, с. 3]

Далее Я. Шишкин прямо констатирует:

В Париж Варшава превратилась,
И Польский сейм стал клубом там... [7, с. 5].

Библейская образность присутствовала в «Духе гражданина...» вице-президента медицинской коллегии А. С. Волкова, открывавшемся описанием библейского апокалипсиса в Революционной Франции: «...огонь всеядец в разъярении <...> небесна твердь кроваво блещет <...> и реки пламенны текут!» [8, с. 3], а далее он прямо указывал на конец света: «Иль сам Антихрист воцарился? <...> Не свету ли конец приходит? <...> Не горы ль там падут со треском?...» [8, с. 3–4]. Подобная риторика у Волкова быстро переходит к характеристике «спасительного царства» – Российской империи, находящейся (и спасенной!) Екатериной II.

Иногда библейская риторика могла замещаться на иные аллегории. Например, в «Оде пчелиной матке...» (1794) студента Московского университета И. Е. Срезневского, речь шла об «улье, что к западу стоит», (Франции) населенного «беспутными осами» (французами) и «трутнями» (философами-просветителями) [9, с. 13–14]. Когда-то все французы были «пчелами», однако «трутни» подговорили всех «пчел» на бунт и убийство «матки» (короля и королевы) [9, с. 15], после чего начался хаос всеобщей анархии [9, с. 16]. Срезневский также указывал на распространение французских революционных идей, которые «в чужие улья все летят» (Речь Посполитая). Однако, противовесом «несчастному» «западному улью» был другой улей – Российская империя, в которой нет «трутней», а сама империя защищена могущественной армией и наслаждается правлением мудрой «матки» (монархии) [9, с. 20, 24].

Итак, Польское восстание 1794 г. дало новый импульс рефлексиям о Французской революции 1789 г. в российской политической культуре. Для российского образованного подданного последних лет екатерининского царствования Французская революция и Польское восстание 1794 г. были явлениями одного порядка, рассматриваемые в понятиях «бунта», «мятежа», «восстания». Правительственный манифест 1793 г. создал дискурсивное поле для данного риторического конструкта. На наш взгляд, семантически интенции высказываний такого рода подразумевали скоротечность Французской революции, ведь любые восстания или мятежи всегда подавлялись. Панегирический жанр, благодаря своей образности и обширному использованию аллюзий, позволял проводить подобные рефлексии, используя устоявшиеся к концу XVIII в. риторические стратегии.

Список источников и литературы

1. Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. Москва: НЛЮ, 2001. 416 с.
2. Ильин А. А. История понятия «революция» у А. И. Герцена и М. А. Бакунина: специальность 07.00.09 «Историография, источниковедение и методы исторического исследования»: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / НИУ ВШЭ. Москва, 2018. 290 с.
3. Манифест от 27 марта 1793 г. «О присоединении Польских областей к России» [Электронный ресурс] // Гарант: информационно-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/58105704/> (дата обращения: 10.04.2022).

4. Державин Г. Р. На взятие Варшавы // Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. Санкт-Петербург: Изд-во Имп. Академии наук, 1864. Т. 1. С. 636–653.

5. Ода его императорскому величеству самодержице всероссийской, великой Екатерине, матери отечества на усмирение польских возмутителей и на покорение Варшавы. Санкт-Петербург: Типография Корпуса чужеземных единоверцев, 1794. 11 с.

6. Шишков А. С. Ода на покорение Польши // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. Санкт-Петербург: Типография Императорской Российской Академии, 1831. Ч. XIV. С. 143–154.

7. Шишкин Я. Ода на торжество бывшее 20 ноября 1794 года по усмирении польских мятежников. Санкт-Петербург, 1794. 16 с.

8. Волков А. С. Дух гражданина и верного подданного, в стихотворстве никогда не упражнявшегося, на старости злодеяниями французских бунтовщиков воссмятенной. Москва: Университетская типография, у Ридигера и Клаудия, 1794. 23 с.

9. Срезневский И. Е. Ода пчелиной матке от верной подданной ее молодой пчелы. Москва: Типография И. Зеленникова, 1794. 24 с.

ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ О ПРОИЗВОДСТВЕ ТЕКСТИЛЯ В ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ

Калугина Е. М.

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
(г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: kalugina_lizaa@mail.ru

WRITTEN SOURCES ON PRE-MONGOL RUS TEXTILE MANUFACTURING

Kalugina E. M.

The Herzen State Pedagogical University of Russia
(Saint Petersburg, Russia)
E-mail: kalugina_lizaa@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются письменные источники, содержащие сведения о производстве текстиля в домонгольской Руси. Особое внимание уделяется древнерусским источникам, при анализе которых исследуется описание разных видов тканей, производившихся на Руси, а также способов применения некоторых из них; отмечаются единичные свидетельства летописей о ремесленных специальностях, связанных с производством текстиля. Кроме того, изучаются данные восточных и византийских источников X–XI вв., в частности приводятся сообщения иностранных авторов об использовавшемся на Руси текстиле местного производства, к которому относились ткани из шерсти и льна. Также анализируется информация древнерусских источников о производственных операциях, выполнявшихся на отдельных этапах изготовления текстиля. Подчеркивается важность перечисленных письменных источников для изучения древнерусского производства.

Ключевые слова: производство текстиля, шерсть, растительное волокно, прядение, ткачество.

Abstract. The article considers the written sources on pre-Mongol Rus textile manufacturing. When analyzing the sources, much attention is paid to Ancient Rus accounts that present the description of different types of textiles manufactured in Rus and methods of their application. The rare chronicle evidence for handicrafts associated with textile manufacturing are noted. Besides that, data from Eastern and Byzantine sources of the X–XI centuries are studied, in particular, the article represents the reports of foreign authors on the medieval Rus local textiles, including wool and linen. Furthermore, a special focus is given to Ancient Rus data on manufacturing operations performed at different stages of technological process. The article stresses the great importance of these written sources for studying medieval Rus production.

Keywords: textile manufacturing, wool, vegetal fiber, spinning, weaving.

Экономическое состояние домонгольской Руси определялось развитием различных областей производства и торговли. Одной из сфер хозяйственной деятельности, игравшей существенную роль в обеспечении бытовых и хозяйственных нужд древнерусского населения, являлось производство текстиля.

Важные данные о производстве текстиля представлены в письменных источниках, в частности в древнерусских произведениях и в сочинениях иностранных авторов. Наиболее подробная и конкретная информация содержится в источниках древнерусского происхождения. Имеющиеся в них сведения включают, в первую очередь, описание различных тканей, производившихся на Руси, а также способов применения некоторых из них.

К текстилю местного производства относились ткани из шерсти и из растительных волокон – льна, конопли. Указанные виды тканей неоднократно упоминаются в древнерусских княжеских Уставах, а также в «Повести временных лет» и иных текстах летописных сводов.

Так, повседневная одежда изготавливалась на Руси из обычной льняной ткани – полотна [1, с. 584]. Сведения о нем содержатся, например, в Уставе князя Ярослава, где перечень имущества, кража которого каралась штрафом, включает «белые порты или полотна, и портища, поневы» [2, с. 113]. Данный текст свидетельствует о том, что полотно широко употреблялось на Руси; наряду с ним использовалась понева. Поневой называлась полушерстяная или шерстяная ткань; из нее производили верхнюю одежду. Тем же термином обозначали разные полотнища и предметы одежды [3, с. 114]. Кроме того, из приведенного фрагмента следует, что на Руси ткани белились.

Летописи указывают еще один вид ткани из льна – толстину. Так, при возвращении дружины Олега из Константинополя, когда паруса у славян разодрал ветер, «сказали славяне: «Возьмем свои толстины» [4, с. 154]. Толстина представляла собой грубую и очень плотную льняную материю [5, с. 10].

К дешевым тканям, из которых изготавливали верхнюю одежду бедных людей, относилась вотола. «Повесть временных лет» рассказывает про монаха Исакия, который «облечется въ власяницу и на власяницу свиту вотоляну» [4, с. 83]. Вотола являлась толстой грубой тканью из льна или конопли [4, с. 502]. То же наименование имела верхняя одежда в виде плащанакидки. Власяницей называли одежду из очень жесткой шерстяной ткани или необработанного волоса [3, с. 115], которая носилась преимущественно

монахами. Иногда данным термином обозначали ткань, предназначенную для изготовления такой одежды.

Информация летописей дополняется иными древнерусскими повествовательными источниками. Например, власяница упоминается в Житии Феодосия Печерского. Оно сообщает, что одеждой святого являлась «свита власяна остра на теле» [6, с. 390], то есть свита у Феодосия была сделана из колючей шерсти.

Данные о другой шерстяной ткани – сукне – приводятся в «Словах и поучениях Кирилла Туровского». Так, Кирилл считал, что для одежды монаха «рядно и власяница, и суконные одежды» [7, с. 177]. Из приведенного фрагмента следует, что на Руси изготавливали грубое недорогое сукно, одежда из которого фактически стояла в одном ряду с власяницей.

Сведения древнерусских источников подтверждаются произведениями иностранцев, в частности восточных и византийских авторов X–XI вв.

Среди восточных источников выделяется сочинение «Пределы мира от востока к западу» анонимного автора. Ученый писал, что в стране славян одежда «большей частью из льна»; славяне, живущие в «стране русов», шьют шаровары «из 100 гязов холста» [8, с. 295]. Данный текст интересен тем, что автор не только рассказал об использовании в одежде льняной ткани, но и отметил ее количество.

Аналогичные сведения о сырье, из которого делали текстиль, привел Гардизи. Он сообщил, что «одежда людей русов и славян из льна» [8, с. 296]. Повествование Гардизи подтверждает широкое применение на Руси льняных тканей.

Древнерусская шерстяная ткань упомянута в книге ибн-Фадлана. В ней указано, что у русов «мужчина носит кису, которой он охватывает один бок» [9, с. 141]. Кисой называли кусок ткани из шерсти; его могли надевать как одежду типа плаща или накидки, а могли им покрывать постель [9, с. 236]. В данном случае киса являлась одеждой.

Византийские источники представлены «Историей» Льва Диакона, который при описании одежды Святослава обратил внимание на то, что «одеяние его было белым» [10, с. 82]. Автор не пояснил, из какого сырья была произведена ткань, но указал ее белый цвет. Беленым на Руси обычно был льняной текстиль, то есть одежда Святослава, вероятно, была изготовлена из льна.

Помимо описания местных тканей, древнерусские источники содержат немногочисленные свидетельства о производственных операциях, выполнявшихся на отдельных этапах изготовления текстиля.

Так, Житие Феодосия Печерского сообщает, что Феодосий обычно находился в келье, «прядуща вълну» или «прядушю нити», а иногда он сидел у пещеры, «прядый вълну» [6, с. 376, 390, 394]. Волной на Руси называлась шерсть [11, с. 199], то есть Феодосий пряд шерсть. Эти тексты указывают на то, что операцией, в результате которой шерсть превращалась в нить, предназначенную для использования в производстве текстиля, являлось прядение.

В том же Житии говорится о монахе, который «накопил небольшой достаток, ибо ткал полотно» [6, с. 377]. Данный фрагмент подтверждает не только факт производства на Руси льняной ткани (полотна), но и возможность ее использования как объекта продажи и получения дохода.

Следует отметить, что в летописях также имеются единичные упоминания о ремесленных специальностях, связанных с производством текстиля.

Так, Новгородская первая летопись при описании побоища на реке Липице указывает о гибели «Иванъка Прибышиниця опонъника» [12, с. 57]. Опоной называли суконную ткань, а опонниками являлись ткачи-сукноделы, в связи с чем данное сообщение летописца считается свидетельством выделения сукноделия в отдельную городскую ремесленную специальность [13, с. 405].

Согласно Ипатьевской летописи, князь Ростислав Мстиславич для переговоров о своем княжении в Киеве направил в числе посланников «Ивана Ручечника» [14, с. 265]. Часто наименование «ручечник» расценивается как прозвище Ивана, однако некоторые исследователи, исходя из значения слов «ручошник» – тонкий холст и «рученик» – полное веретено пряжи, толкуют указанный термин как ремесленную специальность [15, с. 83], то есть данный горожанин занимался производством тонкой льняной ткани.

Таким образом, и древнерусские, и иностранные письменные источники домонгольского периода свидетельствуют о том, что на Руси производился и использовался текстиль из шерсти и из растительных волокон. При этом из древнерусских произведений усматривается, что текстиль каждой из указанных категорий подразделялся на виды в зависимости от степени обработки сырья и качества выделки ткани. Источники не только приводят названия разных видов ткани, но и отмечают некоторые способы их применения, в том числе: полотно, понева – для изготовления повседневной одежды, вотола и грубое сукно – для верхней

одежды бедных людей и монахов, толстина – для парусов. Древнерусские и византийские источники также подтверждают тот факт, что на Руси льняные ткани белились. Кроме того, важное значение имеют сообщения древнерусских источников о некоторых производственных операциях и о ремесленных специальностях, связанных с производством текстиля. Следует отметить, что в источниках не уделялось внимания вопросам технологии изготовления текстиля, что может быть связано, в первую очередь, с тем, что прядение и ткачество практиковались на Руси повсеместно, являлись повседневным занятием горожан и сельских жителей, соответственно, сведения об этих процессах были широко известны и не требовали внимания авторов.

Представляется, что рассмотренные письменные источники имеют большое значение для изучения древнерусского производства, поскольку затрагивают разные аспекты одной из важнейших для обеспечения нужд населения отраслей хозяйственной деятельности, в том числе упоминают отдельные производственные операции, называют некоторые специальности, занятые в производстве текстиля, характеризуют конечный продукт (текстиль).

Список источников и литературы

1. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 2. Санкт-Петербург: Типография Имп. АН, 1902. 916 с.
2. Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / изд. подг. Я. Н. Щаповым. Москва: Наука, 1976. 240 с.
3. Левашова В. П. Об одежде сельского населения Древней Руси // Труды Государственного исторического музея. Вып. 40. Москва: Советская Россия, 1966. С. 112–119.
4. Повесть временных лет / пер. и комм. Д. С. Лихачева. Санкт-Петербург: Наука, 1996. 667 с.
5. Левинсон-Нечаева М. Н. Ткачество // Труды Государственного исторического музея. Вып. 33. Москва: Советская Россия, 1959. С. 9–37.
6. Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1: XI–XII века / под ред. Д. С. Лихачева и др. Санкт-Петербург: Наука, 1997. 543 с.
7. Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4: XII век / под ред. Д. С. Лихачева и др. Санкт-Петербург: Наука, 1997. 687 с.
8. Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. / отв. ред. Т. М. Калинина. Москва: Восточная литература РАН, 2000. С. 264–323.

9. Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков: Изд-во Харьк. ун-та, 1956. 345 с.
10. Лев Диакон. История / пер. М. М. Копыленко. Москва: Наука, 1988. 239 с.
11. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1. Санкт-Петербург: Типография Имп. АН, 1893. 768 с.
12. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Москва; Ленинград: АН СССР, 1950. 580 с.
13. Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. Москва: АН СССР, 1948. 792 с.
14. Полное собрание русских летописей. Т. 2. Изд. 2-е. Ипатьевская летопись. Санкт-Петербург: Типография Александрова, 1908. 576 с.
15. Тихомиров М. Н. Древнерусские города. Москва: Госполитиздат, 1956. 477 с.

К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ НОВГОРОДЦЕВ В ДОНСКОМ ПОБОИЩЕ (1380 Г): ПРОТИВ С. Н. АЗБЕЛЕВА И М. А. НЕСИНА

Клейменов В. И.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

(г. Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: vikleymenov@edu.hse.ru

ON THE PARTICIPATION OF NOVGORODIANS IN THE BATTLE OF THE DON RIVER (1380): AGAINST S. A. AZBELEV AND M. A. NESIN

Kleymenov V. I.

National Research University Higher School of Economics

(Saint Petersburg, Russia)

E-mail: vikleymenov@edu.hse.ru

Аннотация. Данная статья продолжает наметившуюся в отечественной историографии тенденцию к демифологизации Донского побоища (т. н. Куликовской битвы). Цель исследования – опровергнуть тезис об участии новгородцев в Донском побоище. Эта гипотеза, появившаяся в историографии благодаря А. А. Шахматову, получила развитие в работах С. Н. Азбелева и перекочевала из них научно-популярную литературу. Аргументация С. Н. Азбелева была дополнена М. А. Несиным, который вслед за С. Н. Азбелевым считает участие новгородцев в Донском побоище доказанным фактом. В работе будут разобраны аргументы С. Н. Азбелева и М. А. Несина и будет показана их несостоятельность. Автор солидаризируется с Г. Е. Дубровиным, приходя к выводу о том, что сообщения об участии новгородцев в Донском побоище имеют легендарный характер. Попытки С. Н. Азбелева и М. А. Несина доказать факт участия новгородцев в Донском побоище автор предлагает считать следствием историографической традиции, согласно которой Куликовская битва рассматривается как общерусская победа.

Ключевые слова: военная история, Куликовская битва, Донское побоище, Великий Новгород, Литва, новгородские летописи, XIV век.

Abstract. The article continues the trend towards the demythologisation of the Battle of the Don River (also known as the Battle of Kulikovo), which is being observed now in Russian historiography. The aim of this research is to reconsider the idea that the Novgorodian troops participated in the Battle of the Don River. This thesis, introduced in historiography by A. A. Shakhmatov, was developed in the studies by S. N. Azbelev and then it made its way into popular scientific literature. The S. N. Azbelev's argumentation was supplemented later by M. A. Nesin, who also considers the participation of the Novgorodian troops in the Battle of the Don River as a fact. In this study the arguments of S. N. Azbelev and M. A. Nesin are discussed and the inadequacy of these claims is shown. The author supports G. E. Dubrovin, coming to the conclusion that the accounts of Novgorodians' participation in the battle of the Don River are legendary. The attempts of S. N. Azbelev and M. A. Nesin to prove the fact that Novgorodians

took part in the Battle of the Don River are supposed to be derived from the historiographic tradition, according to which the Battle of Kulikovo is seen as the all-Russian victory.

Keywords: military history, the Battle of Kulikovo, the Battle of the Don River, Novgorod the Great, Lithuania, Novgorod chronicles, 14th century

Такие знаковые исторические события, как Куликовская битва, со временем обрастают историографическими мифами, появление которых связано с доверием исследователей к поздним источникам. В 2002 г. А. Е. Петровым было отмечено, что Куликовская битва по-прежнему остается крайне мифологизированным событием российской истории [1, с. 22]. Спустя 20 лет с момента публикации статьи А. Е. Петрова в историографии отчетливо наблюдается тенденция к демифологизации Куликовской битвы, однако некоторые исследователи сохраняют приверженность к историографическим мифам, упорно пытаясь обосновать их состоятельность в своих работах. Так, например, миф о генуэзской «черной пехоте» был разобран нами в отдельной статье [2, с. 136–152]. Одним из таких мифов является гипотеза об участии новгородского контингента в Куликовской битве, которую планируется оспорить в данной работе. Обратим также внимание на то, что далее в работе будет использоваться более аутентичное название этой битвы – «Донское побоище», восходящее к летописному рассказу «О побоище иже на Дону».

Первым в историографии идея об участии новгородцев в Донском побоище была высказана А. А. Шахматовым, на авторитет которого в дальнейшем неоднократно ссылался, например, С. Н. Азбелев. В отзыве на работу С. К. Шамбинаго «Повести о Мамаевом побоище» А. А. Шахматов однозначно заявил, что «самый скептический ум не решится признать вымышленными некоторые факты <...> упоминание о прибытии новгородцев в числе 7000 человек» [3, с. 175]. Советский исследователь Л. А. Дмитриев также считал это сообщение «Сказания» достоверным, ссылаясь на то, что оно подтверждается синодиком [4, с. 363], однако впоследствии Л. А. Дмитриев изменил свою позицию и назвал эти сведения поздними наслоениями [5, с. 426]. Самым убежденным сторонником идеи об участии новгородцев в Донском побоище, несомненно, является С. Н. Азбелев, который считал, что «непосредственное участие новгородцев в войне 1380 г. – исторический факт» [6, с. 97]. В статье, опубликованной в 1972 г., С. Н. Азбелевым были сформулированы основные аргументы, которые неизменно использовались им в последующих статьях [7, с. 37–40; 8, с. 257–270; 9, с. 35–65], несмотря на критику. Так, например, в одной из поздних статей, опубликованной в ответ на критику со стороны

Г. Е. Дубровина, С. Н. Азбелев необоснованно обвиняет оппонента в том, что тот не знаком с его работами, хотя из текста статьи Г. Е. Дубровина становится понятно, что ее автору хорошо известны аргументы С. Н. Азбелева, которые он пытается оспорить в своей работе. Известный специалист по истории военного дела Средневековой Руси А. Н. Кирпичников поддержал идею С. Н. Азбелева: в юбилейной брошюре, посвященной Куликовской битве, А. Н. Кирпичников подчеркивает, что участие новгородцев в сражении «ныне убедительно доказано С. Н. Азбелевым», после чего повторяет его аргументы [10, с. 39–40]. Гипотеза об участии новгородцев в Донском побоище была также поддержана В. Л. Яниным: синодик церкви Бориса и Глеба на Торговой стороне расценивался им как «в высшей степени любопытное свидетельство участия новгородцев в Куликовской битве» [11, с. 252]. Идея С. Н. Азбелева оказалась крайне привлекательной и проникла в современную научно-популярную литературу: С. В. Трояновский в своей книге ссылается на С. Н. Азбелева и дословно повторяет его аргументы, дополняя их предположением, что с участием новгородцев в Куликовской битва также связан т. н. Алексеевский поминальный крест, установленный на западном фасаде собора св. Софии в Новгороде [12, с. 276–277]. Наиболее развернутая критика тезиса С. Н. Азбелева была представлена в статье Г. Е. Дубровина: в ней свидетельства об участии новгородцев признаются легендарными и отмечается их связь с прусско-плотницким крылом «промосковской партии» в Новгороде [13, с. 92–93]. Не обошла стороной данный вопрос и О. В. Кузьмина: в обобщающей работе по истории Новгорода ей было выдвинуто предположение, что участие новгородцев в войне обсуждалось на переговорах в Москве весной 1380 г., а также был сделан осторожный вывод, что «в свете всех источников, можно предположить, что какие-то новгородцы принимали участие в битве на Дону» [14, с. 183]. А. А. Горский в статье о составе русского войска в Куликовской битве также довольно осторожно говорит о присутствии в нем отряда новгородцев [15, с. 9]. Крайне скептически к участию новгородцев в Донском побоище относятся А. О. Амелькин и Ю. В. Селезнев: в совместной монографии исследователи приходят к заключению, что «говорить об участии Новгорода в Куликовской битве серьезных оснований нет» [16, с. 153]. М. А. Несин, напротив, вслед за С. Н. Азбелевым утверждает, что «присутствие новгородцев на Куликовом поле ныне можно считать доказанным фактом» [17, с. 255; 18, с. 340; 19, с. 90; 20, с. 108].

Как уже было отмечено выше, основные аргументы в пользу участия новгородцев в Донском побоище были сформулированы в работах С. Н. Азбелева, и именно на них ссылаются сторонники этой идеи. С. Н. Азбелевым было выделено четыре варианта «Сказания о новгородцах»: оно встречается в Распространенной редакции «Сказания о Мамаевом побоище» (СМП), рассказе Погодинской летописи о Куликовской битве, Забелинском списке СМП и рукописи из собрания Уварова, а также его фрагменты присутствуют в двух списках «Задонщины» – Кирилло-Белозерском и Ундольском. По мнению С. Н. Азбелева, это устное сказание, бытовавшее в Новгороде, в основу которого были положены показания участников битвы [6, с. 78–88, 97–102]. Кроме того, С. Н. Азбелев отмечал, что между князем Дмитрием Ивановичем и Новгородом существовал договор о военной помощи в случае войны с Литвой, заключенный в 70-х гг. XIV в. Согласно С. Н. Азбелеву, в соответствии с этим договором новгородцы должны были отправить войска Дмитрию Ивановичу, выполняя тем самым союзнические обязательства, поскольку в союз с Мамаем выступил Ягайло [6, с. 89–91]. В качестве доказательства того, что столкновение между литовскими и новгородскими силами все-таки произошло, С. Н. Азбелев приводил сообщения немецких хроник о нападении литовцев на неких русских, возвращавшихся с поля боя с добычей [6, с. 93–95]. Увековечить память об участии новгородцев в Куликовской битве, по мнению С. Н. Азбелева, должны были два храма – Дмитрия Солунского на Славкове улице и Рождества Христова на Поле, которые были построены сразу после сражения [6, с. 95–96]. Помимо этого, согласно С. Н. Азбелеву, в Борисоглебской церкви на Торговой стороне был составлен синодик с поминовением погибших в битве новгородцев – *«на Дону избиеных братии нашей при велицем князи Дмитреи Ивановичи»* [6, с. 96–97].

Идеи С. Н. Азбелева получили дальнейшее развитие в работах М. А. Несина. В своей ранней статье [17, с. 255–256] М. А. Несин полностью солидаризируется с С. Н. Азбелевым и предлагает новые аргументы, продолжая развивать его тезис, однако в последующих работах он критикует С. Н. Азбелева за использование поздних источников. М. А. Несин, вслед за О. В. Кузьминой, предполагает, что на переговорах весной 1380 г. речь шла об участии новгородцев в предстоящей войне с Мамаем [17, с. 255]. Что касается немецких источников, то, согласно М. А. Несину, в них речь идет именно о новгородцах, ограбленных литовцами на обратном пути с Куликова поля, так как если бы среди пострадавших были воины с Северо-Востока Руси, то об этом было бы упомянуто в местном летописании [17, с. 255].

Борисоглебский синодик М. А. Несин датирует периодом между 1456 и 1471 гг. Отвечая на критику Г. Е. Дубровина, М. А. Несин указывает на то, что синодик был составлен при внуках участников Донского побоища, помнящих живых ветеранов, поэтому ложно приписать новгородцам участие в нем под влиянием «промосковской» партии во 2-й пол. XV в. было невозможно [17, с. 255–256, 293–294].

Критические замечания относительно аргументов С. Н. Азбелева были высказаны в статье Г. Е. Дубровина. Исследователем было отмечено, что «Сказание о помощи новгородцев Дмитрию Донскому» (СПН) в составе СМП встречается в редакциях, созданных не ранее XVII в [13, с. 77–79]. Также Г. Е. Дубровин подчеркивает, что антилитовский союз Новгорода с Москвой был неустойчивым и отношения между Новгородом и Москвой оставались напряженными. По договору с Москвой новгородцы должны были как-то отреагировать на союз Ягайло и Мамаю, но они заняли выжидательную позицию [13, с. 79–80]. Согласно Г. Е. Дубровину, сообщения немецких хроник имеют литовское (или, что менее вероятно, новгородское происхождение): на это указывает смешение побед на Дону (1380 г.) и при Синих водах (1363 г.), а также тенденциозность и антимосковская направленность этих текстов [13, с. 80]. Под сомнение Г. Е. Дубровин ставит и связь между постройкой храмов Дмитрия Солунского на Славкове улице и Рождества Христова на Поле и победой Дмитрия Ивановича на Куликовом поле, так как об этом известно только из поздних источников – «Летописца» конца XVII в., Погодинской летописи и синодика, переписанного архимандритом Макарием с неизвестного древнего документа [13, с. 75–76]. Сообщения этих источников, как отмечает М. А. Несин, являются церковными преданиями, имеют легендарный характер [20, с. 107–108]. Что касается синодика церкви святых Бориса и Глеба на Торговой стороне (в Плотниках) 1552 – 1560 гг., составление которого датируется 1456 – 1471 гг., то он, согласно Г. Е. Дубровину, происходит из Плотницкого конца Новгорода. В статье Г. Е. Дубровин убедительно показывает, что представители боярских семей из этого конца в 70-е гг. XV в. играли активную роль в сближении с Москвой. Именно эта группировка была заинтересована в налаживании отношений с московской администрацией, для чего ими, как считает Г. Е. Дубровин, и был создан миф об участии новгородцев в Куликовской битве [13, с. 76–77, 92–93].

Представленные в статье Г. Е. Дубровина критические замечания можно дополнить, приведя новые аргументы против участия новгородцев в Донском побоище. Прежде всего, следует рассмотреть известия

новгородских летописей (НПЛ, СЛ, НВЛ) [21, с. 376; 22, стб. 454; 23, с. 310–311] о новгородском посольстве в Москву весной 1380 г., на которые ссылаются О. В. Кузьмина и М. А. Несин: предположение о том, что во время переговоров был заключен договор о военной помощи Дмитрию Ивановичу со стороны Новгорода, не соответствует реалиям новгородско-московских отношений в этот период, на что уже было указано Г. Е. Дубровиным. За неимением указаний на содержание договора М. А. Несин вынужден использовать аргумент *ex silentio*. Наличие грамоты 1370-х гг. о союзе между Москвой и Новгородом против Литвы [24, с. 31] также не может быть доказательством того, что Новгород должен был отправить контингент против Мамай, из-за сомнительной лояльности новгородцев Москве и отсутствия прямой заинтересованности в московско-ордынском конфликте. Не менее важен и тот факт, что упоминания об участии новгородцев в битве отсутствуют во всех синхронных летописных памятниках. Такое умолчание особенно странно для великокняжеского летописания: выполнение обязательств со стороны такого ненадежного союзника должно было найти отражение в текстах, так как это означало бы подчинение новгородцев воле великого князя. Несмотря на то, что в новгородском летописании есть повествования о Донском побоище, текстологический анализ показывает, что они не являются оригинальными. Так, например, в НПЛ включен сводный текст летописной повести о Куликовской битве: он вторичен по отношению как к *рассказу* в Рогожском летописце и Симеоновской летописи, так и к *Повести* в составе летописей Новгородско-Софийского свода [25, с. 326, 346–347]. Этот текст имеет «просерпуховскую» окраску, и в нем отсутствуют какие-либо уникальные «новгородские» свидетельства. Сообщения же немецких хронистов (Детмара, фон Позильге и Кранца) [26, с. 80–82], вероятнее всего, основаны на слухах литовского или новгородского происхождения, о чем свидетельствуют ошибки в хронологии (дата 1381 г.) и топографии («у Синей Воды»). Знать местный топоним (река Синяя Тулица), как считал С. Н. Азбелев [9, с. 53], новгородцы вряд ли могли. Синодик Борисоглебской церкви [27, с. 1–9], составленный между 1456 и 1471 гг., в свою очередь, мог быть дополнен при переписывании в XVI в. параллельно с появлением подобных «приписок» в СМП. Использование таких поздних текстов, как «Задонщина» [28, с. 98, 113, 119, 127] и СПН в составе редакций СМП [29, с. 75, 86, 130–134, 135, 153], является наиболее серьезной методологической ошибкой С. Н. Азбелева и его сторонников: эти источники не могут быть привлечены для реконструкции событий 1380 г. из-за своей ненадежности и недостоверности.

На их позднее происхождение указывают не только многочисленные фактологические ошибки (например, упоминание архиепископа Евфимия в СПН) [29, с. 131], но и использование терминов, характерных для XV–XVI вв. («кованая рать», «калантарь», «посадники новгородские» как синоним слова «бояре» и т. д.) [28, с. 89, 98, 99, 100, 114, 118, 119, 131, 153, 155; 29, с. 75, 153]. Отдельно следует упомянуть и проблему логистики, на которую редко обращают внимание исследователи, поддерживающие идею об участии новгородского контингента в Донском побоище: эта проблема связана со значительным расстоянием от Новгорода до Москвы и малым временем на сборы при низкой лояльности новгородцев. Рекордно короткие сроки мобилизации и прибытия к назначенной дате сбора войск белозерско-ярославских и ростовских отрядов были отмечены А. Н. Кирпичниковым: эти контингенты были вынуждены преодолеть расстояние в 150 – 600 км за 7–10 дней, проходя за сутки 60–85 км, что в 2–3 раза превышало обычную норму дневного перехода во время марша (около 25–30 км) [10, с. 37]. Из-за сомнительной лояльности Новгорода по отношению к Москве новгородцы, очевидно, не стали бы собираться настолько стремительно и передвигались бы с обычной скоростью, так и не успев к назначенной дате сбора, что было бы удобным предлогом для того, чтобы уклониться от участия в походе, как это было, например, с отрядом ростовского князя Василько Константиновича, избежавшим участия в битве на р. Калке в 1223 г. [30, стб. 446–447]. Более того, новгородцам пришлось бы пройти куда большее расстояние, по сравнению с отрядами из Белоозера, Ярославля и Ростова: как указывал сам С. Н. Азбелев, новгородским силам предстояло совершить переход на расстояние около 1000 километров [6, с. 90]. Из текста Пространной редакции «Задонщины» [28, с. 98, 113, 127] следует, что новгородский отряд должен был прибыть к Москве, то есть оказаться там до выдвижения войска в сторону Коломны, не позднее 13 августа [16, с. 204]. Если же принять версию СПН [29, с. 134], то новгородцы присоединились к войску Дмитрия Ивановича позднее, когда оно уже подошло к Коломне – 15 августа [16, с. 206]. Также стоит обратить внимание на то, что, хотя Дмитрию Ивановичу стало известно о сборе войск Мамай в начале августа, в Новгороде об этом должны были узнать значительно позже. Примечательно, что в Кирилло-Белозерском списке об отправке отряда из Новгорода не говорится ни слова, зато там содержится жалоба новгородцев на то, что приехать на помощь Дмитрию Ивановичу они уже не успеют: *«Уже намь, брате, к великому князю Дмитрею Ивановичю на пособь не поспѣти»* [28, с. 89]. С аналогичными логистическими трудностями оказалось бы

связано и прибытие отряда псковичей во главе с князем Андреем Ольгердовичем: об участии псковичей в сборе войск говорится только в «Летописной повести» в составе СІІІ и НІVІ, и эти сообщения также следует однозначно признать недостоверными [22, стб. 458; 23, с. 314]. В заключение стоит также отметить ангажированность работ С. Н. Азбелева: участие новгородцев в Донском побоище приводилось им как доказательство общерусского значения Куликовской битвы. Работы М. А. Несина, напротив, трудно назвать ангажированными, однако их автор, пусть и неосознанно, следует той же историографической традиции, что и С. Н. Азбелев.

Таким образом, участие новгородцев в Донском побоище 1380 г. отнюдь не является доказанным фактом, как утверждается в работах С. Н. Азбелева и М. А. Несина. Подобные утверждения имеют крайне слабую доказательную базу и не выдерживают критики. Аргументация С. Н. Азбелева, предложенная им в 1972 г., с некоторыми дополнениями продолжает использоваться и по сей день, несмотря на критику. Аргументы исследователей, развивающих гипотезу об участии новгородцев в кампании 1380 г., основаны на некритическом прочтении поздних и, как следствие, ненадежных источников. При обращении же к синхронным источникам ими активно используется аргумент от умолчания, а также делаются многочисленные допущения. Повторяющиеся попытки исследователей доказать факт участия новгородцев в Куликовской битве, по всей видимости, связаны с историографической традицией, согласно которой Куликовская битва представляется как событие общерусского значения.

Список источников и литературы

1. Петров А. Е. Куликово поле в исторической памяти: формирование и эволюция представлений о месте Куликовской битвы 1380 г. // ДРВМ. 2002. № 3 (13). С. 22–30.
2. Клейменов В. И. Фантомная «черная пехота»: об участии генуэзского контингента в Донском побоище (1380 г.) // *Parabellum novum*. 2021. № 15. С. 136–152.
3. Шахматов А. А. Отзыв о сочинении С. К. Шамбинаго «Повести о Мамаевом побоище» // Отчет о двенадцатом присуждении Императорской Академией наук премий митрополита Макария в 1907 г. Санкт-Петербург: Типография императорской Академии наук, 1910. С. 79–204.
4. Русские повести XV–XVI веков / Сост. М. О. Скрапиль. Москва: Изд-во АН СССР, 1958. 511 с.
5. Дмитриев Л. А. Вставки из «Задонщины» и «Сказание о Мамаевом побоище» как показатели истории текста этих произведений // Слово о полку

Игорева и памятники Куликовского цикла. Москва; Ленинград: Наука, 1966. С. 385–439.

6. Азбелев С. Н. Сказание о помощи новгородцев Дмитрию Донскому // Русский фольклор. Ленинград: Наука, 1972. Т. 13. С. 77–102.

7. Азбелев С. Н. Новгородцы на Куликовом поле // Родина. 2009. № 9. С. 37–40.

8. Азбелев С. Н. Новгород и Куликовская битва // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород: Новгородский гос. объединенный музей-заповедник, 2007. Вып. 21. С. 257–270.

9. Азбелев С. Н. Об участии новгородцев в Куликовской битве // Исторический формат. 2016. № 4. С. 35–65.

10. Кирпичников А. Н. Куликовская битва. Ленинград: Наука, 1980. 124 с.

11. Янин В. Л. Средневековый Новгород: очерки археологии и истории. Москва: Наука, 2004. 415 с.

12. Трояновский С. В. Великий Новгород. Седмицы истории. 859 – 1990-е годы. Москва: Весь мир, 2015. 544 с.

13. Дубровин Г. Е. Легенды об участии новгородцев в Куликовской битве и прусско-плотническое крыло «Московской партии» Новгорода во второй половине XV в. // Новгородский исторический сборник. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2005. Вып. 10 (20). С. 75–95.

14. Кузьмина О. В. Республика Святой Софии. Москва: Вече, 2008. 448 с.

15. Горский А. А. К вопросу о составе русского войска на Куликовом поле // ДРВМ. 2001. № 4 (6). С. 1–9.

16. Амелькин А. О., Селезнев Ю. В. Куликовская битва в свидетельствах современников и памяти потомков. Москва: Квадрига, 2011. 384 с.

17. Несин М. А. Новгородские житьи люди в XV в. и их участие в войнах и внешней политике Великого Новгорода в XV в. Часть 1. От рубежа XIV–XV вв. до второй половины 1471 г. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2016. Т. VIII. С. 247–309. URL: http://www.milhist.info/2016/06/08/nesin_8 (дата обращения: 09.02.2022).

18. Несин М. А. К проблеме логистики Куликова поля // Война и оружие: новые исследования и материалы. Труды Восьмой Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 17–19 мая 2017 г. Санкт-Петербург: ВИМАИВиВС, 2017. Ч. 3. С. 333–348.

19. Несин М. А. Новая новгородская летопись от историка-новгородца. 1150 лет новгородской истории под одной обложкой // Valla. 2017. № 3 (3). С. 82–97.

20. Несин М. А. О двух монографиях, посвященных новгородским источникам // Valla. 2017. № 3 (6). С. 101–121.

21. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1950. 561 с.
22. ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Софийская первая летопись старшего извода. Москва: Языки русской культуры, 2000. 312 с.
23. ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. Новгородская четвертая летопись. Вып. 1. Петроград: Изд-во Я. Башмаков и Ко, 1915. 320 с.
24. Грамоты Великого Новгорода и Пскова / под ред. С. Н. Валка. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1949. 407 с.
25. Соколова Л. В. Летописные повествования о Куликовской битве (К вопросу о взаимоотношении памятников) // ТОДРЛ. 2014. Т. 63. С. 305–353.
26. Известия немецких хронистов о битве русских с ордынцами в 1380 г. // Живая вода Непрядвы: Битва на Куликовом поле в свидетельствах современников и памяти потомков / сост. А. И. Плигузов. Москва: Квадрига, 2018. С. 80–82.
27. Шляпкин И. А. Синодик 1552–1560 гг. Новгородской Борисоглебской церкви // Сб. Новгородского общества любителей древности. Новгород: Губернская типография, 1911. Вып. 5. С. 1–9 (отдельная пагинация).
28. Памятники Куликовского цикла / под ред. Б. А. Рыбакова, В. А. Кучкина. Санкт-Петербург: БЛИЦ, 1998. 410 с.
29. Повести о Куликовской битве / изд. подг. М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржига, Л. А. Дмитриев. Москва: Изд-во АН СССР, 1959. 511 с.
30. ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Вып. 2. Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку. Ленинград: Изд-во АН СССР, 1927. 488 с.

Список сокращений

ДРВМ – Древняя Русь. Вопросы медиевистики

НПЛ – Новгородская первая летопись

НIVЛ – Новгородская четвертая летопись

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей

СМП – «Сказание о Мамаевом побоище»

СПН – «Сказание о помощи новгородцев Дмитрию Донскому»

С1Л – Софийская первая летопись

ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы

ВСЕРОССИЙСКИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ СЪЕЗДЫ: СОЗДАНИЕ МИФА О МОСКОВСКОМ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Кокиева А. Р.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

(г. Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: aleksandrakokieva@mail.ru

RUSSIAN ARCHAEOLOGICAL CONGRESSES: CONSTRUCTING A MYTH ABOUT THE MOSCOW ARCHAEOLOGICAL SOCIETY

Kokieva A.R.

National Research University Higher School of Economics

(Saint Petersburg, Russia)

E-mail: aleksandrakokieva@mail.ru

Аннотация. В 1864 г. состоялось открытие Московского археологического общества, которое инициировало проведение регулярных археологических съездов в разных городах Российской империи. В историографии показано, что съезды служили расширению знания о памятниках России и были проводниками политики государства. Данная работа рассматривает, как съезды служили созданию мифа о Московском археологическом обществе как преемнике европейской, а не российской научной традиции, что позволило Московскому археологическому обществу обособиться от петербургских организаций. В основе данной работы лежат публикации членов Московского археологического общества, А. С. Уварова и Д. Н. Анучина, а также труды по истории Московского археологического общества, которые показывают, как этот миф трансформировался сквозь время. Это позволяет при помощи метода дискурс-анализа раскрыть противостояние двух археологических центров Российской империи, Москвы и Петербурга, на риторическом уровне, так как, провозглашая себя преемником европейской науки, Московское археологическое общество провозгласило себя центром национальной археологии России. Это, в свою очередь, отразилось на восприятии деятельности петербургских организаций в историографии.

Ключевые слова: русские археологические съезды, Московское археологическое общество, А. С. Уваров, Д. Н. Анучин.

Abstract. The Moscow Archaeological Society was opened in 1864. This society proposed to hold regular congresses of Russian archaeologists in different cities of the Russian Empire. Historiography considers these congresses to be a form of science organization that united scientists from different cities of Russia and showed science to people. This work analyzes the myth of the Moscow Archaeological Society, which established a link between European national science and society using the concept of congresses. This myth allowed the Moscow Archaeological Society to separate from scientific organizations in St. Petersburg. The method of discourse analysis shows the confrontation between Moscow and St. Petersburg at the

rhetorical level through a myth. This confrontation affected the image of the Moscow Archaeological Society and St. Petersburg organizations in the 20th and 21st century's literature.

Keywords: Russian Archaeological Congresses, Moscow Archaeological Society, A. S. Uvarov, D. N. Anuchin.

В 2008 г. вышла монография М. Б. Могильнер, посвященная истории антропологии в Российской империи [1]. В этой монографии указывается на формирование в Москве в 1860-е годы нового научного центра антропологии, Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (далее – ИОЛЕАЭ), ставившего целью модернизировать и популяризировать антропологическую науку в Российской империи. Чтобы противопоставить себя петербургским организациям, члены этого общества формируют «миф о происхождении» новой дисциплины в России, связанной с европейским дарвинизмом, но игнорирующей науку, которая развивалась в Петербурге [1, с. 34]. В 1860-е годы в Москве формируется еще один научный центр, стремившийся противопоставить себя Петербургу и популяризировать науку в обществе, – Московское археологическое общество (далее – МАО). Данная статья показывает, что члены МАО использовали концепцию археологических съездов для формирования мифа, связывавшего МАО с европейской наукой, но не с Петербургом.

Создание МАО и начало проведения археологических съездов в России связаны с именем А. С. Уварова. С ним же связано открытие Исторического музея в Москве. В работах по истории в Российской империи, как и в биографических статьях, создание этих институций оценивается как главный вклад А. С. Уварова в становление российской археологии [2; 3; 4; 5; 6]. Общество, музей и съезды стали московской структурой, не только обеспечивающей единство российской археологии и популяризирующей науку, но и противопоставившей обществу Петербургу [4, с. 99; 5, с. 310]. Это противопоставление не означало разрыв с петербургскими учеными, члены петербургских научных организаций принимали участие в съездах археологов, да и с законодательной точки зрения многие раскопки на территории Российской империи надо было согласовывать с Императорской археологической комиссией в Петербурге (далее – ИАК). Однако именно археологические съезды способствовали обретению МАО роли центра, по инициативе которого они проводились. Съезды объединяли ученых центра и периферии, популяризировали науку в обществе [6, 7]. Данная статья показывает, что съезды служили объединению национальной археологии вокруг МАО не только на практическом, но также и на риторическом уровне.

О «национальных археологиях» в Европе, как этапе, сменяющем классическую и христианскую археологии после поражения Наполеона, говорит А. С. Уваров на открытии МАО [8]. В этой же речи он делает акцент на том, что «Русская археология, действительно, не сложилась еще в стройную, правильную науку...» [8, с. III], таким образом, не отрицая существования научных работ о национальных памятниках, но указывая на отсутствие единства научного сообщества в изучении этих памятников. В историографии возникновение национальной археологии отождествляют с появлением, под влиянием событий 1812 г. и национальной политикой Николая I, славяно-русского отдела археологии [2, с. 42; 4, с. 68]. «Национальные акценты» в деятельности А. С. Уварова также связывают с национальной политикой при Николае I, осуществлявшейся под лозунгом отца А. С. Уварова, С. С. Уварова: «православие, самодержавие, народность» [9, с. 73]. Однако акцент А. С. Уварова на необходимости объединения научных сил и организации съездов с широкой географией охвата означает, что национальная археология – это археология русских археологов, а не просто изучающая «русские» памятники (к такому же выводу приходит Н. И. Платонова [10, с. 48-54]). Данная статья при помощи дискурс-анализа [11] показывает, как становится возможным такое расхождение в оценке смены парадигм [12].

В речи 1864 г. на открытии МАО А. С. Уваров выстраивает следующую картину: после поражения Наполеона в Европе на смену классической и христианской археологии приходят национальные археологии. Это сопровождается созданием комиссий по охране древностей (существование таковой в России, то есть ИАК в Петербурге, с 1859 г. опускается), с одной стороны, и проведением ученых съездов, с другой стороны. По мнению А.С. Уварова, русская археология еще не сложилась в единую науку из-за «равнодушия к отечественным древностям» [8, с. III]. Чтобы преодолеть это «равнодушие» А.С. Уваров предлагает вкупе с изданием журнала и открытостью заседаний общества созывать ученые съезды, заимствуя европейскую практику съездов. О развитии археологии в Петербурге умалчивается.

В 1890 г. выходит «Историческая записка о деятельности Императорского московского археологического общества за первые 25 лет существования» [13]. В этой «записке» бросается в глаза отсылка к речи А. С. Уварова 1864 г. как в предисловии, так и в главе V о съездах [13, с. 1, 79–113]. Описание шагов МАО по охране памятников также является продолжением попытки, обозначенной А.С. Уваровым в 1864 г.,

возложить охранную функцию, которая уже являлась функцией ИАК, на МАО. В этой же «записке» указывается, что европейские специалисты посещают археологические съезды в Киеве, Тифлисе и Одессе [13, с. 113]. Также Д. Н. Анучин, который являлся членом как МАО, так и ИОЛЕАЭ, показывает связь российской археологии с европейской наукой в статьях о кавказской археологии. В них он акцентирует внимание читателя на том, что на момент написания статьи наиболее крупные работы по археологии Кавказа написаны французским (Э. Шантр) и немецким (Р. Вирхов) исследователями, а не российскими [14]. Подчеркивается участие в съездах Р. Вирхова [15].

К 50-летию МАО планировалось издать еще одну «историческую записку» [16]. В этой записке указывается следующее: «Всем известно, что Московское общество стоит в центре археологической работы, через каждые три года производя генеральный смотр археологическим силам на всероссийских съездах; здесь особенно чувствовалась и чувствуется связь Московского общества с общерусской ученой работой» [16, с. 408]. Чтобы подчеркнуть значение МАО, планировалось посвятить часть сочинения состоянию археологии до создания МАО. Это означало прекращение, хотя бы частичное, игнорирования археологии, которая развивалась в Петербурге, в описании истории МАО.

О влиянии мифа МАО можно судить по коллективной монографии по истории ИАК: «Даже человек с тонким чувством истории, говоря об охране памятников в России и российском обществе, писал, что Археологическая комиссия, осуществлявшая надзор за всеми раскопками, продолжала традиции начала XIX в. и занималась главным образом остатками античной культуры в Причерноморье» [17, с. 65]. Репрезентация МАО как преемника европейской науки и центра новой национальной археологии сказалась на оценке деятельности как МАО, так и ИАК.

Список источников и литературы

1. Могильнер М. Б. *Ното імперії: Історія фізическої антропології в Росії*. Москва: Новое литературное обозрение, 2008. 512 с.
2. Формозов А.А. *Очерки по истории русской археологии*. Москва: Изд-во АН СССР, 1961. 128 с.
3. Формозов А. А. А. С. Уваров и его место в истории русской археологии // *Уваровские чтения*. Москва: ИВФ Антал, 1994. С. 7–23.
4. Лебедев Г. С. *История отечественной археологии 1700-1917 гг.* Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского гос. ун-та, 1992. 464 с.

5. Клейн Л. С. Строитель российской археологии: А. С. Уваров // История российской археологии: учения, школы, личности. Т. 1. Санкт-Петербург: Евразия, 2014. С. 297–326.
6. Серых Д. В. Всероссийские Археологические съезды как форма организации отечественной археологической науки во второй половине XIX – начале XX вв. Казань: Отечество, 2014. 188 с.
7. Лоскутова М. В. Уездные ученые: самоорганизация научной общественности в российской провинции во второй половине XIX – первые десятилетия XX века // *Ab Imperio*. 2009. № 3. С. 119–169.
8. Уваров А. С. О деятельности, предстоящей Московскому археологическому обществу // Древности. Труды московского археологического общества, Москва: Типография Грачева и К. Т. 1, 1865. Вып. 1. С. I–VI.
9. Смирнов А. С. Власть и организация археологической науки в Российской империи (очерки институциональной истории науки XIX – начала XX века). Москва: Институт археологии РАН, 2011. 592 с.
10. Платонова Н. И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX века. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2010. 316 с.
11. Филлипс Л., Йоргенсен М. В. Дискурс анализ: теория и метод. Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр», 2008. 352 с.
12. Кун Т. Структура научных революций. Москва: Издательство АСТ, 2003. 605 с.
13. Историческая записка о деятельности Императорского Московского археологического общества за первые 25 лет существования. Москва: Синодальная тип., 1890.
14. Анучин Д. Новое большое сочинение о Кавказе // Русские Ведомости. 1888. №7. 8 января. С. 3.
15. Анучин Д. Н. Рудольф Вирхов. По поводу его 80-тилетия // Русский антропологический журнал. Москва: Типография А. В. Васильева и К., 1901. №№ 3–4.
16. Тункина И. В. Неизданная записка И. Н. Бороздина и Д. Н. Анучина о подготовке истории 50-летия деятельности Московского археологического общества // Боспорские исследования. 2015. № 31. С. 405–413.
17. Императорская археологическая комиссия (1859–1917): история первого государственного учреждения российской археологии от основания до реформы: Коллективная монография: в 2 т. Т. 1 / науч. ред.-сост. А. Е. Мусин, М. В. Медведева. 2-е изд., перераб. и доп. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 2019. 888 с.

ВЛИЯНИЕ КИТАЯ НА ВНЕШНЮЮ ПОЛИТИКУ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН В 2014–2020 ГГ.

Котик А. В.

Независимый исследователь
(г. Магнитогорск, Россия)
E-mail: anton96nov@gmail.com

CHINESE INFLUENCE TO KAZAKHSTANI FOREIGN POLICY IN 2014–2020

Kotik A. V.

Independent researcher
(Magnitogorsk, Russia)
E-mail: anton96nov@gmail.com

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются основные аспекты казахстанско-китайских отношений в 2014–2020 гг. Республика Казахстан является одной из важных частей китайского проекта «Новый Шелковый путь». Многосторонняя внешняя политика оказывает как позитивное воздействие на казахстанско-китайские отношения – в виде увеличения китайских инвестиций в казахстанскую экономику и включения Казахстана в китайские интеграционные проекты, так и негативное – в виде роста антикитайских настроений в политических элитах Казахстана. При Н. Назарбаеве Казахстан пытался развить собственную «неевразийскую» внешнюю политику, которая не противоречила дружественным отношениям с Китаем. Данная политика не увенчалась успехом и привела к стагнации участия Казахстана в интеграционных процессах на евразийском пространстве. Цель статьи – проанализировать ключевые политико-дипломатические и политико-экономические направления казахстанско-китайских отношений и степень их влияния на российско-казахстанские отношения. В работе применяются методы мир-системного анализа. В заключении отмечается, что Казахстан может сочетать многостороннюю внешнюю политику с сотрудничеством с Китаем. В долгосрочной перспективе стране придется делать взаимоисключающий выбор, исключая сотрудничество с одной из великих держав.

Ключевые слова: Казахстанско-китайские отношения, многосторонняя внешняя политика, евразийская интеграция, «Новый Шелковый путь», российско-казахстанские отношения, «неевразийская» внешняя политика.

Abstract. This article considers the main aspects of Kazakhstani-Chinese relations in 2014–2020. Kazakhstan is one of the important parts of Chinese-backed project «New Silk Road». Multilateral foreign policy includes positive effects in Kazakhstani-Chinese relations – growing Chinese investments in Kazakhstani economic and Kazakhstani integration to Chinese projects – and negative effects – growing anti-Chinese settlement in Kazakhstani political elites. Under N. Nazarbayev Kazakhstan tried to develop his own «neo-Eurasian» foreign policy which

didn't conflict with China. This policy has failed and has led to Kazakhstani stagnation in Eurasian integration. This article includes analysis of the political and economic trends in Kazakhstani-Chinese relations and their influence to Russian-Kazakhstani relations. There are using World-System analysis methods. In conclusion, it marks Kazakhstan can combine multilateral foreign policy with cooperation with China. In long-term perspective Kazakhstan must make mutually exclusive option eliminating the cooperation with one of the great power.

Keywords: Kazakhstani-Chinese relations, multi-lateral foreign policy, Eurasian integration, innovative «One Belt – One Road», Russian-Kazakhstani relations, neo-Eurasian foreign policy.

Место Китая во «многосторонней» внешней политики Казахстана является достаточно большой: КНР является одним из ведущих торгово-экономических и политических партнеров Казахстана. По территории Казахстана должны пройти потоки патронируемого правительством Китая «Нового Шелкового пути». С учетом последствий Украинского кризиса 2013–2014 гг. и серьезного ухудшения отношений между Россией и странами Западного мира, политическое руководство Казахстана приняло решение усилить диверсификацию своих внешнеполитических связей. Подобная политика получила название «многосторонней» внешней политики, в рамках которой правительство Казахстана стремится поддерживать дружественные отношения со всеми ведущими державами современного мира – Китаем, США, Россией, ЕС, Турцией.

В рамках настоящей статьи предлагается обратить внимание на основные аспекты дипломатических отношений между Китаем и Казахстаном в 2014–2020 гг. Нижняя хронологическая граница обусловлена событиями на Украине, которые оказали серьезную трансформацию на отношения между Россией и странами Запада. Верхняя граница – началом пандемии коронавируса COVID-19.

В настоящей работе применены методы мир-системного анализа и наступательного реализма. Модель «ядро – периферия», являющаяся основной категорией мир-системного анализа, позволяет выделить степень влияния Китая как зарождающегося ядра альтернативной мир-системы на его отношения с Казахстаном. Последний является частью евразийского интеграционного проекта под руководством России, но стремится сохранять сбалансированный подход в собственной внешней политике. Через призму мир-системного анализа можно увидеть периферийный характер казахстанской экономики и степень его зависимости от китайского влияния.

Китайское воздействие на казахстанскую дипломатию осуществляется по различным каналам, в первую очередь по политико-экономической линии. Казахстан состоит в Шанхайской организации сотрудничества, в которой

ведущую роль играет КНР. Казахстан рассматривается властями КНР как одна из важных территорий в рамках проекта «Нового Шелкового пути». Главная нефтяная компания Китая CNPC активно разрабатывает нефтегазовые месторождения в Актюбинской и Мангистауской областях, месторождения урана в Восточном Казахстане. Важно отметить, что не менее 20% от общего числа импорта газа в Китай идет из Казахстана [1]. Правительство Китая стремится представить проект «Нового Шелкового пути» как свой аналог американского «плана Маршалла», который позволит странам Центральной Азии диверсифицировать сырьевой импорт Китая и сократить зависимость от угля [1]. В 2005–2020 гг. китайскими инвесторами было вложено в экономику Казахстана от 35,6 до 70 млрд. долларов США, что составляет 80% от инвестиций КНР в Центральной Азии. В недавнем докладе о сопряжении между Евразийским Союзом и «Новым Шелковым путем» под эгидой Евразийской экономической комиссии подчеркивается, что на Китай приходится 4,9% (7,85 млрд. долларов) в совокупной структуре внешних обстоятельств. На территории Казахстана функционирует 204 китайские компании [2]. В этой связи китайское влияние на экономику страны является достаточно высоким – компании получают контроль над важными месторождениями, а Китай способен усилить свое политико-экономическое влияние в Центральной Азии в целом и в Казахстане в частности. Кроме того, китайская модель, в рамках которой рыночная экономика находится под жестким контролем государства, а гражданское общество – слабо, вызывает большой интерес у правительства Казахстана [3, р. 260–261]. Она не противоречит в общих чертах евразийской интеграции, в которой участвует Казахстан: экономическая интеграция евразийских стран против любой политизации объединения [4].

Вышесказанные факторы не являются единственными, касающимися уровня взаимодействия между КНР и Казахстаном. Несмотря на то, что Казахстан состоит только в двух общих с Китаем проектах – ШОС и «Новый Шелковый путь», отношения со второй экономикой нынешнего мира являются не менее важными для страны, чем с Россией и Евразийским Союзом. Но нужно учитывать, что внешняя политика Казахстана является многосторонней и страна не будет однозначно присоединяться к тому или иному блоку. Итальянско-британский политолог Л. Анчески называет подобную внешнюю политику «политикой Большой Евразии»: начиная с 1994 г. правительство Н. Назарбаева стремилось представить Казахстан как «евразийское» государство, которое будет вести равноправный диалог со

всеми ведущими державами. Однако в 2010-х гг. Казахстан значительно уменьшил свое позиционирование как «евразийской» страны, считая ЕАЭС сугубо экономической организацией [5, р. 148, 163]. Н. Назарбаев предлагал создать совместный интеграционный проект между ЕАЭС и ЕС, что вполне можно расценить как прокитайский акт: усиление евразийской интеграции может вступить в противоречие с внешнеполитическими проектами КНР. К тому же в конце 2010-х гг. правительство Казахстана вело активные переговоры с администрацией президента США Д. Трампа и с Европейским Союзом с целью улучшения отношений с ними.

В этой связи тезис о тесных китайско-казахстанских отношениях может являться противоречивым: еще в 2015 г. правительства России и Китая заявили, что проекты Евразийского Союза и «Нового Шелкового пути» не противостоят, а дополняют друг друга [6]. И правительство Казахстана как страна-член ЕАЭС тогда согласилась с этим тезисом. Вероятность того, что Китай подчинит Казахстан с помощью крупных экономических инвестиций, существует [7, с. 143–144]. Существование антикитайских настроений в Казахстане является зеркальным отражением выделений китайских инвестиций в страну: если страна создает национальный рынок, в рамках которого действует режим наибольшего благоприятствования и в рамках которого иностранные компании освобождаются от уплаты либо платят меньшее число налогов, то вполне может появиться некоторое количество политических и экономических акторов, недовольных признанием интересов зарубежных инвесторов. Для среднеразвитой страны, которой является Казахстан, создание благоприятных условий для экономических предприятий «высшего ранга», к которым следует отнести китайские, является логичным продолжением многосторонней внешней политики. В рамках обычной, привычной конкуренции великих держав или военно-политических блоков подобная модель имеет право на существование. Но в случае резкого ухудшения ситуации и усиления конкуренции между великими державами «многостороннему» государству придется делать взаимоисключающий выбор (выбор одного партнера введет к резкому ухудшению отношений с другими) [8, с. 77]. В противном случае такая среднеразвитая страна будет подчинена позиции великих держав либо вовсе исключена из решения важных для нее проблем.

Если сделать сравнительный анализ динамики развития китайско-казахстанских и российско-казахстанских отношений, то можно увидеть схожие черты: обе великие державы активно вовлекают Казахстан в международные объединения под своим патронажем (ЕАЭС и ШОС

соответственно), оба государства имеют крупные экономические интересы в регионе. В этом плане попытки правительства Казахстана сохранить многосторонность своей политики могут привести страну к необходимости в среднесрочной перспективе сделать выбор между российским и китайским интеграционным проектом (и не только). Сопряжение между ними возможно, однако факт, что Казахстан не является равноправным партнером для КНР. Проблемы с интенсификацией развития евразийской интеграции и настороженность политических элит Казахстана к политизации ЕАЭС заставляет говорить о том, что чем дольше Казахстан продолжает проводить «многостороннюю» внешнюю политику (включая и Китай), тем больше вероятность превращения страны в открытого сателлита Китая с соответствующими последствиями [9, с. 18]. Нижеследующие сценарии являются возможными опциями взаимоисключающего выбора для политических элит Казахстана в средне- и долгосрочной перспективе:

1) статус-кво (многосторонняя внешняя политика с тесными политико-экономическими и дипломатическими контактами с КНР);

2) прокитайский Казахстан (приоритет китайским интеграционным проектам);

3) пророссийский Казахстан (ухудшение китайско-казахстанских отношений);

4) протурецкий Казахстан;

5) прозападный Казахстан.

Таким образом, динамика китайско-казахстанских отношений в 2014–2020 гг. показывает, что экономическое воздействие КНР в Казахстане выросло: Казахстан стал частью китайских проектов «Новый Шелковый путь» и Азиатского банка развития. Нежелание президента Казахстана Н. Назарбаева усиливать евразийскую интеграцию можно связать как с желанием сохранить дружественные отношения с КНР, так и с «многосторонней» внешней политикой и нежеланием ухудшать отношения с США, ЕС и Турцией. Экономические инвестиции КНР в Казахстан являются большими и превосходят российские. После прихода к власти в Казахстане К-Ж. Токаева в 2019 г. существует вероятность того, что Казахстану придется делать в среднесрочной перспективе выбор между ЕАЭС и интеграционным проектом под эгидой Китая (но не только). Дальнейший характер казахстанско-китайских отношений будет зависеть от степени участия Казахстана в ЕАЭС, сохранения многосторонней внешней политики страны и трансформации нынешней системы международных отношений.

Список источников и литературы

1. Zogg B. Observer Now, Beneficiary Later: China and the Unrest in Kazakhstan / The Diplomat Magazine. URL: <https://thediplomat.com/2022/01/observer-now-beneficiary-later-china-and-the-unrest-in-kazakhstan/> (дата обращения: 03.02.2022)
2. Taliga H. Belt and Road Initiative in Central Asia / Friedrich-Ebert-Stiftung. URL: https://www.ituc-csi.org/IMG/pdf/belt_and_road_initiative_in_central_asia.pdf (дата обращения: 03.02.2022)
3. Nurgozhayeva, R. Rule-Making, Rule-Taking, Rule-Rejecting under the Belt and Road Initiative: A Central Asia Perspective // The Chinese Journal of Comparative Law. 2020. Vol. 8, no. 1. P. 250–278.
4. Комментарий Министерства иностранных дел Республики Казахстана по вопросам ЕАЭС от 5 июня 2021 г. [Электронный ресурс] // Генеральное консульство Республики Казахстан в городе Омске (РФ): сайт. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa-omsk/press/news/details/212694?lang=ru> (дата обращения: 05.02.2022)
5. Ankeschi L. Analysing Kazakhstan's Foreign Policy; Regime Neo-Eurasianism in the Nazarbayev's Era. New York: Routledge. 2020. 196 p.
6. Zogg B. On the Belt, on the Road: China's Pivot to Eurasia // Strategic Trends 2020: Key Developments in Global Affairs. Eds. M. Haas, O. Thränert. URL: <https://css.ethz.ch/content/dam/ethz/special-interest/gess/cis/center-for-securities-studies/pdfs/ST2020-04-BZ.pdf> (дата обращения: 04.02.2022)
7. Дмитриева М. О. Россия и Китай в Центральной Азии: сотрудничество или соперничество // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 1. С. 139–146.
8. Иванов А. Г., Котик А. В. Российско-казахстанские отношения после 2014 г.: проблемы и противоречия // Трансформация международных отношений в XXI веке: вызовы и перспективы. Сборник материалов IV международной научно-практической конференции, Москва, 26 апреля 2017 г. Москва. Дипломатическая Академия МИД РФ. 2018. С. 74–79.
9. Носов М. Г. ЕАЭС и ЕС в контексте китайского проекта «Один Пояс – Один Путь»: предварительные итоги. Статья вторая // Современная Европа. 2020. № 6. С. 15–28.

ФИННО-УГОРСКАЯ ШУМЯЩАЯ ПОДВЕСКА ИЗ РАСКОПОК ПАМЯТНИКА ПОГОСТИЩЕ 15

Кузьмина А. В.

Череповецкий государственный университет

(г. Череповец, Россия)

E-mail: an_v_kuzmina@mail.ru

FINNO-UGRIC NOISY PENDANT FROM THE EXCAVATIONS OF THE SITE POGOSTISHCHE 15

Kuzmina A. V.

Cherepovets State University

(Cherepovets, Russia)

E-mail: an_v_kuzmina@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена необычной находке из материалов раскопок памятника Погостище 15 (Кирилловский р-н Вологодской обл., бассейн озера Воже) – финно-угорской бронзовой конусовидной шумящей подвеске с привесками. Подобное изделие выявлено на памятнике в единственном экземпляре и, по-видимому, связано с расположенным неподалеку мезолитическим и средневековым могильником Погостище V. На основе данных об аналогичных находках, выявленных на известных памятниках, автором приводится интерпретация подвески с Погостище 15: ее хронологическая и культурная атрибуция. В работе также сделаны выводы о причинах попадания находки в культурный слой памятника: в результате случайной утери местным населением или в процессе переотложения слоя с террасы в процессе антропогенной деятельности в более поздние эпохи.

Ключевые слова: Погостище, погребальный обряд, финно-угорская шумящая подвеска.

Abstract. The article is devoted to an unusual find from the excavation materials of the site Pogostishche 15 (Kirillovsky district, Vologda region, Lake Vozhe basin) – Finno-Ugric bronze cone-shaped noisy pendant with pendants. The similar product was found at the site in a single copy and, apparently, is associated with the nearby Mesolithic and medieval site of Pogostishche V. Based on data on similar finds found at known sites, the author provides an interpretation of the pendant from Pogostishche 15: its chronological and cultural attribution. The paper also draws conclusions about the reasons why the find got into the cultural layer of the site: because of accidental loss by the local population or in the process of redeposition of the layer from the terrace during anthropogenic activity in later epochs.

Keywords: Pogostishche, funeral rite, Finno-Ugric noisy pendant.

Комплекс памятников Погостище находится в Кирилловском районе Вологодской области, на берегу реки Модлоны (бассейн озера Воже), в районе одноименной деревни, в настоящее время не существующей. Первый памятник здесь был открыт в 1938–1939 гг. А. Я. Брюсовым. Дальнейшие исследования в разное время проводились С. В. Ошибкиной, Н. А. Макаровым, С. Д. Захаровым и объединенной археологической экспедицией Череповецкого музейного объединения и Череповецкого государственного университета под руководством Н. В. Косоруковой.

До 2005 г. в этом районе было известно 12 памятников, которые датируются от эпохи мезолита до Средневековья. В 2005 г. экспедицией под руководством Н. В. Косоруковой были открыты 2 торфяниковых памятника Погостище 13 и 14, а в 2010 г. к северу от бывшей деревни была открыта торфяниковая стоянка Погостище 15, исследование которой ведется до сих пор.

Памятник Погостище 15 расположен у подошвы склона надпойменной террасы, в низком заболоченном месте. Памятник является многослойным и многокомплексным. Сразу под дерном залегают слои торфа, содержащие находки от эпохи мезолита до времени существования деревни. Данный слой было принято называть «деревенским», так как преобладающими категориями находок в нем являются вещи времени существования деревни Погостище: поздние фрагменты гончарной керамики, металлические предметы (котлы, кованые гвозди), фрагменты фаянсовой и стеклянной посуды (фрагменты тарелочек, кувшинов, бутылочные горлышки) и др. Находки эпохи мезолита, в чистом виде, залегают в слое сапропеля, на глубине 1–1,2 м от дневной поверхности. Артефакты представлены изделиями из камня, кости, рога, коры и дерева.

В 2014 г. на памятнике Погостище 15 в слое коричневого торфа с включениями щепы (деревенский слой) была найдена финно-угорская бронзовая шумящая подвеска XI–XIII вв. Изделие представляет собой цельную основу усеченной конической формы около 2 см в диаметре по нижнему основанию, к которому на 8-видном звене крепятся три привески также конической формы и диаметром около 1 см по нижнему основанию. То есть находку можно отнести к конусовидным (или объемным) шумящим подвескам с привесками. Аналогичные изделия были широко распространены у финно-угорского населения (в X–XI вв.) и несколько позднее (в XII–XIII вв.) появляются у славянского населения северных окраин Руси. Подобные подвески являлись частью исключительно женского костюма и имели, вероятно, магическое значение. Л. А. Голубева даже

говорит об этнически определяющем характере этих украшений для весского населения [1, с. 34].

Данная находка, несомненно, связана с памятником Погостище V, который представляет собой средневековый могильник и располагается на террасе, несколько выше места стоянки Погостище 15.

Первые захоронения здесь были обнаружены в середине XX в. В 1955–1956 гг. А. Я. Брюсовым на территории деревни Погостище были заложены две траншеи (параллельно стене дома, в подвале которого местным жителем на глубине около 1 м были обнаружены два человеческих черепа): работы на первой траншее результатов не дали, однако во второй было обнаружено погребение. Костяк, находившийся в вытянутом положении и ориентированный головой на восток, имел плохую сохранность и сопровождался украшениями, позволяющими идентифицировать погребение как женское. На костяке, в области груди и ниже, найдено большое количество различных украшений, преимущественно бус и подвесок [2, с. 83]. Среди сопровождающего инвентаря были находки, аналогичные подвеске с памятника Погостище 15, а именно четыре конические подвески с привесками также конической формы, крепящимися к основанию 8-видным звеном [2, с. 82]. На основании присутствующих в погребении обломка бронзовой решетчатой подвески и массивной бронзовой подвески-уточки А. Я. Брюсов идентифицирует это погребение как финское и датирует его XI в.

Далее исследования были продолжены в 1960 г. Н. В. Тухтиной обнаружены два женских погребения, оба вытянутые, с ориентировкой на восток и юго-запад, в инвентаре появляются проволочные височные кольца. Во втором погребении были обнаружены две плоские подвески-уточка и плоская подвеска-конек. Также на площадке могильника найдены бронзовая подковообразная фибула и коническая шумящая подвеска [3, с. 145].

В 1978 г. Н. А. Макаровым на данной территории заложен еще один раскоп к северу от раскопа Н. В. Тухтиной. Были выявлены две потревоженные могильные ямы. Костяк из первого погребения также находился в вытянутом положении и ориентировкой на юго-восток. Среди инвентаря найдены проволочные височные кольца, стеклянные и каменные бусы, а также железная гривна. Второе погребение – без костяка, инвентарь представлен перержавевшим предметом и тремя топорами [3, с. 146]. Первое погребение можно датировать концом X – первой половиной XI в. (в частности, по характерному набору бус, среди которых продольно-полосатые лимонки, которые встречаются не позже середины XI в., и

бочонковидные золотостеклянные, появляющиеся с конца X в.) [4, с. 218]. Однако в захоронениях, исследованных Макаровым, не было найдено изделий подобных нашей конусовидной подвеске.

Одной из характерных черт всех исследованных женских погребений Погостища V является наличие топоров. Такая деталь имеет параллели в погребальной практике финно-угров Поволжья и Прикамья. Это (а также другие материалы, например, реконструкция обряда захоронения или одежды захороненной из первого погребения, исследованного в 1978 г.: несшитая юбка, бетели которой крепились на груди, родом из Скандинавии и хорошо знакомая западно-финским народам [4, с. 218]) может свидетельствовать о проникновении прибалтийско-финской культуры в этом районе [4, с. 215]. Также этот район не был изолирован от древнерусских земель, связи с которыми также расширялись (об этом говорит, например, появление круглых образков с изображением святого воина). В целом широкие связи с другими культурами закономерны для этой местности, так как место расположения комплекса памятников Погостище являлось достаточно выгодным для поселения, представляя собой узел водных торговых путей (с выходом к Балтике, Белому морю и Кубенскому озеру). Что предполагает широкие торговые и культурные связи местного населения с соседями.

Происхождение украшений такого типа, как наша подвеска, Н. А. Макаров связывает с Вычегодско-Камским краем. Хотя отдельные экземпляры происходят из Новгорода и Приладожья, они, зачастую, имеют более позднюю датировку, например для Костромского Поволжья, Бассейна Ваги и средней Сухоны это XII–XIII вв. [3, с. 77].

Аналогии данным вещам распространены достаточно широко и имеют различные вариации деталей оформления и орнаментации нижнего края конуса и привесок. Идентичные подвеске с Погостища находки нередки для могильников восточного Прионежья, в частности Нефедьево IA и IB, Белоозера [5, с. 176] и др. Одна коническая подвеска происходит из слоя XII–начала XIII в. с памятника Менино 1.

На территории памятника Погостище 15 подвеска, вероятно, могла оказаться вследствие утери местным населением, либо попала сюда в результате переотложения слоя с террасы в процессе антропогенной деятельности.

Таким образом, могильный комплекс Погостища V можно в целом датировать концом X – первой половиной XI вв. и идентифицировать как финно-угорское. В таком случае подвеска, найденная на Погостище 15, по

происхождению также будет связана с финно-угорским населением, частично начавшим культурную ассимиляцию с северно-русскими соседями.

Список литературы

1. Голубева Л. А. Весь и славяне на Белом озере. X–XIII вв. Москва: Наука, 1973. 213 с.
2. Брюсов А. Я. Финское погребение X–XI вв. в дер. Погостище Кирилловского района Вологодской области // Краткие сообщения Института археологии. Москва: Наука, 1969. № 120. С. 81–83.
3. Макаров Н. А. Население русского Севера в XI–XIII вв. По материалам могильников восточного Прионежья. Москва: Наука, 1990. 216 с.
4. Макаров Н. А. Раскопки средневекового могильника Погостище в Вологодской области // Советская археология. Москва: Наука, 1983. № 3. С. 215–219.
5. Археология севернорусской деревни X–XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере: в 3 томах / отв. ред. Макаров Н. А. Москва: Наука, 2007. Т. 2. 365 с.
6. Захаров С. Д. Древнерусский город Белоозеро. Москва: Индрик, 2004. 592 с.
7. Макаров Н. А., Захаров С. Д., Бужилова А. П. Средневековое расселение на Белом озере / ИА РАН. Москва: Языки русской культуры, 2001. 495 с.

ОБЩЕСТВО И ВЛАСТЬ МОНГОЛОВ СОГЛАСНО ВЕЛИКОЙ ЯСЕ

Кутукова Е. Ю.

Московский педагогический государственный университет

(г. Москва, Россия)

E-mail: kutu.check@yandex.ru

SOCIETY AND GOVERNANCE OF THE MONOLS ACCORDING TO THE GREAT YAS

Kutukova E. U.

Moscow Pedagogical State University

(Moscow, Russia)

E-mail: kutu.check@yandex.ru

Аннотация. Монгольская империя – кочевое объединение, оказавшее колоссальное демографическое, экономическое и идеологическое влияние на жителей всего Евразийского континента. Для объяснения поведения монголов начала XIII века и их завоевательной политики необходимо обратиться к главному регулятору общественных отношений в степи. Великая Яса – основной закон монголов не только периода правления Чингисхана, но и времени существования осколков его государства. Историография, касающаяся проблемного вопроса крайне скудна, всецело не отвечает на интересующие нас вопросы: каким представлено общество монголов начала XIII века? что закон говорит о власти и ее структуре? можем ли мы говорить о государстве? Поставленные в ходе исследования вопросы, позволят взглянуть на жизнь, как принято считать, «варваров-кочевников», с точки зрения упорядочивающего их отношения акта с применением источниковедческого анализа.

Ключевые слова: Великая Яса, монголы XIII века, регулятор общественных отношений, общество и власть, государство.

Abstract. The Mongol Empire is the unification of nomadic tribes that has had a enormous demographic, economic and ideological impact on the inhabitants of the entire Eurasian continent. To explain the behavior of the Mongols at the beginning of the XIII century and their policy of conquest, it is necessary to turn to the main regulator of social relations in the steppe. The Great Yasa is the basic law of the Mongols not only during the reign of Genghis Khan, but also during the existence of the vestiges of his state. The historiography concerning the problematic issue is extremely scarce, does not fully answer the questions that interest us: how is the society of the Mongols represented at the beginning of the XIII century? what does the law say about authorities and its structure? can we talk about the state? The questions posed in the course of the study will make it possible to look at the life of, as is commonly believed, “barbarian nomads”, from the point of view of an act ordering their relations.

Keywords: Great Yasa, Mongols of the XIII century, regulator of social relations, society and governance, state.

Монгольская империя, как принято ее называть – самое могущественное объединение номадов из всех, когда-либо существовавших. Именно она, а, как следствие, и ее осколки, оказали широчайшее демографическое, экономическое, политическое и идейное влияние на жителей всего евразийского континента. Об осколках было упомянуто не случайно. В них, как и в империи Чингисхана, был единый стержень общественной организации, регулирующий жизнь кочевников. Речь идет о Великой Ясе.

Монголы периода Чингисхана – крайне спорная и неоднозначная общность и структура. Ее изучение возможно лишь с привлечением разнообразной и многочисленной источниковой базы. Ситуация осложняется тем, что в период прихода к власти династии Мин монгольские источники (и без того малочисленные, введу первоначальной тотальной безграмотности кочевников) целенаправленно уничтожались. Так, мы имеем возможность исследовать лишь упоминания персидских, арабских, китайских и т. д. историков и писателей. Основным законодательным актом монголов начала XIII века была Великая Яса, дошедшая до нас в списках: Рашид ад-Дин Фазлуллаха ибн Абу-ль-Хайр Али Хамадани, Ала ад-дин Ата Малик ибн Мухаммед Джувейни, Таки ад-Дин Абуль-Аббас Ахмад ибн Али аль-Маркизи, Григория Абу-ль-Фарадж бин Харун.

В последнее время интерес к монголам повысился. Монгольская империя оказала прямое влияние на Золотую Орду, которая стала ее правопреемницей, Золотая Орда, в свою очередь, на Русь (можно отыскать отголоски монгольских традиций в отечественной правовой и государственной системах). Но, к сожалению, Великую Ясу не рассматривали с точки зрения описания общественно-политической структуры. Историография – как российская, так и зарубежная – крайне скудна. О Великой Ясе в целом писали, буквально, десяток ученых, многие из которых монгольские и китайские, что значительно осложняет изучение результатов их исследований. Выдающимся исследователем Великой Ясы являются Бичурин Н. И., Рязановский В. А., но лишь в работах Г. В. Вернадского впервые был приведен правовой анализ статей Ясы, дана их классификация. В историографии ведется спор как о природе, так и о виде закона. По мнению Рачневского П., Великая Яса не является законодательным актом, изданным единолично и единовременно. По заверениям исследователя, это обнародованные в разные годы указы Чингисхана, собранные в единый документ уже после его смерти. Историк

утверждает, что статьи отражают опыт государственной организации, но не дает их анализа [1, р. 123–126]. И. де Рахельвиц, внесший большой вклад в исследование Великой Ясы, пришел к выводу, что Великая Яса или «их засаг» состояла из частей, отражавших общественно-бытовую жизнь и правила военной организации, также не указывая на форму государственного устройства [3, с. 86]. Форму Ясы как письменного законодательного акта освещает историк П. Попов, в этом ему вторит современный исследователь Скрынникова Т. Д., в свою очередь, полностью отрицающая государственную организацию в общности монголов периода Чингисхана [2, с. 43–44]. Таким образом, несмотря на попытки, хоть и немногочисленные, описание общества и власти не было обнаружено.

В отечественной историографии и в представлении нашего общества, монголы – это дикие варвары-кочевники. Это необъяснимая сила, неорганизованные полчища, беспорядочно терзавшие Евразию. Они пришли из ниоткуда (а порой, из самого ада) и ушли в никуда. Но чтобы понять следствие, необходимо изучить истоки, а именно, Ясу Чингисхана, переложенную на общество кочевников ее времени. Цель данной работы – охарактеризовать и определить форму общественного устройства монголов начала XIII в.

Предлагаю перейти к рассматриваемому вопросу. Важно обосновать, что данный документ отражает политику именно XIII века. Закон, как я убеждена, созданный и выпущенный Чингисханом, был обязателен к выучиванию, но, вероятно, этого не произошло. Монгольская культура – устная, в том числе и законы передаются аналогичным путем.

Так какую же систему жизни общества устанавливает данный акт? Великая Яса является записью обычного права (отражено общество, пронизанное традициями: святость воды и огня, ритуал разделывания животного) [4, с. 274], законом чести монгола. Ее статьи содержат черты характера, за которые предусмотрена смерть: трусость, лживость, склонность к прелюбодеянию [4, с. 274, 279]. В повседневной мирной жизни кочевое общество не различает возраста, знатности и пола, отсутствовал и обычай возвеличивания, присущий средневековым обществам [4, с. 270]. Всех должно называть по имени, лишь только к обладателю стола добавляют «хан» или «каан», да и только «когда пишут обращения в письмах <...> разницы между султаном и простолюдином не делают» [4, с. 266, 273].

Одно из самых любопытных положений, во многом определяющее политику описываемого общества, говорит следующее: свобода и равное

уважение ко всем религиям, веротерпимость. Государственная религия отсутствует, но это не значит, что нет верований (поклонение культам, религиям, Великому Синему Небу) [4, с. 266, 275].

Упоминается налоговая система. Есть казна, средства идут на содержание хана, торговых путей, яма. Устанавливается максимальный процент сбора, описаны категории населения, имеющие право не платить налоги (лекари, ученые, погребатели, служители культа) [4, с. 269]. Так, мы можем понять, кто занимал главенствующие позиции в обществе и особо ценился по мнению Чингисхана.

В собственной трактовке Джувейни говорит о «войсках» вне войны, фактически указывает на социальную дифференциацию. Войско 1 – ратное. Воюющее население, в мирное время содержащее лично хана (элита). Войско 2 – «крестьяне». Обеспечивает казну посредством копчура (налога/дани/оброка), аваризы (дополнительных сборов), берет на себя расходы послов, содержат ямы (почтовые тракты), заготавливает корма для животных. Во время вооруженных вторжений, обе категории мобилизуется. [4, с. 269] Г. Лэмб в статье 9 говорит и о третьей категории населения – рабах. «Ни один подданный империи не может иметь монгола в качестве раба» [4, с. 279]. Определить этнический состав и функции этой категории на основании данных источника невозможно.

Регулируется система наследования и семейных отношений. Брак между родственниками 1-й и 2-й степени запрещен, все рожденные дети законны. Что касается имущества, то присутствует частная собственность на движимое имущество. После смерти владельца, оно переходит к старшему сыну, а если такового нет, то отдается «ученику либо холопу» [4, с. 271]. Забрать имущество в казну невозможно.

Необходимо осветить упоминания власти. «За попытку уклониться от наказания под предлогом знатности <...> смерть». Появляется противоречие: с одной стороны, права всех уравниваются перед законом, но в чем же тогда проявляется знатность? Можно предположить, что знатность – чин (место, занимаемое в административной системе), но статья разделяет эти понятия. Тогда знатность – принадлежность к роду предводителя народа, вошедшего в состав Енке Монгол улс. Это может свидетельствовать и о приближенности к хану, личную преданность ему, доказанную и поощренную.

Лишь одна статья говорит о верховном хане, здесь тоже есть противоречия. Она вводит запрет на провозглашение ханом кого-либо, если он не был предварительно избран знатью на общем совете [4, с. 278].

Возникает целый ряд вопросов: по какому принципу созывался совет? каков его численный состав? кто мог избираться? Можем сказать, что избираться имели право только представители рода Чингисхана, а совет лишь высказывал свое доверие одному из кандидатов. Несмотря на то, что данная статья исключает узурпаторство, захват власти, свет на самого великого хана и его деятельность она не проливает.

Перед нами предстает следующая картина. Здесь мы можем говорить о государстве. Власть легализована, отделена от общества. Мы наблюдаем развитие административной системы в виде жалования улуса аристократии, расширение полномочий отдельных органов и лиц, можем говорить, что власть была соединена с системой военной организации (десятичная система, монополия хана на назначение и смену должностных лиц), что явилось особенностью кочевников того времени. Население единое, хоть можно говорить о его полиэтничности, численность была внушительной для Средневековья.

Нельзя не согласиться с Владимирцовым, усматривающим феодальный строй у монголов периода Чингисхана. Безусловно то, что они не знали феодализма в Европейском его понимании, главным здесь является основа классовой дифференциации: в Европе – частная собственность, у монголов – отношение к власти и военному управлению. Можем смело заявить, что они создали уникальную политическую организацию кочевнического толка, которую можно назвать государством, но номадским. Стоит оговориться, что более детальное ее рассмотрение возможно лишь с привлечением прочих источников права монголов, но, как было упомянуто в начале работы, выбор Ясы как основы, был не случайным.

По результатам проведенного анализа была создана схема общества монголов начала XIII в. (рисунок 1):

Рисунок 1. Схема общества монголов начала XIII в.

Список источников и литературы

1. Ratchnevsky P. Die Yasa (Jasag) Chinggis Khans und ihre Problematik Sprache // Schrifter zur Geschichte und Kultur des alten Oriens 5. Geschichte und Kultur der Altaischen Volker. Berlin: Akademie-Verlag. 1974. 487 p.
2. Скрынникова Т. Д. Харизма и власть в эпоху Чингисхана, Москва: Восточная литература, 1997, 384 с.
3. Дугарова С. Ж. Историография монгольского государства и права (XIII – начала XIX в.): монография. Улан-Удэ: изд-во Бурятского государственного ун-та, 2016. 332 с.
4. Чингисхан. Сокровенное сказание монголов. Великая Яса / пер. А. В. Мелехина, Г. Б. Ярославцева, В. Ф. Минорского, Г. В. Вернадского. Москва: Эксмо, 2021. 448 с.

ОСОБЕННОСТИ ФРАНЦУЗСКИХ ПРОЕКТОВ ОСВОЕНИЯ ВОЛЖСКОГО ТРАНЗИТНОГО МАРШРУТА В 1680-Х ГГ.

Манин Д. О.

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
(г. Екатеринбург, Россия)

E-mail: daniil-manin@mail.ru

THE FEATURES OF THE FRENCH PROJECTS FOR THE DEVELOPMENT OF THE VOLGA TRANSIT ROUTE IN THE 1680-S.

Manin D. O.

Ural Federal University after the first President of Russia B. N. Yeltsin
(Ekaterinburg, Russia)

E-mail: daniil-manin@mail.ru

Аннотация. В представленной работе рассмотрены французские предприятия по использованию транзитного маршрута по Волге в 1680-х гг., а также реакции на них руководства Посольского приказа. Актуальность теме придают происходящие качественные изменения в социальных аспектах современной российской экономики, необходимость поиска новых межгосударственных и межрегиональных проектов развития в связи с переформатированием экономических отношений со странами Европы. Целью исследования является реконструкция французских проектов и их восприятия в России. Для ее достижения использованы методологические особенности акторно-сетевой теории, позволяющие включить основных акторов исследования в единую социальную сеть, сформированную вокруг вопроса волжского транзита. Впервые сделаны выводы об особенностях французских представлений о рассматриваемом регионе, о специфике французских способов передвижения по территории России, а также о возможностях франко-русского политического и экономического сотрудничества в 1680-х гг. в контексте единой социальной сети.

Ключевые слова: Волжский путь, русско-французские отношения, кольбертизм, кн. В. В. Голицын, Посольский приказ.

Abstract. The presented work considers French attempts to use the transit route along the Volga River in the 1680s, as well as the reactions to them of the administration of the Ambassador's Prikaz. The relevance of the topic is given by the ongoing qualitative changes in the social aspects of the modern Russian economy, the necessity to search for new interstate and interregional development projects in connection with the reformatting of economic relations with European countries. The study aims to reconstruct French projects and their perception in Russia. To achieve this, the methodological achievements of Actor-Network theory are used, allowing the main actors of the study to be included in a single social network formed around the issue of the Volga transit. For the first time conclusions are made about the features of French perceptions of the region in question, about the specifics of French ways of travel through

Russia, as well as about the possibilities of Franco-Russian political and economic cooperation in the 1680s in the context of a unified social network.

Keywords: The Volga Route, Russian-French relations, Colbertism, prince V. V. Golitsyn, Ambassador's Prikaz.

Одной из наиболее ярких особенностей европейского раннего Нового времени стало расширение географических представлений об отдаленных регионах. Определенный интерес к России (в тогдашней традиции Московии) существовал с рубежа XV–XVI вв. и продолжал развиваться на протяжении всего Нового времени. Этот интерес среди западноевропейских стран продолжал существовать и приводил к развитию проектов экономического освоения восточноевропейских пространств [см. 1, с. 11–18]. Особое значение среди этих проектов имели ориентированные на поиск путей в богатые регионы Ост-Индии, Китая и, в меньшей степени, Персии. Для последней значение имел Волжский путь, активно развивавшийся в XVII в. благодаря торговле в Астрахани. Проблема транзитного маршрута по Волге изучалась отечественными исследователями на протяжении всего XX в. [см. 2], из современных работ стоит выделить труды Р. Г. Асташкина и Б. Н. Флори [см. 1; 3]. Тем не менее, французское восприятие перспектив транзитного маршрута по Волге часто остается вне исследовательского внимания либо рассматривается вне глубокого французского или русского контекста и тех социальных сетей раннего Нового времени, которые позволяли проектам развиваться.

Во Франции наличие Волжского пути было наиболее известно благодаря работе А. Олеария [4, с. 420–470], но появлялись и новые работы, например описание Ж.-Б. Тавернье путешествия через Россию середины 1660-х гг. в Персию по Волжскому пути. К актуализации темы освоения Волжского пути привела политика Ж.-Б. Кольбера в 1663–1669 гг., особенно такие его шаги, как создание Северной и Ост-Индской французских компаний [5, с. 159; 164–166]. В контексте политики Ж.-Б. Кольбера был подготовлен проект франко-русского торгового договора 1668 г. во время посольства П. И. Потемкина [3, с. 211].

Несмотря на отказ от глобальных русско-французских проектов в 1670-х гг. идеи использования вопроса о транзитном пути по Волге в политических и экономических целях продолжили активное развитие в 1680-х гг.

Вероятно, вопрос был инициирован русской стороной. Так, для посольства П. И. Потемкина и С. Волкова в 1680–1681 гг. в Испанию, Францию и Англию было подготовлено два наказа. Первый из них по

вопросу о транзитном пути в Персию предписывал отмечать невозможность путешествия, так как путь туда долог (1–2 года), проходит через узкие горные проходы, где живут разные народы, «и живучи, чинят всякие розбои». Опасным описывался и путь по Каспийскому морю, так как «торговых людей на том море те ж воровские люди выходят из гор по тому ж разбивают и грабят» [6, л. 11–12].

Однако уже во время отъезда послов им через почту был послан второй наказ, предписывавший объявить во Франции «торговых его людей с товарами их чрез Российской государство в персическое пропускать с такою повольностью...», чтобы французские торговые люди ходили «от Ярославля водяным путем рекою Волгою до царств Казанского и Астраханского с вольным наймом водяным путем судов, а сухим путем – подвод» [6, л. 16–17]. Таким образом, посольство П. И. Потемкина должно было предложить открыть для Франции свободный транзитный путь. В случае успешных торговых переговоров и готовности французской стороны заключить торговый договор, послам предписывалось связаться с Посольским приказом через почту и ждать царской резолюции [6, л. 19]. Сложно предположить с чем было связано изменение наказа, возможно, оно стало следствием перехода руководства Посольского приказа в декабре 1680 г. от Л. Иванова к В. С. Волынскому [7, с. 135]. Впрочем, согласно дальнейшему допросу П. И. Потемкина в Посольском приказе, новый наказ им не был получен и на переговоры не повлиял [6, л. 93].

Проведенные переговоры с министром иностранных дел Франции Ш. Кольбером де Круасси не убедили того в возможности заключения торгового договора, министр считал, что русская сторона таким образом стремится лишь временно заручиться французской поддержкой на переговорах с Речью Посполитой и Швецией [8, с. 400]. Причиной неудачи переговоров новый глава Посольского приказа, кн. В. В. Голицын, считал отсутствие на этих переговорах вопроса о транзите в Персию, что стало одной из причин устроенного для П. И. Потемкина допроса [6, л. 74]. Тем не менее, произошла активизация деятельности социальных акторов по расширению сети, и во Франции была предпринята единственная за вторую половину XVII в. попытка подготовить ответное посольство в Россию, причем, оно не состоялось из-за стрелецкого восстания 1682 г. [9, с. 348–349].

Параллельно с государственной развивалась и частная инициатива французов. Так, с просьбой предоставить ему разрешение на проведение

экспедиции к кн. В. В. Голицыну в 1685 г. обратился проживавший в Немецкой слободе граф Ф. де Комменж. Для организации экспедиции граф попросил разрешение нанимать подводы, разрешение на закупку 40 ведер вина для личных нужд и само право проезда в Персию, позже он также получил разрешение вывезти в Персию одного помощника-иностранца [10, л. 7–9]. Несмотря на то, что экспедиция не состоялась из-за болезни графа Ф. де Комменжа, необходимо отметить открытость кн. В. В. Голицына для подобного проекта, предоставившего французскому графу все запрашиваемые им права. Сходную экспедицию в 1689 г. предпринял вернувшийся в Россию Ж.-Б. Тавернье, однако она также не увенчалась успехом из-за гибели инициатора в Москве в 1689 г. [9, с. 582].

Косвенно проблема транзитного пути по Волге затрагивается в работах французских путешественников по России. Так французский иезуит Ф. Авриль., направленный для поиска маршрута в Китай, в январе 1685 г. в османском городе Диярбакыре объединился с армянскими купцами и через Персию и Каспийское море добрался до Астрахани. Оттуда Ф. Аврилю удалось добраться до Москвы, но в январе-феврале 1687 г. он был отослан кн. В. В. Голицыным во Францию из-за отсутствия верительной грамоты французского короля. Так французский иезуит прошел весь маршрут от Каспийского моря до Москвы и описал его в своей работе, изданной в 1693 г. в Париже [11, с. 473–481] и включенной в сложившуюся сеть социальных отношений вокруг транзитного вопроса.

Другим французским путешественником, затронувшим проблему маршрута по Волге, стал Ф. де ла Невилль. Французский дипломат прибыл в Россию в 1689 г. в составе польского посольства. На протяжении своего пребывания в России де ла Невилль пытался получить аудиенцию у кн. В. В. Голицына, а также собирал материал о географии отдаленных регионов России. В связи с этим дипломату повезло лично познакомиться с кн. Б. А. Голицыным, А. А. Матвеевым, а также с Н. Спафарием, от которых он получил многочисленные сведения. Тем не менее, путешествие по Волге им описано достаточно кратко, отмечено что 30–40 дней занимает речное путешествие по течению, а 3–4 месяца путешествие вверх по Волге в зимнее время на санях [4, с. 523–527], в отличие от Ф. Авриля французскому дипломату не удалось получить русских карт, что привело к менее подробным сведениям, впрочем, нашедшим популярность [9, с. 342].

Таким образом, можно отметить, что в 1680-х гг. интерес к транзитной торговле с Персией через Россию продолжает существовать среди

французов. В период регентства царевны Софьи Алексеевны растет число французских путешественников в Поволжье, однако политического сближения не происходит. При этом участником каждой сети контактов, формируемой вокруг транзитного вопроса, становится кн. В. В. Голицын, что вновь подтверждает его заинтересованность в разработке вопроса. Также важно подчеркнуть, что французы не сталкиваются с проблемами из-за ложных географических представлений о Поволжье, что может говорить об эффективности французских сетей получения информации (включавших сведения жителей России, армянских купцов, изданные европейские географические работы и др.).

Список источников и литературы

1. Асташкин Р. С. Россия и торговая экспансия европейцев на Восток: вторая половина XVI–XVII вв.: специальность 07.00.02 «Отечественная история»: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Самарский гос. ун-т. Самара, 2007. 260 с.
2. Любименко И. И. История торговых отношений России с Англией. Юрьев: Типография К. Маттисена, 1912. Вып. 1. 192 с.
3. Флоря Б. Н. Внешнеполитическая программа А. Л. Ордина-Нащокина и попытки ее осуществления. Москва: Индрик, 2013. 448 с.
4. Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев / под ред. Ю. А. Лимонова. Ленинград: Лениздат, 1986. 543 с.
5. Малов В. Н. Ж.-Б. Кольбер. Абсолютистская бюрократия и французское общество. Москва: Наука, 1991. 167 с.
6. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 93. Оп. 1. 1681 Д. 1.
7. Лисейцев Д. В., Рогожин Н. М., Эскин Ю. М. Приказы Московского государства XVI–XVII вв.: Словарь-справочник. Москва; Санкт-Петербург: Институт российской истории РАН; Российский государственный архив древних актов; Центр гуманитарных инициатив, 2015. 303 с.
8. Сборник русского имп. исторического общества / под ред. А. А. Половцова. Санкт-Петербург: Типография Имп. Академии Наук, 1881. Т. 34. 563 с.
9. Иностранные специалисты в России в эпоху Петра Великого. Биографический словарь выходцев из Франции, Валлонии, франкоязычных Швейцарии и Савойи: 1682–1727 / под ред. В. С. Ржеутского. Москва: Ломоносов, 2019. 800 с.
10. РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1685 Д. 1.
11. Пирлинг П. Французский иезуит в Москве в XVII столетии // Русская старина. Т. 111. 1902. С. 473–483.

**ИСТОРИЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
КОСТРОМСКОГО НАУЧНОГО ОБЩЕСТВА ПО ИЗУЧЕНИЮ
МЕСТНОГО КРАЯ (1912–1929)**

Остапенко В. А.

Костромской государственный университет
(г. Кострома, Россия)
E-mail: valentlnaos@yandex.ru

**THE HISTORY OF ANTHROPOLOGICAL RESEARCH OF THE
KOSTROMA SOCIETY FOR THE STUDY OF THE LOCAL REGION
(1912–1929)**

Ostapenko V. A.

Kostroma State University
(Kostroma, Russia)
E-mail: valentlnaos@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются основные направления работы антрополого-этнографической станции Костромского научного общества по изучению местного края (КНО) в 1912–1929 гг.: изучение населения Костромской губернии, результаты антропологических исследований, вопросы этнологии края. Особое внимание уделяется обзору научных исследований по антропологии Костромского края в период работы КНО, а также результатам исследований второй половины XIX века. Для работ каждого из периодов представлена общая характеристика, содержащая особенности изучения антропологического материала населения Костромской губернии. Кроме того, в статье отмечается роль Василия Ивановича Смирнова, который стал одним из организаторов антропологических исследований, проводимых на территории региона. В рамках исследования используются материалы отчетов научного общества, сборники трудов, краеведческая литература.

Ключевые слова: Костромской край, антропология, археология, этнология, Костромское общество по изучению местного края, В. И. Смирнов.

Abstract. The article considers the main directions of work of anthropological and ethnographic station of the Kostroma Society for the Study of the Local Region (KSS) in 1912–1929: the study of the population of the Kostroma province, the results of anthropological research, and questions of the ethnology of the region. Special attention is paid to the review of scientific research on the anthropology of the Kostroma Region during the period of the work of the KSS, and also research the second half of the XIX century. For the works of each of the periods, a general characteristic is presented, containing the peculiarities of studying the anthropological material of the population of the Kostroma province. In addition, the article notes the role of V.I. Smirnov, who became one of the organizers of anthropological research

conducted in the region. The research uses materials of reports of the scientific society, collections of works.

Keywords: Kostroma Region, anthropology, archeology, ethnology, Kostroma Society for the Study of the Local Region, V.I. Smirnov.

Первые шаги к изучению физического строения населения Костромского края имеют более чем столетнюю давность. История антропологических исследований начинается с заметок и разного рода сведений о населении Костромской губернии в 1850–1860 гг. Позднее появляется ряд антропометрических исследований, авторами которых выступают известные ученые Д. Н. Анучин, профессор Н. Ю. Зограф и др. Труды ученых содержат ряд сведений о росте мужского населения призывного возраста Костромской губернии, антропометрические данные крестьянского населения Владимирской, Ярославской, а также Костромской губерний [1].

В целом для работ данного периода можно выделить следующие черты:

1) для изучения населения использовались данные мужского населения, а именно сведения о призывных к исполнению воинской повинности;

2) в качестве основных источников использовались призывные книги, а также личные наблюдения;

3) основными критериями для измерений были рост, размер груди, длина и цвет волос, зубы.

Дальнейшие антропологические исследования связаны с развитием археологии на территории Костромского края. В 1882 г. Общество естествознания при Казанском университете направило в Костромской уезд на раскопки курганов С. Дмитриева и Н. М. Бекаревича [2, с. 10]. Результаты раскопок курганов послужили материалом для изучения древнего населения. Так, например, измерения курганных черепов Костромской губернии (Костромского и Нерехтского уездов) послужили основами работ Н. П. Константинова-Шипучина «К краниологии древнего населения Костромской губернии» 1897 г., М. Н. Хомякова «Этнологическая история Поволжья по новейшим литературным данным» 1911 г., а некоторые образцы волос из курганов, расположенных в Костромском уезде были рассмотрены П. А. Минаковым в его работе «О цвете и форме волос из курганов Средней России» 1890 г. [1].

В 1913 году организация археологических исследований становится прерогативой Костромского научного общества по изучению местного края

(КНО), фактическим организатором которого стал Василий Иванович Смирнов [2, с. 17–18]. По итогам работы КНО стали издавать отчеты, в которых содержались основные результаты работ, выполненных членами научного общества. В общей сложности за 1914–1930 гг. научное общество издало 74 сборника статей, 25 из них – отделениями и филиалами в уездах, а подавляющее большинство научных трудов увидело свет в 1920-х годах [3]. Примечательно, что в ранних отчетах имелись конспекты докладов членов КНО по разной тематике (приложения), в том числе по антропологии.

В отчете о деятельности Костромского научного общества по изучению местного края за 1913 год имеются две работы, посвященные населению губернии [4]. Это конспекты докладов А. А. Языкова и В. И. Смирнова. В конспекте доклада А. А. Языкова «Население Костромского уезда» содержится общее описание социальных групп, проживающих на территории уезда, численность, состав уезда, приводятся данные переписи, миграционные движения [4, с. 52–54]. В кратком конспекте доклада В. И. Смирнова «Каменный век и курганная эпоха в Костромской губернии» ставится вопрос о том, «кому принадлежит курганная культура» [4, с. 74–79]. Разобраться в этой проблеме, как считал автор, может «антропологическое изучение курганного населения» [4, с. 74–79].

В 1920 году в XVI выпуске трудов Костромского научного общества по изучению местного края была опубликована работа Б. Н. Вишневого «Антропологические заметки о Костромской губернии» [5]. В ней приведены результаты работ Е. М. Чепурковского, а также результаты измерений населения губернии, выполненные совместно со студентами Костромского университета, в том числе сделан ряд выводов о населении курганного периода [5, с. 69–78].

В 1922 году научным обществом была образована антрополого-этнографическая станция (позднее этнологическая станция под руководством В. И. Смирнова), одной из задач которой было изучение физических признаков населения Костромского края [6]. Первоначально антропологическую станцию возглавлял Е. М. Чепурковский. За первый год работы станции было произведено 500 измерений населения, была составлена карта распределения типов Костромской губернии по уездам [6, с. 13–14]. В этом же году была опубликована статья руководителя станции Е. М. Чепурковского «Материалы для антропологии населения Костромской губернии» в третьем естественно-историческом сборнике [7]. Исследователь представил данные о головном показателе, определил типы населения, рассмотрел причину различий типов (автор предполагает, что главная

причина различий – славянская колонизация), выделил три области с конкретными формами головы в Костромской губернии: приволжская с длинноголовым населением, северо-восточная с наиболее широкоголовым населением, переходная, также представил таблицу головного показателя населения губернии [7, с. 89–93].

Дальнейшая работа станции в антропологическом плане постепенно ухудшалась. В отчетах за 1923–1926 гг. содержится мало информации о результатах проведенных работ [8; 9; 10; 11]. Отмечены работы временных сотрудников станции, сбор карточек, составление таблиц, участие в экспедициях. В 1925–1927 гг. крупные исследования на берегах рек Ветлуга и Унжа проводила комплексная антропологическая экспедиция под руководством Б. С. Жукова, организованная Музеем антропологии при Московском Государственном Университете [10; 11]. В отчете о деятельности этнологической станции за 1927 год указаны работы антрополога Т. В. Самойловой, которая измерила 500 лиц мужского пола и собрала образцы волос 400 человек [12]. Результаты работ Т. В. Самойловой содержатся в XL выпуске КНО «Материалы по антропологии Костромского края» [13, С. 3–34]. В этом же выпуске имеется работа М. М. Гагаевой–Вишневецкой о Тоншаевских черемисах (по измерениям П. В. Зорина) [13, С. 35–54]. В отчете за 1928 г. вовсе не зафиксированы результаты антропологических исследований [14].

В 1924 году в XXXIII выпуске трудов КНО был опубликован доклад В. И. Смирнова «Из вопросов и фактов этнологии Костромского края» [15]. Рассматривая историю Костромского края, В. И. Смирнов останавливался на вопросе племенного состава населения. Здесь он обращался к антропологическим исследованиям ученых (Н. П. Константинова-Шипучина, А. С. Уварова и др.), которые изучали курганный материал. В докладе представлена общая характеристика местных антропологических типов (*приволжский тип, тип лесного населения, смешанный тип*) по росту (по данным Д. Н. Анучина, Н. Ю. Зографа, Н. И. Воробьева), по измерениям головы (по данным Е. М. Чепурковского), по цвету волос и окраске глаз (по данным Н. Ю. Зографа) [15, с. 134–161].

Впервые на базе КНО выпускается ряд библиографических материалов, посвященных различным темам, в том числе по антропологии. «Материалы по библиографии Костромского края» (выпуск II от 1925 г.) были подготовлены В. И. Смирновым и Н. Умновым [1]. Там указывается список научных работ по антропологии Костромского края, начиная с самых ранних с 1850 г., заканчивая работами за 1924 г.

Для антропологических исследований, проводимых в период деятельности Костромского научного общества по изучению местного края за 1912–1929 гг., можно выделить следующие черты:

1. Выявление причин низкорослости и цветности населения Костромской губернии, различий форм головы в уездах, состава древнего курганного населения, его происхождение.

2. Обширная источниковедческая база: данные мужского населения призывного возраста (солдаты, уроженцы Костромской губернии), крестьянское население (мужчины и женщины от 19 до 38 лет), древние черепа, обнаруженные во время археологических работ участниками Костромской ученой архивной комиссии и КНО, данные музейных коллекций Санкт–Петербурга, Москвы, Казани.

3. Основными критериями для изучения были рост населения по уездам, цвет глаз и волос, размер и форма головы.

4. Обработка и представление материала в виде таблиц, диаграмм, карт, соотношение данных с другими губерниями, привлечение этнографо–лингвистических данных.

5. Привлечение студентов Костромского университета для обработки материала, участие в экспедициях.

6. Накопление библиографического материала, выпуски статей, докладов, различных заметок в отчетах и отдельных научных трудах.

Деятельность научного общества в рамках антрополого–этнографической станции по сравнению с работами конца XIX века была более результативна. Об этом можно судить по расширившейся источниковедческой базе, использованию и привлечению различных ресурсов, инструментариев, включению в работу сотрудников, а также большому количеству научно–исследовательских работ, написанных за период работы общества. О значимости изучения физического строения человека впервые подробно и обстоятельно говорили члены КНО.

Однако в 1929 г. деятельность КНО прекращается во всех направлениях в связи с повсеместным разгромом краеведения. Краеведение, особенно его историко–культурное направление, стало обвиняться в пропаганде буржуазных идей [3]. Издательская и музейная работа, археологические раскопки, публичные выступления, привлечение студентов считались вредительством против советской общественности. Заведующего этнологической станции и руководителя научного общества В. И. Смирнова в 1931 г. высылают в Архангельск, где он работает в Северном

геологическом тресте до своей кончины в октябре 1940 г. [2, с. 20]. С разгромом КНО на длительное время прекращается любая научная деятельность в Костромском крае, в том числе на длительный период заканчивается проведение антропологических исследований.

Список источников и литературы

1. Смирнов В. И., Умнов Н. Н. Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Выпуск XXXV // Материалы по библиографии Костромского края. Выпуск II. 1. Антропология. 2. Этнография. Кострома: 1-я губтипография «Красный печатник». 1925. 54 с.

2. Археология Костромского края / под ред. А. Е. Леонтьева. Кострома: ГНПЦ по сохранению, реставрации и использованию ист.-культур. наследия Костром. обл., 1997. 276 с.

3. Флейман Е. А., Шипилов А. Д. Костромское научное общество по изучению местного края (1912–1930) // Вестник КГУ. 2014. № 1.

4. Отчет о деятельности Костромского научного общества по изучению местного края за 1913 год (Год II) / Костромское научное общество по изучению местного края. Кострома, 1914. 76 с.

5. Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Выпуск XVI. Второй естественно-исторический сборник. Кострома: Типография «Северный рабочий», 1920. 101 с.

6. Отчет о деятельности Костромского научного общества по изучению местного края за 1922 год. (Год XI) / Костромское научное общество по изучению местного края. Кострома, 1923. 31 с.

7. Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Выпуск XXVII. Третий естественно-исторический сборник. Кострома: 2-я гос. типо-литография, 1922. 108 с.

8. Отчет о деятельности Костромского научного общества по изучению местного края за 1923 год. (Год XII) / Костромское научное общество по изучению местного края. Кострома, 1924. 32 с.

9. Отчет о деятельности Костромского научного общества по изучению местного края за 1924 год. (Год XIII) / Костромское научное общество по изучению местного края. Кострома, 1925. 42 с.

10. Отчет о деятельности Костромского научного общества по изучению местного края за 1925 год. (Год XIV) / Костромское научное общество по изучению местного края. Кострома, 1926. 50 с.

11. Отчет о деятельности Костромского научного общества по изучению местного края за 1926 год. (Год XV) / Костромское научное общество по изучению местного края. Кострома, 1927. 33 с.

12. Отчет о деятельности Костромского научного общества по изучению местного края. За 1927 год. (Год XVI) / Костромское научное общество по изучению местного края. Кострома, 1928. 47 с.

13. Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Выпуск XL. Материалы по антропологии Костромского края. Кострома; гос. типо-литография Полиграфтреста, 1927. 54 с.

14. Отчет о деятельности Костромского научного общества по изучению местного края. За 1928 год. (Год XVII) / Костромское научное общество по изучению местного края. Кострома, 1929. 37 с.

15. Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Выпуск XXXIII. Костромской край в докладах 1-й Костромской губернской конференции по изучению производительных сил края. Кострома: 1-я Губтипография «Красный печатник», 1924. 184 с.

ДЕМОКРАТИЯ ВЕЩЕЙ: УТОПИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Пузанов Д. В.

Удмуртский институт истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН
(г. Ижевск, Россия)

E-mail: lpdmor@gmail.com

THE DEMOCRACY OF THINGS: UTOPIAN PROJECTS OF ENVIRONMENTAL HISTORY

Puzanov D.V.

Udmurt Institute of History, Language and Literature of the UdmFRC UB RAS
(Izhevsk, Russia)

E-mail: lpdmor@gmail.com

Аннотация. В работе анализируются утопические проекты двух разных экологических историков: Р. Нэша и К. Мерчант. Отмечается, что проект Р. Нэша сильно зависит от интереса исследователя к «дикой местности» в ареально-географическом значении. Поэтому взгляд на будущее Р. Нэша сужает эколого-футуристическую перспективу до проблемы предоставления прав «дикому ландшафту». Многие возможные проблемы при этом исследователь упускает из виду. К. Мерчант имеет более профессиональную философскую подготовку и ее взгляд на желаемое будущее сложнее и реалистичнее. На базе сравнения двух утопических проектов делается вывод, согласно которому эколого-исторические исследования имеют социальную значимость преимущественно в виду схожей с антропологией способностью открывать альтернативные современному миру, этим расширяя и переосмысливая наши экологические понятия. Эта работа важна сама по себе, несмотря на то, что она не всегда позволяет предложить удачные конкретные практические шаги.

Ключевые слова: экологическая история, утопия, Р. Нэш, К. Мерчант, онтологический поворот.

Abstract. The paper analyzes the utopian projects of two different environmental historians: R. Nash and K. Merchant. It is noted that R. Nash's project strongly depends on the researcher's interest in the "wilderness" in the areal-geographical meaning. Because of this, R. Nash's view of the future narrows the ecological-futuristic perspective to the "wild landscape" rights problem. At the same time, the researcher ignores many possible problems. K. Merchant has a more professional philosophical training, and her view of the desired future is more complicated and realistic. Based on a comparison of two utopian projects, it is concluded that environment historical studies have social significance mainly in view of the ability similar to anthropology to discover the modern world alternatives, thereby expanding and rethinking our ecological concepts. This work is important in itself, despite the fact that it does not always allow us to propose successful concrete practical steps.

Keywords: Environmental history, utopia, R. Nash, K. Merchant, ontological turn.

«Экологическая история» своим формированием обязана не только логике внутреннего развития академических дисциплин, но и влиянию природоохранных общественных движений [1, с. 39]. Изначальная политизация описанной дисциплины нередко делает ее представителей участниками актуальных экологических дебатов. Иногда в рамках своих исторических исследований авторы направления даже предлагают относительно продуманные образы нашего будущего. Насколько при этом удачным оказывается совмещение исторических компетенций с ролью футуролога? Чтобы ответить на данный вопрос, рассмотрим две работы ярких представителей разных направлений экологической истории – Р. Ф. Нэша и К. Мерчант.

Р. Ф. Нэш – видный представитель экологической истории, эмерит Калифорнийского университета в Санта-Барбаре [2]. Его монография «Дикая местность и американское сознание», впервые вышедшая в 1967 г. [3, р. XVII], считается одним из важнейших текстов по экологической истории. Утопический проект появляется в пятом переиздании этой работы в качестве эпилога [3, р. 379–385].

К. Мерчант – профессор экологической истории, философии и этики в Калифорнийском университете в Беркли [4, р. 577]. Наиболее показательное сочетание продуманного утопического проекта с добротным экоисторическим исследованием встречается в ее труде «Открывая заново Эдем: судьба природы в западной культуре» [5]. Большая часть работы посвящена анализу конструкта возвращения в Эдем, формирование которого рассматривается начиная с его истоков в месопотамских, библейских и древнегреческих мифологемах и вплоть до современных интерпретаций.

Исследование Р. Ф. Нэша посвящено изучению представлений американцев о дикой местности, от их европейской «континентальной» предыстории и вплоть до современности. Немаловажным для всего исследования и помещенной в его конце утопии является то, как Р. Ф. Нэш определяет «дикую местность».

Р. Ф. Нэш видит два возможных определения «дикой местности». Первое предполагает, что дикой местностью является все, что считается таковой. Второе определяет дикую местность как один из полюсов спектра. Чем меньше влияние человека и цивилизации на ту или иную среду, тем она ближе к «дикой местности» в чистом виде. Таким образом, «дикая местность» оказывается противоположностью цивилизации. Именно к этому определению тяготеет Р. Ф. Нэш [3, р. 5–7].

Внимание Р. Ф. Нэша к дикой природе в ее ареально-географическом значении накладывает определенные ограничения. Если природу или среду обитания можно помыслить не только как противоположность социальному, но и как определенный продукт отношений человека и мира, бессмысленный вне культуры, то дихотомия дикое/прирученное предполагает непреодолимый дуализм. Исследование именно этого аспекта предопределило те рецепты, которые предлагает Р. Ф. Нэш.

По мнению исследователя, этика должна распространиться не только на всех людей, но и на другие виды и природу в целом. Человечество должно сильно сократиться численно и поселиться на изолированных друг от друга высокотехнологичных и самодостаточных островах. При этом между островами не будет наземных коммуникаций. Человеку, решившему покинуть цивилизацию, придется принимать правила игры «дикой местности».

Интересно, что главные препятствия для своего проекта Р. Ф. Нэш видит в росте численности населения и в стремлении человечества к территориальной экспансии, хотя у «островной цивилизации» может быть гораздо больше подводных камней. Р. Ф. Нэш исходит из абсолютной нейтральности технологий [3, р. 382]. Но о степени зависимости технологий от социальных отношений в науке существуют разные мнения [6, р. 208].

Даже если представить себе, что высокие технологии могут развиваться в тех узких рамках, которые отводит для них Р. Ф. Нэш, распад глобального мира, существование в рамках относительно маленьких изолированных сообществ неизбежно должны привести к непредсказуемым изменениям социального и морального характера. Непонятно и то, что будет поддерживать единое уважение к правам «природы» всех «островов». Наконец, осуществление утопии Р. Ф. Нэша создало бы ряд нравственных проблем. Так, пришлось бы уничтожить многие этнические формы взаимодействия с миром. Кроме того, Р. Ф. Нэш, хоть и заявляет о своей заботе о правах разных существ, фактически подменяет субъектность множества объектов окружающего мира субъектностью одной абстрактной «дикой местности». Для экосистем, привыкших к существованию рядом с человеком, это также означает вымирание.

Взгляд на наше экологическое будущее К. Мерчант кардинально отличается в своих философских основаниях. В отличие от Р. Ф. Нэша, К. Мерчант отрицает дуализм природы и культуры, солидаризируясь с мнением философов, считающих что дикая природа существует повсюду, в том числе и в непосредственной близости к человеку [5, р. 216]. К. Мерчант

согласна с тем, что места, относительно свободные от влияния человека, нужно сохранять. Исследовательница считает необходимым признавать акторность природы, ее право быть хаотичной и поддаваться контролю и управлению в строго ограниченных сферах [5, p. 213].

Сам по себе труд «Открывая заново Эдем» направлен на критический разбор метанарратива «Возвращения в Эдем», предполагающего, что потерянный экологический рай необходимо восстановить путем покорения хаотичной природы (как у прогрессивистов), управления ею во благо самой природы либо через возрождение потерянной «невинности» природы, уменьшение роли человечества вплоть до его самоликвидации [5, p. 3–4]. Вместо этого К. Мерчант предлагает этику партнерства, которая предполагает, что у природы и человека есть общие интересы [5, p. 11].

Образ практической реализации данной этики близок к идее «парламента вещей» акторно-сетевой теории. Люди, социальные институты, представители нечеловеческого мира (последние, обычно, – это специалисты в той или иной области) должны собираться за столом переговоров, чтобы выявить общие интересы и прийти к консенсусу. Конфликтные ситуации должны разрешаться демократическим путем, то есть каждый раз надо решать, что важнее в каждом конкретном случае, человеческий комфорт, интересы культурного меньшинства или агентов «естественного» мира [5, p. 220–225]. Прообраз таких переговоров К. Мерчант видит в современных ситуациях, когда осуществление того или иного экономического проекта бизнес производит после консенсуальных соглашений с гражданским сообществом и экологами [5, p. 221].

Несмотря на то, что исследовательница признает бизнес полноправным участником переговоров, сам по себе капитализм, социальное неравенство, частную собственность (в отличие от индивидуальной и общественной), традиционные культурные различия между потенциальными переговорщиками К. Мерчант рассматривает как препятствие партнерской этике [5, p. 226].

Подводя итоги, можно сказать, что обе рассмотренные альтернативы нашего будущего не представляют собой хорошо продуманные проекты. Но такую претензию было бы странно выставлять предложениям, содержащимся в рамках монографий, для которых данная задача второстепенна. При этом утопии К. Мерчант и Р. Ф. Нэша имеют жанровые различия. К. Мерчант сосредоточилась не на бессмысленной прорисовке деталей желаемого мира, а на возведении общих принципов, которые помогут привести к нему. В этом отношении проект реалистичнее предложений Р. Ф. Нэша. Кроме того,

К. Мерчант имеет более профессиональную философскую подготовку. В то же время труд исследовательницы сосредоточен скорее на ценностных ориентирах, чем на практике.

Наверное, это не так и плохо. Близость экологической истории к естествознанию иногда порождает надежду на то, что данная дисциплина сможет сделать историю более научной в позитивистском плане или раскроет строгие закономерности. Но работа экоиории с продуктами субъективной человеческой деятельности, ее зависимость от положенных в основу повествования идеологических схем позволяет сомневаться в подобных амбициях. С другой стороны, сложно спорить с тем фактом, что экологическая история расширяет наши представления о возможных формах и способах контактов человека со средой его обитания, позволяет усомниться в адекватности современных экологических догм. В этом отношении экологическая история, как и некоторые направления экологической антропологии, может стать вдохновителем нового мироустройства, просто изменив наше сознание. Причем историкам для этого не надо что-либо предпринимать сверх своей традиционной работы. Попробовать себя в качестве футуролога в современное кризисное время тоже никто не может никому запретить. Но чтобы такой проект стал востребован, одних компетенций историка, кажется недостаточно. Даже если речь идет о такой принципиально междисциплинарной отрасли, как экологическая история.

Список источников и литературы

1. МакНилл Д. Р. О природе и культуре экологической истории // Человек и природа: экологическая история. Санкт-Петербург: Алетей, 2008. С. 23–83.
2. Roderick F. Nash. URL: <https://es.ucsb.edu/roderick-f-nash> (дата обращения: 27.04.2022).
3. Nash R. F. Wilderness and the American Mind. New Haven; London: Yale University Press, 2014. XXII, 409 p.
4. Merchant C. Ecological Revolutions (1989) // American Political Thought. Chatham (New Jersey): Chatham House Publishers, 1996. P. 577–590.
5. Merchant C. Reinventing Eden. The Fate of Nature in Western Culture. New York; London: Routledge, 2003. XI, 320 p.
6. Hornborg A. Machines as Manifestations of Global Systems: Steps Toward a Sociometabolic Ontology of Technology // Anthropological Theory. 2021. Vol. 21 (2). P. 206–227.

**ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ МОСТОВ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПОДВОДНЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ В ОЗЕРЕ ЛЕДНИЦКОМ)**

Соколов А. Ю.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(г. Великий Новгород, Россия)
E-mail: sanchelo2508@gmail.com

**HISTORY OF THE STUDY OF MEDIEVAL BRIDGES
(BY THE MATERIALS OF UNDERWATER ARCHAEOLOGICAL
RESEARCH IN LAKE LEDNICA)**

Sokolov A. Y.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
(Veliky Novgorod, Russia)
E-mail: sanchelo2508@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена истории археологического изучения средневековых мостов озера Ледницкого (Польша). Подводные археологические исследования в озере начались в 1959 году, но систематическими они стали, с перерывами в некоторые сезоны, с 1982 года и продолжают до сих пор. Но, несмотря на это, отдельных обобщающих работ, посвященных истории изучения данного вопроса на протяжении всего периода исследований, нет. Большинство трудов рассматривают какие-то отдельные проблемы – проблемы реконструкции мостов, их сохранения, методологические особенности работ, описание материалов раскопов и многое другое. В данной статье будут выделены и кратко рассмотрены основные этапы работ, а также определена методика и ее особенности каждого из этапов, обобщены основные выводы, полученные при изучении археологических памятников.

Ключевые слова: Польша, озеро Ледницкое, средневековые мосты, подводная археология, история изучения, Г. Вилке, А. Кола, А. Пыдын.

Abstract. The article is devoted to the history of the archaeological study of medieval bridges of Lake Lednitsky (Poland). Underwater archaeological research in the lake began in 1959, but they have become systematic, with breaks in some seasons, since 1982 and continue to this day. But, despite this, there are no generalizing works devoted to the history of studying this issue throughout the entire period of research. Most of the works consider some individual problems - the problems of the reconstruction of bridges, their preservation, methodological features of the work, the description of excavation materials and much more. In this article, the main stages of the work will be highlighted and briefly considered, as well as the methodology and its features of each of these stages are defined, the main conclusions obtained during the study of archaeological monuments are summarized.

Keywords: Poland, lake Lednica, medieval bridges, underwater archeology, history of study, G. Wilke, A. Kola, A. Pydyn.

Мосты являются сложными техническими сооружениями, при этом их функциональное значение может быть широко: они могли выполнять транспортные, военные, социально-экономические, духовно-религиозные и эстетические функции. В Средние века, как и сейчас, мосты создавались в первую очередь для преодоления искусственных или естественных преград и являлись частью коммуникационной системы. Их военные функции часто сводились к фортификационным. Стоит отметить, что средневековые мосты представляли собой сложные инженерно-технические сооружения, которые также могли быть и выдающимися архитектурными сооружениями, демонстрировавшими искусство тогдашних мастеров. Сам процесс их строительства сложен и требует особых усилий и затрат, исходя из этого, можно сказать, что, изучив их конструкции и строительную технику, можно понять каков был примерный технологический уровень общества той эпохи.

Тема изучения средневековых мостов, в частности, актуальна для Великого Новгорода, где с 2005 года под руководством А. В. Степанова изучаются остатки «Великого моста». В данных исследованиях можно использовать опыт зарубежных коллег по изучению мостов. В частности, можно предположить, что могут быть полезны некоторые методические аспекты, выработанные польскими археологами во время изысканий в озере Ледницком.

За время исследований накопилось большое количество материалов, посвященных изучению средневековых мостов озера Ледницкого. Но, несмотря на это, отдельных обобщающих работ, посвященных историографии данного вопроса, нет.

Исследования средневековых мостовых начались в 1959 году и продолжаются до сих пор (2021 год на момент написания). Археологические работы ведутся в Польше, в озере Ледницком – в районе островов Ледницкий и Ледничка.

Первые упоминания о существовавших когда-то мостах в озере Ледницком относятся к XIX веку. Деревянные сваи, лежащие на дне Ледницкого озера, около острова Ледницкого, издавна были известны местным рыбакам. Во время рыбалки они избегали этих мест, потому что рвали свои сети о выступающие из дна сваи [1, s. 19].

Эти свидетельства решили проверить археологи. Исследования начались по инициативе Е. Ломницкого. Первый этап (1959–1962 годы) являлся предварительным. Первые три сезона представляли собой

разведывательные подводные работы, в ходе которых фиксировались видимые на дне остатки. Важнейшим итогом этих работ стало выявление остатков моста в районе острова Ледницкого (западный мост получил название «Познаньский», восточный – «Гнезненский») [2, р. 453], а также была показана перспектива для дальнейших исследований. Восточный мост на этом этапе больше не изучался. Но была установлена его длина – 187 метров.

В сезоне 1962 года были произведены наземные раскопки устоя «Познаньского» моста. В результате этих работ была выяснена стратиграфия, найдены остатки древней дороги, которая вела от моста к городу (благодаря чему была уточнена длина моста – 438 метров) [3, р. 115–152].

Методически подводные исследования выглядели следующим образом. Работы по документированию начались с разметки основной линии исследования на одном из участков моста. Все исследования велись относительно оси, проложенной вдоль фрагмента моста по участкам, ограниченными размером сетки (2 x 3 м). Все чертежные работы охватывали лишь один край моста в Познани. При этом все работы выполняли дайверы-любители, что сказалось на качестве полученной информации [1, s. 20–25]. После выявления остатков и выполнения чертежных работ была выполнена первая реконструкция «Познаньского» моста [4, s. 14–16]. Но будущие исследования показали, что выводы о конструкции и измерительных параметрах моста не имели должных оснований.

Таким образом, можно сказать, что данный этап исследований являлся предварительным. Но, несмотря на все это, были сделаны важные выводы и показана перспективность дальнейших исследований.

После длительного перерыва подводные исследования в районе озера Ледницкого были возобновлены в 1982 году. Эти исследования возглавляли Г. Вилке и А. Кола. Стоит также отметить, что команда исследователей уже имела некоторый опыт работы по изучению раннесредневековых мостов [5, р. 9].

Этот этап длился с 1982 по 2017 год с перерывами в некоторые сезоны. Он носил систематический характер исследования «Гнезненского» и «Познаньского» мостов. В задачу первых сезонов входила подводная разведка для определения сохранности остатков мостов, кроме того, археологи отмечают, что было необходимо познакомиться с условиями под водой для того, чтобы выработать методику исследований [1, s. 21; 4, s. 15]. В дальнейшем производились раскопки отдельных участков.

К 2000 году исследования «Гнезненского» моста были в основном закончены, а результаты работ были опубликованы в двух монографиях [1; 6]. За годы изучения восточного моста было подведено несколько важных

итогах. Были подтверждены выводы предыдущего этапа работ о длине моста; в результате дендрохронологического анализа была установлена дата постройки и уничтожения моста, выделены несколько строительных периодов, удалось установить, что мост играл важнейшую роль в системе коммуникаций. Обнаруженные под водой конструктивные остатки моста позволили произвести его реконструкцию.

Мост возводился на двух рядах опор. Сваи вбивались в дно, а затем пучки из трех-пяти свай объединялись в опоры. Эти пучки свай уже над уровнем воды соединялись между собой сначала поперечными балками (насадками), которые имели специальные отверстия на концах. Так образовывался один столп пересечения. Затем на поперечных балках размещались продольные балки (прогоны), которые также соединяли опоры, и в результате формировались пролеты моста и его несущая конструкция. Последний элемент состоял из поперечных досок, которые составляли проезжую часть. При этом собранные данные не позволяют подтвердить наличие продольных перильных ограждений на мосту [3, р. 451].

Стоит также сказать, что в будущем археологи планируют осуществить полноразмерную реконструкцию «Гнезненского» моста [7, р. 47].

К дальнейшим исследованиям моста в Познань приступили в 1986 году – в основном это были разведки. С сезона 1988 года исследования представляли собой чертежно-описательные работы и при этом, в зависимости от характера донных отложений, допускалось проникновение в слой [4, с. 20]. В 1993–1998 годах исследования были приостановлены. Возобновились они в 1999 году в связи с юбилеем тысячелетия Гнезненского съезда, приходящегося на 2000 год. Начиная с сезона 1999, работы велись каждый год.

В 2014 году вышел в свет второй том проекта, посвященный мостам озера Ледницкого [4].

В 2015–2017 годах происходит смена поколения археологов, которое проводит исследования. На смену Г. Вилке и А. Коле приходит новая команда археологов в лице А. Пыдына, М. Попека и К. Радки.

Почти за 40-летний срок изучения моста в Познани исследователям удалось полностью восстановить его историю, функции, важнейшее место в системе коммуникаций и опровергнуть первую реконструкцию, сделанную еще в 1960-х годах. Его конструкция в целом не отличалась от моста в Гнезно.

Методика исследований вырабатывалась в течение 80-х годов 20 века, окончательно сформировавшись примерно к 2000 году, и включает в себя следующие характеристики:

1) использование специальных сеток из стальных труб и выгородки для проведения под водой измерительных и чертежных работ;

2) использование гидроэжектора для откачки грунта с исследуемого участка и плавучей платформы для водолазов;

3) использование пробоотборника;

4) создание и внедрение компьютерных планов;

5) использование различных естественно-научных методов и привлечение специалистов из этих сфер;

6) применение металлоискателя;

7) все работы выполнялись профессиональными археологами и студентами университета Николая Коперника в Торуни [1, s. 27–30; 4, s. 20; 8, s. 85–87]. Но стоит отметить, что применяемая методика требовала довольно значительного времени и большого количества кадровых ресурсов, так как работы велись на довольно больших площадях.

В 2017 году открывается новый этап работ. Он был связан с проектом «Колыбель Пястов – Археологические подводные изыскания в районе озера Ледницкого». Главная цель проекта – обнаружение подводного археологического наследия в озере Ледницком при помощи неинвазивных (неразрушающих) методов.

Выполняя работы в рамках проекта, археологам удалось обнаружить мостовую переправу на остров Ледничка (переправ было две – X века и рубежа XIII/XIV веков, но сами исследователи пишут в единственном числе).

Исследования велись в несколько этапов. Первый представлял из себя работу в архиве и анализ карт – был выполнен архивный запрос с целью выявить все известные памятники в районе озера, а также были проанализированы карты озера и ближайшей местности. В результате были выявлены районы с наибольшей вероятностью наличия подводных археологических объектов [9, p. 145].

На следующем этапе были проведены батиметрические исследования при помощи многолучевого эхолота. Координаты каждого выявленного объекта были зафиксированы при помощи GPS и отмечены буями. Эти объекты позже проверял водолаз – он осматривал область аномалии, обнаружив объект, извлекал его из ила или, если объект был слишком большим, только описывал, проводил измерения и делал его чертеж [10, p. 182–183].

Кроме того, применялся профилограф донных отложений. Он позволял искать потенциальные аномалии на глубине нескольких метров от поверхности дна. Для поиска объектов, обладающих магнитными свойствами, использовался цезиевый магнитометр [10, p. 185].

В результате были выявлены остатки третьего моста озера Ледницкого в районе острова Ледничка. При этом в ходе работ применялись современные технологии и дистанционные методы исследования.

Так за более чем 40-летний период археологам удалось полностью восстановить историю «Гнезненского» и «Познаньского» мостов, их функции, место в системе коммуникаций средневековой Польши, получить точные датировки функционирования этих мостов, выявить конструктивные особенности и представить их реконструкцию. Но в связи с недавним открытием третьего моста, ведущего на остров Ледничка, на данный момент его историю и значение полностью восстановить еще не удалось. Его изучение будет продолжаться и в будущем.

Список источников и литературы

1. Kola A., Wilke G. Mosty sprzed tysiąca lat. Archeologiczne badania podwodne przy rezydencji pierwszych Piastów na Ostrowie Lednickim. Toruń: WUMK, 2000. 102 s.
2. Pydyn A., Popek M. A third medieval bridge on Lake Lednica // Archeologicke rozhledy LXXII, 2020. P. 450–469.
3. Banaszak D., Tabaka A. Chronology and Stratigraphy of the Trench near the Abutment of the Western Bridge in the Suburbium (Examinations in the 1960s) // Studia Lednickie XIII, 2014. P. 115–152.
4. Kola A., Wilke G. Wczesnośredniowieczne mosty przy Ostrowie Lednickim. Tom II: Mosty traktu poznańskiego. Kraków: TAIWPN, 2014. 316 s.
5. Pydyn A. Gerard Wilke – one of the originators of underwater archaeology in Poland, a researcher of underwater heritage of Ostrów Lednicki // Studia Lednickie XIX, 2020. P. 9–11.
6. Kola A., Wilke G. Wczesnośredniowieczne mosty przy Ostrowie Lednickim. Tom I: Mosty traktatu gnieźnieńskiego. Toruń: Wydawnictwo Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2000. 215 s.
7. Wilke G. Remarks on outdoor reconstructions of primeval and medieval bridge crossings in Central Europe. Wooden bridges // Studia Lednickie XIX, 2020. P. 15–58.
8. Kola A., Wilke G. Sprawozdanie z archeologicznych badań podwodnych reliktyw wczesnośredniowiecznego mostu "poznańskiego" w Jeziorze Lednickim w latach 1986–1987 // Studia Lednickie I, 1989. S. 77–97.
9. Górecki J. Underwater research in Lake Lednica – new opening in 2017. Another bridge in Lake Lednica // Studia Lednickie XVI, 2017. P. 143–148.
10. Pydyn A., Hac B., Popek M. The use of acoustic and magnetic methods in the search for archaeological objects through the example of Lednica lake // Studia Lednickie XVIII, 2019. P. 179–193.

**БАПТИСТСКИЕ ОБЩИНЫ В ЛАТЫШСКИХ КОЛОНИЯХ
НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX В.**

Соколов П. А.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(г. Великий Новгород, Россия)
E-mail: SokolovPA1998@yandex.ru

**BAPTIST COMMUNITIES IN THE LATVIAN COLONIES OF THE
NOVGOROD PROVINCE IN THE SECOND HALF
OF THE 19TH – THE FIRST THIRD OF THE 20TH CENTURIES**

Sokolov P.A.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
(Veliky Novgorod, Russia)
E-mail: SokolovPA1998@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена организации и деятельности латышских баптистских общин в Новгородской губернии в периоды их становления и официального признания со стороны властей (1860–1900-е гг.), расцвета (1910-е – первая половина 1920-х гг.), упадка и постепенной ликвидации в рамках антирелигиозной политики государства (вторая половина 1920-х – начало 1930-х гг.). Латыши были первыми и долгое время единственными последователями баптистского течения на территории Новгородской земли. Постепенно переселяясь из Остзейского края Российской империи в Новгородскую губернию, латышские крестьяне начали распространять новое для России религиозное течение, открывая в своих колониях молитвенные дома и воскресные школы, объединяясь в более крупные общины, которые оказывали большое влияние на повседневную жизнь колонистов.

Ключевые слова: латышские колонии, Новгородская губерния, миграция, национальные меньшинства, баптизм.

Abstract. The article is devoted to the organization and activities of the Latvian Baptist communities in the Novgorod province during the periods of their formation and official recognition by the authorities (1860–1900s), flourishing (1910 – first half of the 1920s), decline and gradual liquidation within the framework of anti-religious policy of the state (second half of the 1920s – early 1930s). The Latvians were the first followers of the Baptist movement on the territory of the Novgorod province. Gradually moving from the Ostsee region of the Russian Empire to the Novgorod province, the Latvian peasants began to spread a new religious trend for Russia, opening prayer houses and Sunday schools in their colonies, uniting into larger communities that had a great influence on the daily life of the colonists.

Keywords: Latvian colonies, Novgorod province, migration, national minorities, Baptism.

Появление баптизма на территории Новгородской губернии в 60-е гг. XIX в. неразрывно связано с переселенческим движением латышей. Ввиду тяжелого социально-экономического положения крестьянства в Остзейском крае Российской империи, в котором большая часть земельных и лесных ресурсов принадлежала дворянам – прибалтийским немцам, а многие крестьяне-латыши являлись арендаторами, началось постепенное переселение латышей в различные губернии России, в том числе в Новгородскую. Среди колонистов были и представители баптизма, течения в протестантизме, которое декларировало принятие крещения и, соответственно, вступление в религиозную общину только в сознательном возрасте после испытательного срока. Этим оно резко противопоставлялось традиционным направлениям христианства. В 1863 г. была организована первая в Новгородской губернии латышская колония Деревя Крестецкого уезда, которая стала первым центром развития и распространения баптизма в регионе. Долгое время латыши являлись единственными представителями баптистского течения на новгородской земле.

В 1869 году в соседней с поселком Деревя колонии Любень Анной и Янисом Визули была основана первая латышская баптистская церковь. Вскоре баптистские общины открылись и в других поселениях латышей: 5 в Новгородском уезде (Новгородская, Нащинская, Кречновская, Николаевско-Берёзовская, Коломовская) и 3 в Крестецком (Бугровская, Любенская и Лажинско-Клобучинская) [1, с. 271]. В 1873 году Андрейс Каленбергс был рукоположен первым в Новгородской губернии баптистским пресвитером. В 1878 году в Николаевском, Дмитриевском и Берёзовском обществах латыши образовали общину баптистов, получившую название «Никольские дачи», при которой в 1894 г. была открыта воскресная школа [1, с. 273–274].

В целом политика властей в отношении баптистов была крайне непоследовательной. Впервые баптистские общины были признаны государством только в 1879 году «Маковским циркуляром», гласившим, что «общественное богослужение они [баптисты] отправляют в устроенных ими или отведенных ими для сего с разрешения губернатора домах» [1, с. 272]. До принятия циркуляра браки и рождение детей баптистов считались незаконными, многие гражданские права не признавались. Теперь же духовные наставники, избираемые баптистами, могли совершать обряды и произносить проповеди только с момента утверждения их в должности

губернатором, а регистрация рождений, браков и смертей баптистов должна была вестись только местными гражданскими властями [1, с. 272].

С принятием «циркуляра» губернскими властями стала официально фиксироваться численность новгородских баптистов, которая подвергалась резким колебаниям, но в целом наблюдалась тенденция к ее увеличению. Если в 1879 г. в Новгородской губернии официально было зафиксировано 107 баптистов [2, с. 54–55], то в 1889 г. – 636 [3, с. 7], 1897 г. – 745 [4, с. 74–99], 1915 г. – 1575 [5, с. 4]. Практически все баптисты проживали в Новгородском и Крестецком уездах, т. е. в местах скопления латышских колоний. По данным переписи населения 1897 г., последователи баптизма составили 11,4% от общего числа латышей Новгородской губернии [4, с. 70–73]. Со временем их доля заметно увеличилась.

В 1907 г. был официально зарегистрирован Союз латышских баптистских общин Новгородской губернии. Его созданию способствовал указ от 17 октября 1906 г., который официально разрешал сектантским общинам, внесенным в реестр, избирать духовных лиц и наставников, возводить молитвенные дома, богоугодные заведения и школы. Регистрацией общин занималось губернское правление [6]. Поэтому после 1906 г. многие латышские поселения уже имели свои баптистские молитвенные дома: Деревы, Любень, Дуброва, Вторые Нащи, Коломовка и другие. В то время как в 1888 г. в Новгородской губернии официально числилось только 2 деревянные баптистские молельни [7, с. 14].

В 1913 г. к 50-летию латышских общин баптистов в колонии Ермолино Новгородского уезда было открыто новое церковное здание. Община при храме, первоначально называвшаяся «Никольские дачи», вскоре получила новое название – «Табор» («Фавор») и стала одной из самых многочисленных [1, с. 274–275].

31 мая 1914 г. Новгородским губернским правлением была зарегистрирована латышская баптистская община Новгородского и Крестецкого уездов. В течение года в ее состав вошли все общины губернии. 24 ноября властями был утвержден духовный наставник общины – Ян Кристопов Янсон, мещанин из Либавы Курляндской губернии. Таким образом, на территории Новгородской губернии возникла единая баптистская организация [8].

После 1917 г. латышские баптистские общины на некоторое время получили возможность свободного развития. Это было связано с отделением церкви от государства и разрушением идеологической монополии Русской православной церкви. Тем не менее, власти Новгородской губернии считали

деятелей латышских баптистских общин выразителями интересов зажиточной части латышского населения, а их общины – «единственной легальной кулацкой организацией». Также баптисты представлялись как организаторы и руководители выступлений против мероприятий советской власти, обвинялись в отказе от службы в Красной армии и укрывательстве дезертиров [9].

В 1920 г. латышская баптистская община Новгородского и Крестецкого уездов получила новое название – «Община латышских баптистов Новгородской губернии» [10]. В это время в губернии официально насчитывалось 14 латышских баптистских приходов, в 7 из которых был свой молитвенный дом [11].

Центром баптистского движения в Новгородской губернии в 1920-е гг. стала латышская колония Вторые Наши. Партийное руководство Новгородской губернии характеризовало баптистскую общину колонии как одну из самых сильных по своему составу и передовую по организационной структуре. Крупнейшей по численности баптистской общиной в Новгородской губернии была община «Табор» (193 члена в 1927 г.), объединявшая латышей колоний Березова, Николаева, Ермолино и Дмитриевское общество Троицкой волости Новгородского уезда. Другими колониями, где были крупные общины баптистов, являлись Коломовка (в 1924 г. в ней была построена церковь), Второе Корпово (построена церковь) и Дуброво Новгородского уезда (церковное здание было не достроено), Любень Маловишерского уезда (имелся молитвенный дом), Бутры Крестецкой волости Валдайского уезда (молитвенный дом) [12].

До 1928 г. при Коломовской, Второй Нащинской и Березовской общинах баптистов существовали «Союзы молодежи», объединявшие актив общин. Для подготовки проповедников-миссионеров также организовывались курсы и школы. Курсанты обучались руководить хором, музыкальными кружками, а также осваивали некоторые ремесленные профессии. Ряд проповедников новгородских баптистских общин проходил обучение в баптистских учебных заведениях Москвы, Лондона и Риги [9].

В 1920-е гг. латышский союз баптистов Новгородской губернии с разрешения местных властей несколько раз проводил свои съезды, на которых обсуждалось положение баптизма в регионе, пока в августе 1926 г. не был ликвидирован. После этого новгородские баптисты вошли в организацию «Северный союз», центр которой размещался в Ленинграде, откуда в Новгородскую губернию приезжали некоторые проповедники [13, с. 186–187].

В латышских колониях Новгородского округа в 1928 г. действовали 23 баптистских культовых сооружения: 5 церквей и 18 молитвенных домов. Также богослужения проходили и вне их стен. В округе было 94 местных баптистских проповедников (108 с приезжими), которые обслуживали более 20 крупных латышских колоний с населением около 4400 человек [12]. В январе 1930 г. в Коломовке был закрыт молитвенный дом баптистов, вместо которого был открыт клуб. Аналогичная ситуация произошла в колониях Берёзова, Вторые Нащи и других. За контрреволюционную деятельность были осуждены и высланы некоторые латышские проповедники [9].

Таким образом, период с 1863 по 1906 г. характеризуется становлением, распространением и легализацией баптизма в Новгородской губернии, с 1907 по 1926 г. – время расцвета, структурирования и консолидации латышских баптистских общин. С 1926 г. в ходе систематизации и усиления антирелигиозной работы в латышских колониях происходит постепенная ликвидация баптистских структур, при этом численность латышей-баптистов имела тенденцию к увеличению, а уровень конфессионального самосознания среди колонистов оставался довольно высоким.

Список источников и литературы

1. Корабель А. И. Латышские переселенцы на Новгородской земле (XIX–XX вв.) // Новгородский исторический сборник, вып. 14 (24) / Великий Новгород, 2014. С. 261–282.

2. Памятная книжка Новгородской губернии (ПКНГ) на 1881 год. Новгород: Типография новгородского губернского правления, 1881. 88 с.

3. ПКНГ на 1891 год. Новгород: Типо-литография губернского правления, 1891. 108 с.

4. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под редакцией Н. А. Тройницкого. Санкт-Петербург: издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. Т. XXVI. Новгородская губерния. Тетрадь 2, 1903 г. 247 с.

5. Обзор Новгородской губернии за 1915 год. Новгород: Губернская типография, 1916. 161 с.

6. Именной высочайший указ, данный сенату о порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин и о правах и обязанностях входящих в состав общин последователей старообрядческих согласий и отделившихся от православия сектантов // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. XXVI. Ст. 28424.

7. ПКНГ на 1890 г. Новгород: Типо-литография губернского правления, 1890. 120 с.

8. Государственный архив Новгородской области (ГАНО). Ф 139. Оп. 1. Д. 449. Л. 1–2 об.
9. Государственный архив новейшей истории Новгородской области (ГАНИНО). Ф. 128. Оп. 1. Д. 665. Л. 44–48.
10. ГАНО. Ф. Р-268. Оп. 1. Д. 143. Л. 30.
11. ГАНИНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1309. Л. 6.
12. ГАНИНО. Ф. 128. Оп. 1. Д. 290. Л. 129–133 об.
13. Корабель А. И. *Via sacra. Святой путь*. СПб.: Палитра, 2013. 474 с.

**НОВЫЕ ДАННЫЕ О ДЕКОРЕ ПЕЧЕЙ В ПОСТРОЙКАХ
МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ ПО НАХОДКАМ 2010–2011 ГГ.
В ПОДКЛЕТЕ ГРАНОВИТОЙ ПАЛАТЫ**

Туганова Д. С.

Институт истории материальной культуры Российской академии наук
(г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: daniy.tuganova@mail.ru

**NEW DATA ABOUT THE DECORATION OF HEATING DEVICES FROM
BUILDINGS IN MOSCOW KREMLIN ACCORDING TO FINDINGS
OF 2010–2011, MADE IN BASEMENT OF THE FACETED CHAMBER**

Tuganova D. S.

Institute for the History of Material culture, Russian Academy of Sciences
(Saint Petersburg, Russia)
E-mail: daniy.tuganova@mail.ru

Аннотация. Цель данной статьи – ввод в научный оборот коллекции печных изразцов, собранных в результате работ на памятнике гражданской архитектуры позднего Средневековья Москвы. Проведение исследований Грановитой палаты, в силу особенностей месторасположения, является затруднительным, и поэтому данные результаты актуальны и, отчасти, уникальны. Применение типологического метода позволило выделить две группы изразцов: красные и муравленные, сравнительно-исторического – реконструировать мотивы отдельных элементов декоративного убранства печей. С помощью стратиграфического метода установлены хронологические рамки коллекции: конец XVI – 90-е гг. XVII в. Историко-системный метод позволил соединить данные археологии, характеристики самих изразцов, информацию письменных и изобразительных источников воедино и представить картину бытования разнотипных печей в постройках Кремля.

Ключевые слова: красные московские изразцы, муравленные изразцы, Грановитая палата, XV–XVII вв.

Abstract. The purpose of this article is to introduce into scientific circulation a collection of stove tiles collected in result of archaeological investigations on a monument of civil architecture in Moscow dating Late Middle Ages. Access to the Faceted Chamber, due to its location, is difficult and that's why these results are relevant and partly unique. The use of comparative historical and typological methods makes it possible to distinguish two groups of tiles: red or glazed, to reconstruct the motifs of individual elements of decoration of stoves. Using the stratigraphic method, the chronological frames of the collection looks like the end of 16-th to the end of 17-th century. The historical-systemic method made it possible to combine archeological data, characteristics of the tiles, information from written sources and pictural

sources together. All these allow us to imagine the existence of various types of stoves in the buildings of the Kremlin.

Keywords: red-clay, glazed stove tiles, Moscow Kremlin, Faceted chamber, 15–17th centuries.

Московский кремль в XVII в. представляет собой густонаселенный «город» с каменными и деревянными теремами, садами, церквями, государевыми учреждениями и службами. К 1680 г. на его территории насчитывается 26 дворовладений монастырей и подворий, 9 дворов и удельных владений великих князей, бояр и прочих служилых людей [1, с. 302–307.]. Дворец великого князя к концу века расширяется и неоднократно пристраивается после пожаров 1611 и 1626 гг. [2].

Грановитая палата – это единственный сохранившийся до наших дней элемент первоначального дворцового комплекса, задуманного Иваном III и формировавшегося на протяжении 1487–1508 гг. Строительство первого каменного здания дворца было закончено в 1491 г.: «...Того же лета Марко да Петр Антоней архитектон Фрязове свершиша большую полату великого князя на площади [3, с. 332]». Для празднования торжественных событий и проведения пиров в парадный зал палаты, перекрытый крестовыми сводами, опирающимися на центральный столб, посольские делегации и высокопоставленные гости попадали по Красному крыльцу через сени. В подклете палаты, имеющем четырехчастную планировку, располагалась печь системы гиппокауст, служившая для отопления верхнего парадного зала [4, с. 426, илл. 15, с. 430, илл. 22, 23; 5, с. 53–54; 6, с. 160–161].

В ходе археологических исследований 2010–2011 г. внутри здания и по его периметру [4] помимо прочих находок была собрана значительная коллекция изразцов (343 шт.), относящихся к разновременным печным наборам (подробнее о производстве, формате изразцов и времени распространения печных наборов мы уже писали [7]). Практически все они найдены при наблюдениях за устройством свайного основания нынешнего пола в северо-западной, северо-восточной и юго-восточной четвертях подклета палаты, под кирпичным полом «в елку», устроенным во время ремонта в 1682–1688 гг. каменных дел мастером Осипом Старцевым [6, с. 140] после крупного пожара 1682 г. [2]. Их появление внутри подклета также стоит связывать с грунтовыми подсыпками его помещений с целью повышения уровня полов, соответствующих регулярным работам по благоустройству Соборной площади.

По конструктивным особенностям крепления (румпы) к объему печи и декоративному оформлению лицевой пластины изразцы коллекции делятся на два типа: ранние красные московские широкорамочные изразцы с прямой коробчатой румпой конца XVI – начала XVII в., составляющие набор печи

готического типа [7, с. 266, илл. 1.1], и рельефные муравленные XVII в. с румпой, отступающей от края лицевой пластины (узкорамочные и безрамочные). Данные изразцы коллекции относятся к ренессансному типу печей [7, с. 266, илл. 1.9].

По нанесенному на пластину изображению красные изразцы возможно разделить на две группы: сюжетные и орнаментальные. Из изразцов с растительным орнаментом большая группа (стенные и поясные) несет изображения пальметт. В коллекции присутствуют стенные изразцы, построенные как на принципе осевой, так и четырехчастной симметрии композиции. Встречены поясные изразцы с растительным асимметричным орнаментом. Верхний край пояса имеет жгутовидный кант, покрытый косыми насечками, по нижнему же идет зубчатый орнамент.

Сюжетная группа соответствует классификации, опубликованной в 1986 г. Р. Л. Розенфельдом [8, с. 58–63]:

1. Батальные сцены представлены в коллекции двумя широкорамочными изразцами «большой руки»: один с изображением крепости, другой с сюжетом осады крепости. Встречен также фрагмент с изображением конских ног, его возможно отнести к этой сюжетной группе.

2. Изображения различных зверей и птиц. Группа представлена таким сюжетом, как «барсы у древа жизни» и его вариантами. К этой же сюжетной линии относится фрагмент стеного изразца с изображением льва.

3. Иную сюжетную линию образуют изразцы «большой и малой руки» с геральдическим двуглавым орлом в различных позах, с расправленными крыльями.

В коллекции есть встреченный впервые мотив: это широкорамочный изразец «малой руки» с расположенным в центре тонкой квадратной рамки изображением морского конька-гиппокампа (рисунок 1.1). Отдельный интерес представляет фрагмент изразца с изображением «гусляра» (рисунок 1.3). Подобный по сюжету изразец был найден при работах на Неревском раскопе в Великом Новгороде (рисунок 1.2) в слоях, стратиграфически датированных XII–XV вв., то есть временем до возникновения изразечного производства в Москве. Возможно, кремлевское изделие попало в Москву в качестве подарка (или трофея?) из Новгорода. Общеизвестно, что Великий Новгород вел активную торговлю с городами Ганзейского союза. Происходил не только обмен товарами, но и технологиями, приемами строительства. Заимствованные западноевропейские достижения в области архитектуры и декоративно-прикладного искусства нашли, например, отражение в постройках Владычного двора, в частности во Владычной палате 1433 г. постройки, система отопления которой аналогична используемой в Грановитой палате [9].

Перемычки представлены в коллекции 28-ю экземплярами в виде целых и фрагментированных. Все они относятся к коротким горизонтальным [8, с. 60], наиболее встречаемый узор – жгут. В коллекции присутствуют также изделия с изображением растительного орнамента, выполненного в трехжгутовой технике с весьма необычной вогнутой лицевой поверхностью (рисунки 1.4, 1.5).

Ко второму типу относятся муравленные изразцы, изготовленные из красной глины. Предварительно ангобированная поверхность лицевой пластины изразца покрыта прозрачной зеленой глазурью с большим содержанием свинца [10, с. 120].

Стеновые изразцы с ковровыми орнаментом составляют большую часть коллекции (67 фрагментов) (рисунки 2.1, 2.2, 2.3). Изразцы с изображением птицы представлены в количестве 43 единиц (целые и фрагментированные) (рисунок 2.4). Городки встречены в двух вариантах, оба с геометрическим орнаментом (рисунок 3.7). Узкорамочные поясовые изразцы с изображением всадников и животных (рисунки 3.3, 3.4), со стилизованным растительным и геометрическим орнаментом (рисунки 3.1, 3.5, 3.6), а также один безрамочный изразец с рельефным симметричным изображением двух геральдических львов присутствуют в коллекции в единичном экземпляре (рисунок 3.2). Отдельную группу составляют профильные (карнизные) поясовые изразцы. Наибольшее количество (21 фрагмент) – с растительным мотивом (рисунок 3.10), на 18-ти фрагментах изображена антропоморфная личина (рисунок 3.9). Смешанный геометрический и растительный орнамент представлен в двух видах (рисунки 3.8, 3.11).

Как уже отмечалось, эти изразцы входят в композиционный набор печи ренессансного типа. Особенностью конструкции такой печи является отсутствие угловых облицовочных швов. Угол формируется из стенового изразца и его половины, наращивается общая румпа (рисунок 3.1).

В печах, украшенных более ранними красными изразцами, углы оформляли обычными стеновыми, в этом случае для удобства стыковки стесывались румпы двух смежных изразцов [8, с. 59]. Поэтому особо интересен один экземпляр из коллекции, соединивший в себе две традиции: скошенную румпу и поливную лицевую поверхность (рисунок 1.6).

Ввод в научный оборот датированной коллекции декоративного убранства печей, бытовавших в постройках на территории Кремля до 1682 г., на наш взгляд, позволит исследователям изразцов других регионов провести аналогии с местным изразечным производством и наоборот, отследить западноевропейские влияния в становлении изразечного дела на Руси.

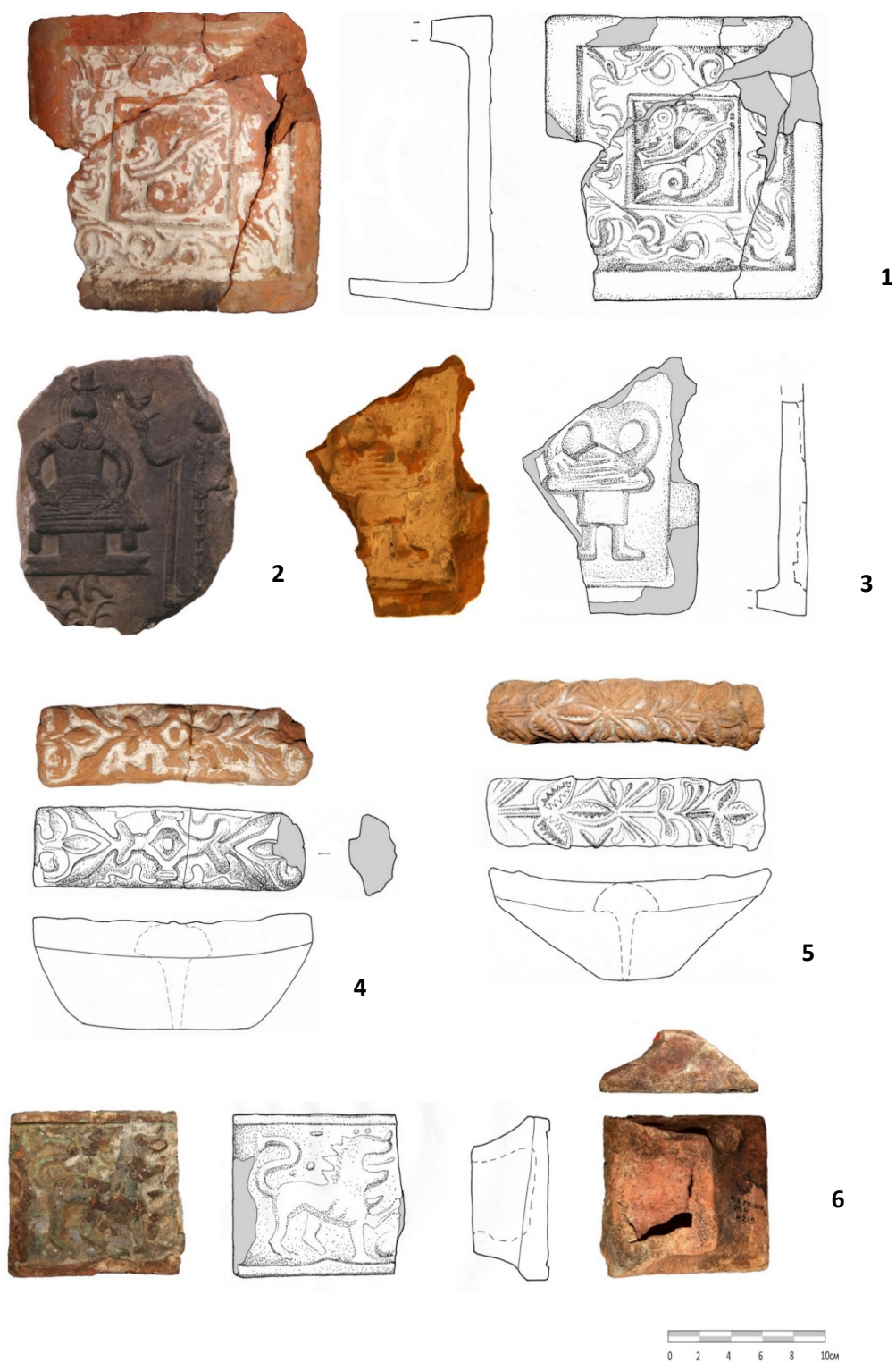

Рисунок 1. Изразцы из подклета Грановитой палаты: 1 – стеновой изразец с изображением морского конька-гиппокампа; 2 – фрагмент изразца из фондов НОМЗ [11. С. 31]; 3 – фрагмент стенового изразца с изображением гуся; 4, 5 – перемычки; 6 – муравленный узкорамочный угловой поясовый изразец

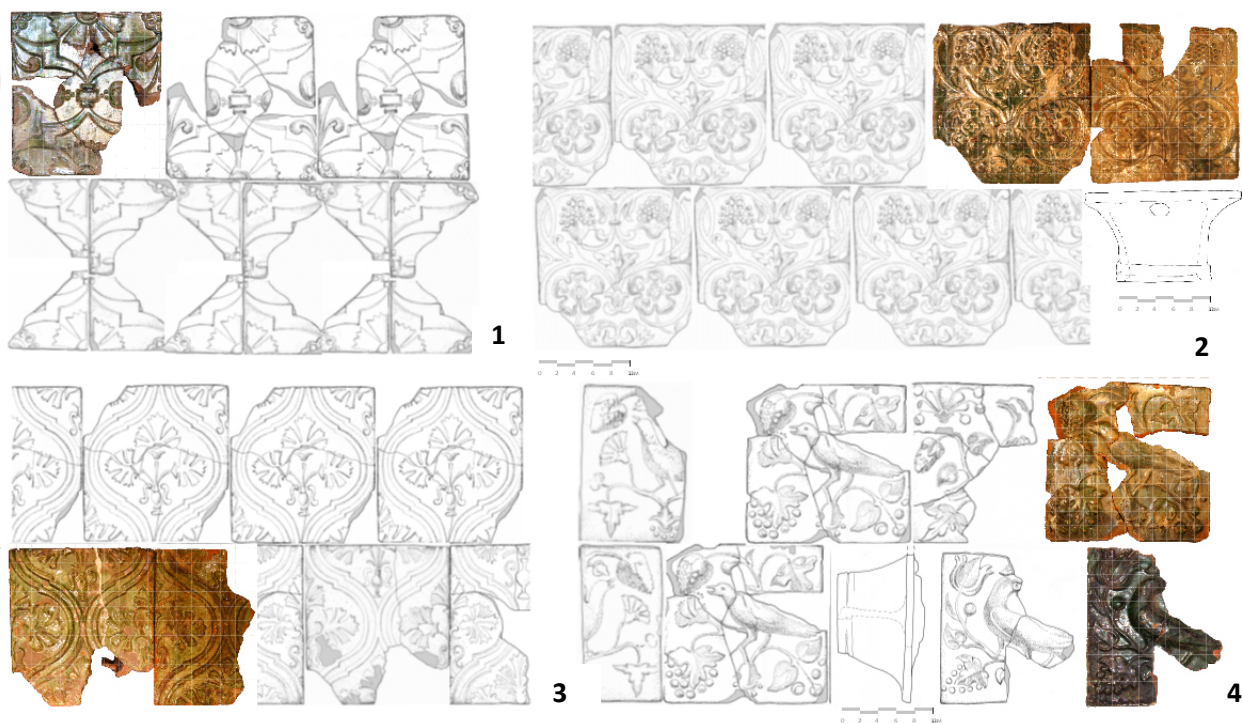

Рисунок 2. Реконструкция отдельных элементов печи ренессансного типа.
Стеновые изразцы: 1–3 – растительный ковровый узор; 4 – изразцы с птицей,
сидящей на виноградной лозе

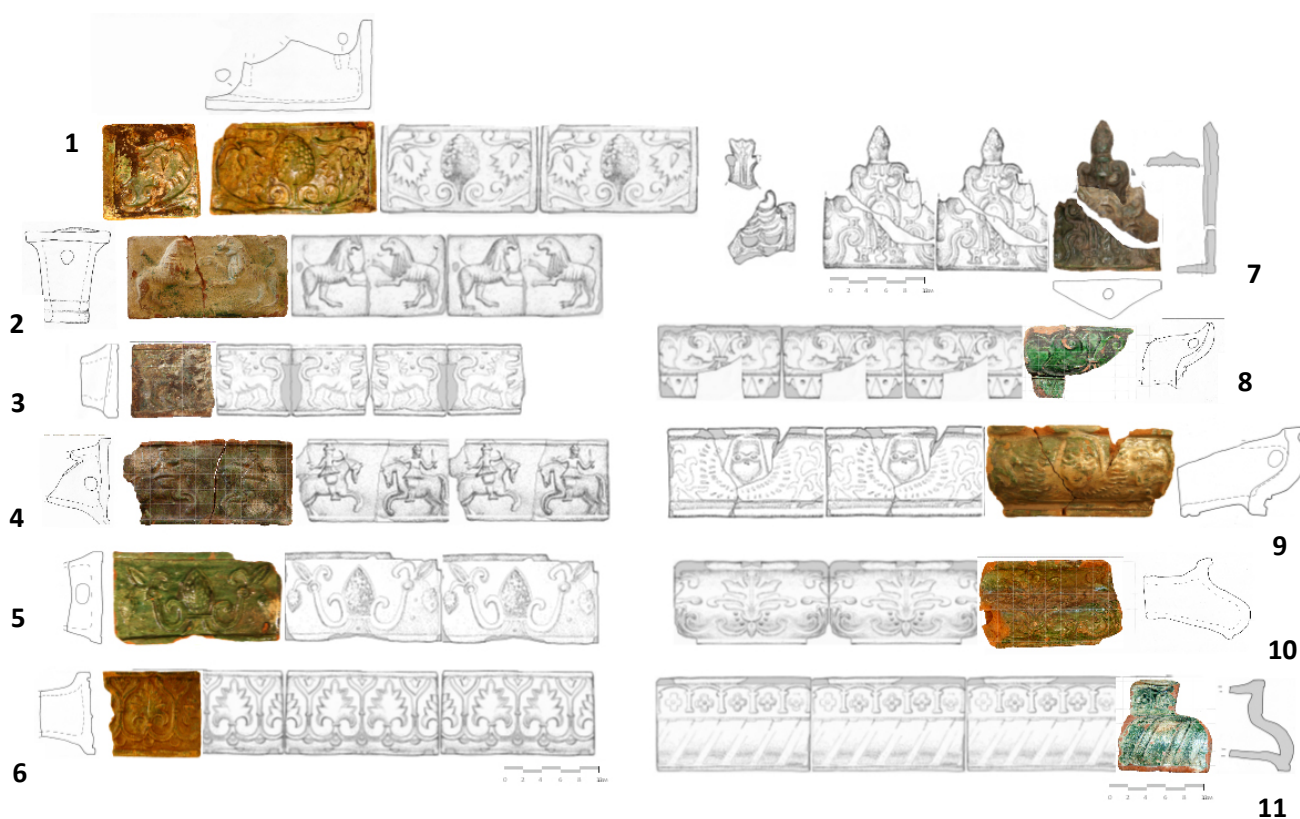

Рисунок 3. Реконструкция отдельных элементов печи ренессансного типа:
1–6 – плоские пояса; 7 – городки; 8–11 – карнизные пояса

Список источников и литературы

1. Баталов А. Л., Беляев Л. А. Сакральное пространство средневековой Москвы. Москва: Дизайн. Информация. Картография, 2010. 400 с.
2. Горбова С. А. История московских пожаров [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rusarch.ru/gorbova1.htm> (дата обращения 26.04.2022).
3. Московский летописный свод // Полное собрание русских летописей. Москва; Ленинград; Изд-во АН СССР, 1949. Т. 25. 463 с.
4. Евдокимов Г. С., Рузаева Е. Н. Новые данные о Грановитой палате Московского кремля по материалам натурных исследований 2011 г. // Искусство Древней Руси и стран Византийского мира: Выпуск II: Материалы II научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения Вал. А. Булкина, Санкт-Петербург, 3–4 декабря 2012 года. Санкт-Петербург: РИТМ, 2012. С. 50–60.
5. Липатов А. А., Туганова Д. С. Грановитая палата Московского Кремля по данным археологических исследований 2010–2011 гг. // Тверской археологический сборник. Вып. 10. Т. 2. Тверь: Триада, 2015. С. 408–434.
6. Ким О. Г. История строительства. Архитектура // Грановитая палата Московского Кремля. Санкт-Петербург: Арт Деко, 2013. С. 74–167.
7. Туганова Д. С. Печное убранство гражданских построек Московского кремля (по результатам работ 2011–2010 гг. в Грановитой палате) // Актуальная археология 6: Материалы международной научной конференции молодых ученых, Санкт-Петербург, 4–7 апреля 2022 г. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 2022. С. 265–268.
8. Розенфельдт Р. Л. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. Свод археологических источников. Вып. Е 1–39. Москва: Наука, 1968. 126 с.
9. Антипов И. В., Яковлев Д. Е. Теплый дом новгородского архиепископа: система отопления во Владычной палате 1433 года // Актуальные проблемы теории и истории искусства. Вып. 9. Санкт-Петербург: НП-Принт, 2019. С. 446–457.
10. Лобзова Р. В., Ярош В. Н. Технология исследования ранних изразцов Архитектурного декора собора Покрова на Рву // Вопросы музеологии. № 1 (7). 2013. С. 116–124.
11. Изразцы в собрании Новгородского музея: Каталог выставки. Великий Новгород: Моби Дик, 2006. 136 с.

ДЕНДРОХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ

Храбров Д. С.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(г. Великий Новгород, Россия)
E-mail: danil.hrabrov@mail.ru

DENDROCHRONOLOGICAL RESEARCH ON ARCHEOLOGICAL SITES OF THE NOVGOROD LAND

Khrabrov D. S.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
(Veliky Novgorod, Russia)
E-mail: danil.hrabrov@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена истории дендрохронологических исследований на археологических памятниках Новгородской земли. Период широкомасштабного применения дендрохронологического метода в археологии Новгородской земли насчитывает уже более 60 лет, однако обобщающих работ, полноценно посвященных данной теме, практически нет до сих пор. В основном история данных исследований представлена лишь очень краткими обзорами в предисловии различных не историографических работ. И хотя существуют работы, посвященные истории изучения конкретных памятников Новгородчины, они, тем не менее, не могут дать общее представление о масштабах и направлениях развития дендрохронологических исследований на Новгородской земле. В данной статье будут выделены и кратко рассмотрены основные этапы данных исследований, обозначены их общие закономерности и дальнейшие перспективы.

Ключевые слова: Новгородская земля, дендрохронологические исследования, история изучения, Б. А. Колчин, Н. Б. Черных, А. Ф. Урьева, О. А. Тарабардина.

Abstract. The article is devoted to the history of dendrochronological research on the archaeological sites of the Novgorod land. The period of large-scale application of the dendrochronological method in the archeology of the Novgorod land dates back more than 60 years, however, there are practically no generalizing works fully devoted to this topic so far. In general, the history of these studies is presented only by very brief reviews in the preface of various non-historiographic works. And although there are works devoted to the history of the study of specific monuments of the Novgorod region, they, nevertheless, cannot give a general idea of the scale and directions of development of dendrochronological research on Novgorod land. This article will highlight and briefly review the main stages of these studies, outline their general patterns and future prospects.

Keywords: Novgorod land, dendrochronological research, history of study, B. A. Kolchin, N. B. Chernykh, A. F. Uryeva, O. A. Tarabardina.

Одной из наиболее важных проблем археологических исследований является построение точной хронологии изучаемых материалов. Для решения данной проблемы в нач. XX в. в археологию стали внедрять естественнонаучные методы, среди которых наиболее высокая точность принадлежала дендрохронологическому, с помощью которого древесный археологический материал может быть датирован с точностью до одного года и даже сезона. Наиболее успешно в отечественной науке данный метод начал применяться на памятниках Новгородской земли, где он стал фактической основой хронологического распределения. Однако обобщающих работ, посвященных истории данных исследований, практически нет до сих пор. Исходя из этого в данной работе будет представлен краткий обзор дендроархеологических исследований Новгородской земли и определены их дальнейшие перспективы.

Хронологическими рамками работы является период применения дендрохронологического метода на памятниках Новгородской земли (с 1950-х по 2020-е гг.). В качестве географических рамок выступают границы средневековой Новгородской земли, включающей в себя такие археологические памятники, как Рюриково городище, Великий Новгород, Руса, Орешек, Корела, Ладога, Копорье и Торжок.

Зарождение дендрохронологии в нашей стране началось в конце XIX в. благодаря деятельности профессора Одесского университета Ф. Н. Шведова, работы которого, в связи с малым интересом к данному направлению исследований в то время, прошли незамеченными, и дальнейшее развитие и становление дендрохронологии происходило уже за рубежом в 20–30-х гг. XX в. Основоположником дендрохронологии как таковой считается американский астроном Э. Э. Дуглас.

В 1950-х гг. интерес к дендрохронологии стал проникать и в СССР, и первой крупномасштабной работой по данному направлению стало изучение материалов из Неревского раскопа Новгорода, проводимое с 1959 г. исследовательской группой во главе с Б. А. Колчиным [1, с. 113]. Отсюда начинается первый этап дендрохронологических исследований Новгородской земли.

Новгород, как отправная точка первых крупномасштабных дендрохронологических исследований, был выбран не случайно. Во-первых, на данный выбор повлияла непрерывность хорошо сохраняющегося древесного материала в культурном слое города. Во-вторых, наличие летописных упоминаний о климатических аномалиях. В-третьих,

разгоревшаяся дискуссия «Рыбакова – Арциховского и Колчина», требовавшая установления точных датировок Неревского раскопа, для решения возникшего спора.

В связи с отсутствием в отечественной науке основ дендрохронологических работ, в данный период происходит зарождение и внедрение дендрохронологического метода в отечественную археологию. Усилиями Б. А. Колчина и его коллег, в этот период разрабатывается методика дендрохронологии в СССР, определяются цели, задачи и место метода в археологии. При этом необходимо отметить, что практически все исследования данного периода производились вручную.

Данный период характеризуется, во-первых, созданием к 1967 г. первой в СССР лаборатории естественнонаучных методов, включающей в себя кабинет дендрохронологии. Во-вторых, запуском систематических дендроархеологических исследований Новгорода с созданием абсолютной дендрошкалы для города. Были изучены материалы: 1) Неревского раскопа (1959–1963), в ходе которых было установлено время строительства и ремонта для 28 ярусов мостовых улиц и более 70 сооружений и создана абсолютная дендрошкала с крайней точкой – 953 год [1, с. 137; 2, с. 218]; 2) Ильинского раскопа (1962–1967) – были получены датировки для 96 сооружений и создана абсолютная дендрошкала (957–1436) [3, с. 37] и др. раскопов. В-третьих, началом исследований на других археологических памятниках Новгородской земли: изучение материалов из раскопок Орешка (1968–74) и Корелы (1972–73).

В качестве основной закономерности данного периода можно выделить стремление ученых к созданию единых дендрошквал. После создания дендрошкалы для Новгорода, Б. А. Колчин совместно с Н. Б. Черных начал исследование по выяснению возможности сопоставления дендрошквал территориально удаленных памятников. К 1965 г. было произведено успешное сравнение шквал трех археологических памятников Северо-Запада СССР: Новгорода, Белоозера и Полоцка [4, с. 80]. К 1977 году на основе сопоставления созданных локальных дендрошквал для образцов из раскопов ряда древнерусских городов была сформирована единая абсолютная дендрошкала для всей Восточной Европы общей протяженностью равная двенадцати векам [3, с. 115]. Ее публикация является завершением первого периода дендроархеологических исследований Новгородской земли.

После завершения работ по созданию единой дендрошкалы для Восточной Европы Б. А. Колчин начал отходить от дендрохронологических

исследований и передал руководство кабинетом дендрохронологии своей ученице Н. Б. Черных, которая продолжила исследования материалов археологических памятников Восточной Европы и, в том числе, памятников Новгородской земли. Исследованиями материалов самого Новгорода занималась А. Ф. Урьева.

В методическом плане данный период охарактеризовался: 1) переводом акцентов от общих дендрошквал к дендрошкалам локальным, которые оказались более эффективны для конкретных датировок; 2) первыми опытами внедрения компьютерной техники для различных математических операций;

3) повышением значения образцов архитектурных сооружений, выделением особенностей их изучения. Данные изменения значительно увеличили эффективность метода и позволили произвести перепроверку и выявить сбои в новгородских дендрошкалах прошлого периода [5, с. 112].

В практическом плане данный период характеризуется, в первой своей половине (конец 1970-х – 1980-е гг.), географическим расширением дендрохронологических исследований Новгородской земли. Во второй половине (1990-е) – сворачиванием в связи с тяжелой ситуацией в стране практически всех широкомасштабных исследований, что привело к переходу на теоретическое обобщение. Из наиболее важных работ данного периода необходимо выделить изучение материалов: 1) мостовых Троицкого раскопа Великого Новгорода (1976–1983), в ходе которых были получены даты строительства и ремонта для 32 ярусов мостовых и получена абсолютная дендрошкала (940–1456) [6, с. 226]; 2) материалов раскопов Старой Руссы (1960–80-е), где было отобрано 139 образцов, что позволило создать две относительные хронологии для памятника [7, с. 100]; 3) раскопов на Староладожском городище и Ладожском посаде (1972–76), где были составлены две абсолютные дендрохронологические шкалы: для городища (612–969) и для посада (774–995) [7, с. 117] и др. памятников.

Окончание данного периода и начало нового связано с выходом монографии Н. Б. Черных «Дендрохронология Восточной Европы» в 1996 г. и созданием в 1995 г. в ЦООАИ НГОМЗ лаборатории дендрохронологических исследований (во главе с О. А. Тарабардиной), которая стала центром изучения новгородских материалов [8, с. 77] и позволила сместить интерес кабинета дендрохронологии лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН на изучение материалов других памятников.

Третий этап характеризуется, во-первых, внедрением в исследовательский процесс современных технологий (в частности, специализированных компьютерных программ) с полуавтоматической системой измерения годовых колец, позволивших ускорить исследования и максимизировать на данный момент эффективность метода. Например, если в монографии Н. Б. Черных 1996 г. доля датированных образцов составляет около 35% от общего числа собранных образцов, то уже в статье О. А. Тарабардиной 2009 г. эта доля увеличивается приблизительно до 61% [7, с. 26; 8, с. 83]. Во-вторых, переходом к дифференцированному изучению разных видов строительной древесины, что, в частности, проявляется в создании отдельных дендрошкал для разных видов деревьев на одном памятнике.

В практическом плане данный период характеризуется, во-первых, переводом центра исследований Новгородских материалов из Москвы в Новгород. Во-вторых, возвращением к широкомасштабным исследованиям как самого Новгорода (в котором уже начался переход от датирования отдельных сооружений к исследованиям динамики городской застройки в целом), так и ряда других памятников Новгородской земли. В-третьих, в данный период впервые с успехом начинают исследоваться материалы, предоставленные подводной археологией, и карбонизированное археологическое дерево. Из исследований данного периода необходимо выделить изучение материалов: 1) из раскопов Новгородского Детинца (1995–2004; 2008–2010), в ходе которых были получены датировки для 17 сооружений и были созданы две дендрошкалы: 977–1388 и 1752–1893 гг. [9, с. 203]; 2) Великого Моста (с 2005), в ходе которых впервые были успешно датированы материалы, предоставленные подводной археологией, – датировку получили 12 образцов, что позволило датировать отдельные детали моста [10, с. 223]; 3) раскопов Старой Руссы, где за период исследований с 1999 по 2015 гг. было датировано 350 образцов и на их основе создана первая абсолютная дендрошкала для Русы (870–1431) [11, с. 4] и др. памятников.

Дальнейшие перспективы дендроархеологического изучения на Новгородской земле видятся в хронологическом и территориальном расширении изучаемых материалов, которые помогут закрыть образовавшиеся в ходе некоторых исследований хронологические лакуны, и в изучении на основе уже накопленных материалов динамики городской застройки на ряде памятников Новгородской земли, таких как Руса.

Список источников и литературы

1. Колчин Б. А. Дендрохронология Новгорода // Советская археология. 1962. № 1. С. 113–139.
2. Колчин Б. А. Дендрохронология построек Неревского раскопа // Труды Новгородской археологической экспедиции Т. 4. Москва: Изд-во АН СССР, 1963. С. 166–220. (МИА, № 123).
3. Колчин Б. А., Черных Н. Б. Дендрохронология Восточной Европы. Москва: Наука, 1977. 127 с.
4. Колчин Б. А. Дендрохронология Восточной Европы // Археология и естественные науки. Москва: Наука, 1965. С. 62–85.
5. Урьева А. Ф., Черных Н. Б. Дендрощкалы Новгорода: опыт компьютерной обработки // Новгород и Новгородская земля: материалы науч. конф., Новгород, 24–26 янв. 1995 г. Великий Новгород, 1995. Вып. 9. С. 106–114.
6. Урьева А. Ф. Дендрохронология мостовых Троицкого раскопа в Новгороде // Естественнаучные методы в археологии. Москва: Наука, 1989. С. 214–228.
7. Черных Н. Б. Дендрохронология и археология. Москва: NOX, 1996. 213 с.
8. Тарабардина О. А. Дендрохронология средневекового Новгорода (по материалам археологических исследований 1991–2006 гг.) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. Вып. 37. С. 77–84.
9. Тарабардина О. А. Дендрохронологическое исследование сооружений Кремлевского раскопа-I // Новгородский детинец и Владычный двор в XI–XV вв. / отв. ред. М. А. Родионова. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2017. С. 199–205.
10. Тарабардина О. А. Новгородский Великий мост в свете данных дендрохронологических исследований // Археология и история Пскова и Псковской земли. 2014. № 29 (59). С. 218–224.
11. Тарабардина О. А. Дендрохронология средневековой Руссы в XXI веке // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. 2018. Вып. № 6 (18). С. 1–6.

Научное издание

ИСТОРИЧЕСКОЕ ВЕЧЕ: ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ

*Сборник статей Всероссийской (с международным участием)
научной конференции студентов и молодых ученых
Великий Новгород, 10–11 февраля 2022 года*

Редактор *В. О. Шипулин*
Компьютерная верстка *И. В. Люля*

Подписано в печать 07.04.2023. Бумага офсетная. Формат 60×84 1/16.

Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 8,3. Уч.-изд. л. 8,9. Тираж 500 экз. Заказ № 07042023.

Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого.
173003, Великий Новгород, ул. Б. Санкт-Петербургская, 41.

Отпечатано: ИП Копыльцов П.И.,
394052, Воронежская область, г. Воронеж,
ул. Маршала Неделина, д. 27, кв. 56.

Тел.: 89507656959. E-mail: Kopyltsow_Pavel@mail.ru